

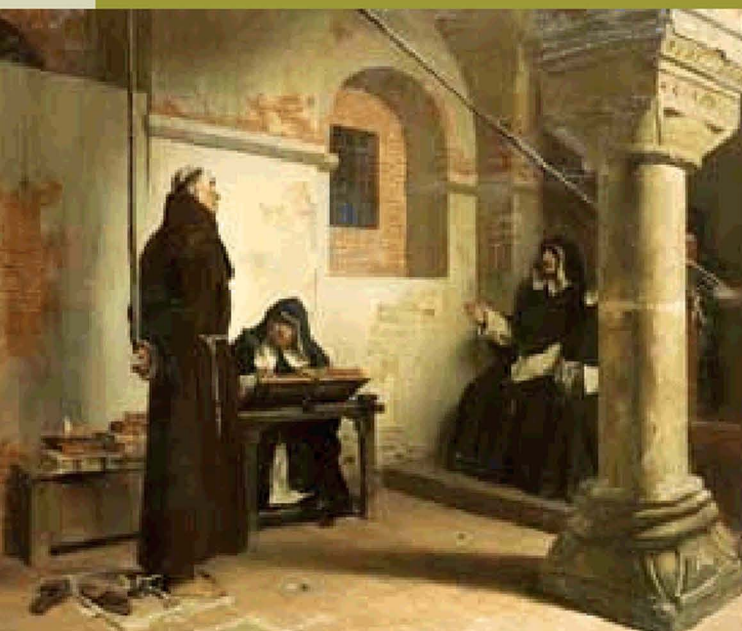
история / география / этнография

Наталия Московских

И

НКВИЗИЦИЯ
и инквизиторы
во Франции

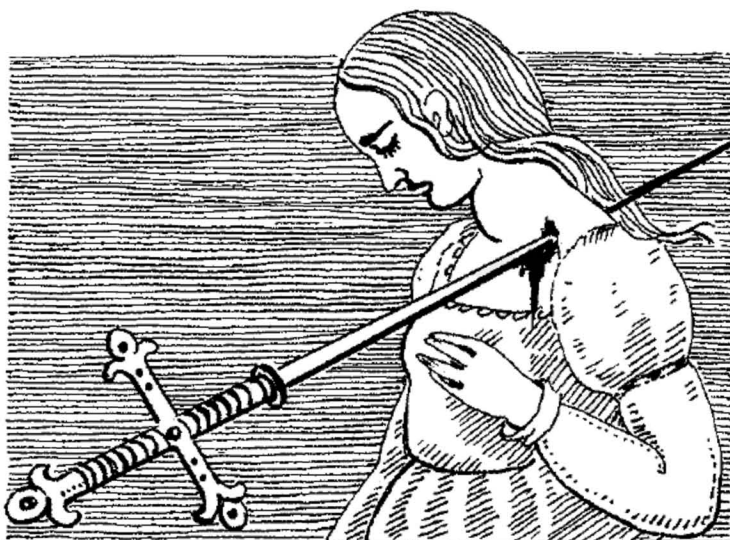

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Наталия Московских

ИНКВИЗИЦИЯ
и инквизиторы
во Франции

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 94(44)"198/1791"
ББК 63.3(4Фра)
М82

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тиболовой

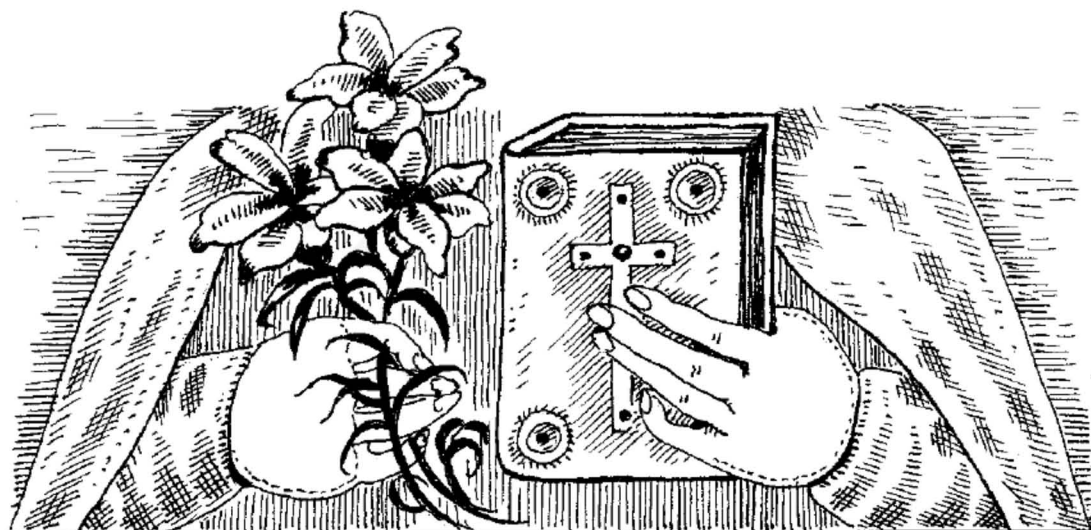

ISBN 978-5-91678-518-0

© Наталия Московских, 2019

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019

Основные предпосылки к рождению инквизиции

Когда речь заходит о религиозной сфере, многие забывают о том, что религия включает в себя не только тонкий процесс духовной связи человека с Создателем — она завязана на целую систему взглядов, ценностей, моральных норм, типов поведения, базирующихся на вере в сверхъестественное. Из этого вытекают не только обряды, культы и традиции, из этого возникает и необходимость объединения людей в особые организации (религиозные общины и проч.), которые являются собой иллюстрацию религии как формы сознания части общества, то есть совокупности духовных представлений, побуждающих к специфическому для каждого верования поклонению высшим силам. Эти организации требуют управления, которое, так или иначе, сводится к вопросу о власти.

Самый прочный фундамент для этой власти — люди, массово исповедующие учение, которое, в свою очередь, становится ключом к управлению паствой. Чем больше умов готовы следовать учению и приносить определенные жертвы на алтарь своей веры, тем прочнее становится власть тех, кто

встает во главе учения. Схема проста и весьма эффективна — иначе вряд ли она продержалась бы на плаву хотя бы с десятков лет.

Но любое действие встречает противодействие. Эффективной схеме распространения власти через монополизацию верования мир противопоставил не менее мощного врага, а именно — человеческий ум, живость которого и стремление к познанию истины и смысла всего сущего не может вечно находиться в цепях одного-единственного набора догматов. Человеческая мысль подвижна, а душа мятежна и беспокойна, и порождениями этой взрывоопасной смеси неизменно становятся все новые и новые гипотезы о смысле жизни, о мироустройстве, о природе человека и его Создателя, о душе...

Человеческий ум и его мятежный дух как раз и порождают то, что приверженцы догматов устоявшейся веры называют ересью.

Итак, что же такое ересь? И чем и для кого она может быть опасна?

Ересь — есть сознательное отклонение от религиозного учения, считающегося верным, либо изменение подхода к нему. Дословно с древнегреческого слово *αἵρεσις* — «ересь» — означает «выбор, направление, течение». Для людей, стремящихся сохранить власть, которая базируется на едином религиозном учении, любое вольнодумство — злейший враг, так как оно грозит существенно проредить тот плотный фундамент из верующих, на котором стоит религиозная организация. Говоря по-простому, она может подрезать у самого основания три главных столпа, на которых стоит правящая верхушка духовенства:

- влияние и авторитет, которым духовенство пользуется у верующих;
- территории, на которые это влияние распространяется;
- приток денег, которые верующие теми или иными путями жертвуют на алтарь своего верования.

Эти три столпа взаимозависимы, и чем связь между ними крепче, тем более хрупким выглядит фундамент религиозной организации. И как следствие, тем с бóльшим рвением правящая верхушка будет этот фундамент защищать, про-

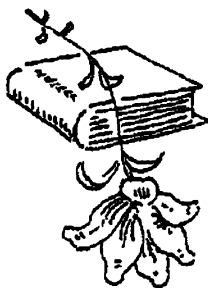
являя при этом жестокость хищника, почуявшего угрозу со стороны другого зверя.

В этом контексте очень важно не перепутать *религию* как особое отношение человека к миру и самому себе и *организацию религиозной системы*, в основе коей лежит иерархическая структура, подобная структуре государственной власти, элементы которой можно градировать в зависимости от силы влияния и наличия оногo «на душу населения».

Итак, когда определенное вероучение становится доминирующим на той или иной территории, естественным стремлением тех, кто руководит основанной на этом вероучении религиозной формацией, — повторимся — является пресечение вольнодумства, которое может привести к расшатыванию их власти.

Пожалуй, следует вспомнить, что на заре христианства те, кто исповедовал это тогда еще молодое учение, подвергались жестоким гонениям именно как еретики и нередко умирали тяжелой мученической смертью. Следует пойти дальше и вспомнить, что история Страстей Христовых также является осуждением и преданием казни не кого-нибудь, а еретика от иудаизма: «И поднялось все множество их, и повели Его к Пилату, и начали обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем. Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он сказал ему в ответ: ты говоришь. Пилат сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке. Но они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места»*.

Но, так или иначе, несмотря на гонения, христианство выстояло, окрепло и начало распространяться по миру, и вот уже в 301 году оно становится официальной государственной религией Великой Армении. А с 313 года — во времена правления императора Константина I после Миланского эдикта о свободе вероисповедания — оно постепенно начинает обретать статус государственной религии и в Римской империи.

* Лк. 23:1–5.

Примерно с этой точки отсчета можно рассматривать период 313–1054 годов, окрещенный в истории периодом Вселенских соборов*, на которых формировались, утверждались и раскрывались христианские догматы. Главной целью этих мероприятий было, разумеется, достижение единообразия в вероучении и практиках богослужения, так как после того, как христианство сделалось легальным, а количество его последователей существенно увеличилось, начались расхождения в трактовках, практиках и обрядах в разных частях Римской империи. Впрочем, несмотря на изначальную благую цель, некоторые Вселенские соборы не только не примирили оппонентов внутри христианства, но и способствовали укреплению распрей и разветвлению христианства на отдельные течения. Некоторым из новых ответвлений покровительствовали позже императоры, принимавшие активное участие в делах церкви, что также усложнило ситуацию.

В IV веке Римская империя разделилась на Византийскую с центром в Константинополе и Западную с центром в Риме, и христианство в этих разделенных частях также развивалось по-разному, что века́ спустя повлекло за собой в 1054 году событие, названное в истории Великой схизмой, или Великим расколом христианской церкви.

* Стоит остановиться на том, что такое Вселенский собор. По сути, это совещание высшего духовенства, которое может растягиваться на очень долгое время. Как правило, Вселенские соборы проходят в каком-либо назначенном для этого мероприятия городе, по имени которого этот собор после и именуется. Туда съезжаются разномастные представители духовной аристократии и выступают с речами, после чего коллегиально (хотя последнее слово остается за понтификом) выносятся решения по наболевшим насущным вопросам, касающимся религиозной жизни. Нередко на Вселенских соборах появляются и представители светской власти. Разумеется, такое собрание длится не непрерывно: участники могут уезжать с него и снова возвращаться по необходимости. Таким образом, собором обозначается некий период, в течение которого представителями духовной и светской власти выносятся доктринальные (догматические), церковно-политические и судебно-дисциплинарные решения.

Если кратко, вследствие раскола папа римский и константинопольский патриарх, так и не придя к согласию по вопросам догматического, канонического и литургического характера, взаимно отлучили друг друга от церкви. То есть, по сути, два руководителя крупнейших христианских формаций взаимно обвинили друг друга в ереси.

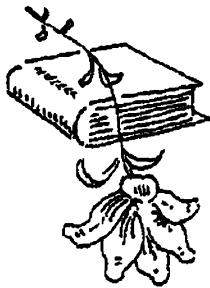
Этот пример несогласия по вопросам веры не является единственным, но примечательны его масштабы. Как бы то ни было, он подтверждает сказанное ранее: с развитием христианского учения в умах людей, его исповедующих, то и дело рождались новые взгляды на установившиеся догматы. Когда люди начинали разделять чей-то новый взгляд на христианство, они объединялись и автоматически образовывали еретическую секту. Некоторые из этих сект оставались малочисленными и не проявляли амбиций, другие — разрастались до внушительных масштабов.

Ересей от христианства было не перечесть: гностицизм, монтанизм, манихейство, арианство, учение Вальдо, катаризм, аполлинарианство и т. д. Власть имущие религиозные деятели предпринимали самые разные (порой совсем отчаянные) попытки сдержать их распространение. Стоит согласиться с выводом, который делает на этот счет в своей работе «История инквизиции» советский историк И. Р. Григулевич: «С раннего периода существования христианской Церкви епископы, и в их числе папы римские, были наделены инквизиторскими полномочиями — расследовать, судить и карать еретиков и пользовались ими на протяжении всей истории Церкви... Если исходить из этих фактов, то следует признать, что священные трибуналы были отнюдь не единственной формой инквизиции».

Тем не менее ныне принято отождествлять инквизицию с появлением священного трибунала.

Итак, *когда же и где* возникла та самая инквизиция, образ которой помнит современный человек? На вторую часть вопроса ответить намного проще.

Расхожее мнение таково, что священный трибунал зародился в Испании, но это не так. Колыбелью монашеской инквизиции — той, чей образ присутствует в нашем созна-

нии, — является Франция. Призывным сигналом к ее возникновению послужил Альбигойский крестовый поход — серия военных кампаний по искоренению ереси катаров во французской провинции Лангедок в 1209—1229 годах, инициированных католической церковью.

На вопрос, когда именно отмечать день рождения инквизиции, ответить сложнее, потому что однозначного ответа просто нет. Создание *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium** было обусловлено необходимостью подавить распространившуюся на обширных французских территориях катарскую ересь. То же самое «катарское зло» послужило и поводом к началу кровопролитных Альбигойских войн. Но, по сути, Альбигойский крестовый поход был связан с территориальным и политическим конфликтом. Идеологическая составляющая была лишь удобным предлогом, не более того.

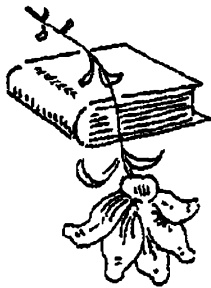
В 1198 году на папский престол под именем Иннокентий III взошел тридцатисемилетний Лотарио деи Конти ди Сеньи. Будучи ярким противником ереси, он учредил комиссию по преследованию оной, сосредоточившись, по большей части, на альбигойцах (катарах), секта которых в те времена приобрела пугающее множество сторонников на юго-востоке Франции и находилась под покровительством графов Тулузских. Учение катаров набрало такую огромную популярность в Лангедоке, что стало представлять для высокопоставленных сановников римского католичества серьезную угрозу. При этом высшему духовенству, привыкшему к роскоши, которую давало привилегированное положение, было нечего противопоставить катарским «совершенным», чей образ жизни сильно отзывался в душах верующих. Подобно католическим проповедникам, катарские «совершенные» учили своей вере других людей и отпускали им грехи. Они являли собой тот самый пример апостольской бедности, удивительной кротости и доброты, который люди искали и не находили в католическом духовенстве.

* Дословно: Святой отдел расследований еретической греховности (лат.).

Последователей катаризма становилось все больше. В апреле 1198 года Иннокентий III направил во Францию своих эмиссаров — монахов Ренье и Ги, наказав им разгромить катарских проповедников на диспутах, но, кроме того, наделив их — видимо, на случай, если разгромить не удастся, — полномочиями организовать преследование еретиков и применять против них не только «духовный меч отлучения», но и «железный меч». Однако успеха Ги и Ренье не снискали, и в 1202 году их заменили монахи-цистерцианцы Пьер де Кастельно и Арнольд Амальрик — с еще более решительными указаниями по отношению к еретикам. Вскоре к ним присоединился вернувшийся из дипломатической поездки в Данию испанский католический проповедник Доминик де Гусман Гарсес, более известный современному читателю как святой Доминик.

Пораженный размахом катарской ереси в Южной Франции, Доминик решил посвятить себя проповеди Евангелия и борьбе с еретическими заблуждениями в Лангедоке. К 1206 году в Пруйле ему даже удалось основать женскую общину, в состав которой вошли обращенные из ереси женщины и дочери католического дворянства. Подражая образу жизни катарских «совершенных», то есть действуя методами своего злейшего врага, проповедники, подчиненные понтифику, странствовали по Лангедоку в нищенском облачении и призывали на борьбу с ересью местное население, которое, однако, не спешило становиться на их сторону. Даже святой Доминик не сумел, несмотря на свой знаменитый дар убеждения, существенно проредить ряды еретиков и вернуть их в лоно католической церкви.

Если вдуматься, то сами по себе катары ничего угрожающего в себе не несли. Они не собирались силой обращать католиков в свою веру, хотя многие их утверждения называли предрассудками и относились к ним с иронией. В катарском трактате «Книга о двух началах» говорится: «Становится совершенно непонятным, каким образом ангелы, созданные добрыми, могли возненавидеть добро, подобное им и существовавшее вечно, а также, почему эти добрые ангелы склонились ко злу, еще не существовавшему, и полюбили его...»

Катаризм — во всяком случае, в том состоянии, в котором он находился к 1208 году, — не стремился к власти как таковой. Катары не пошли по пути воинственного расширения влияния, и насаждение своей веры не стало их первостепенной задачей. Бессмысленно пускаться в рассуждения о том, что было бы, просуществовай катарская ересь еще несколько веков и привлеки к себе еще больше последователей. Исключен ли вариант, что нашлись бы люди, которые увидели бы в этом веровании золотую жилу — прочнейший фундамент для становления своей власти? Не предприняли бы они попыток пройти с помощью догматов катаризма тот же путь, что прошла католическая церковь? Как знать. Но история не знает сослагательногоклонения.

Таким образом, угрозу как таковую римско-католической церкви катарская ересь если и представляла, то минимальную и в дальней перспективе. И не о том, чтобы отвести ее, пекся Иннокентий III, призывая к крестовому походу. В своем воинственном послании он заявил: «Объявляем по сему свободными от своих обязательств всех, кто связан с графом Тулузским феодальной присягой, узами родства или какими другими, и разрешаем всякому католику, не нарушая прав сюзерена, преследовать личность сказанного графа, занимать его земли и владеть ими. Восстаньте, воины Христовы! Истребляйте нечестие всеми средствами, которые откроет вам Бог! Далеко простирайте ваши руки и бейтесь бодро с распространителями ереси; поступайте с ними хуже, чем с сарацинами, потому что они сами хуже их. Что касается графа Раймона... выгоните его и его сторонников из их замков, отнимите у них земли для того, чтобы правоверные католики могли занять владения еретиков». О спасении заблудших душ в этом послании ни слова. А вот об изъятии у приспешников графов Тулузских их владений сказано прямым текстом.

Об этом говорит и историк Роже Каратини в своей работе «Боевой путь альбигойской ереси». По его мнению, «глубинная и основная причина [крестового похода] не имела никакого отношения к религии», он был «неизбежным следствием политики территориальной экспансии, которую

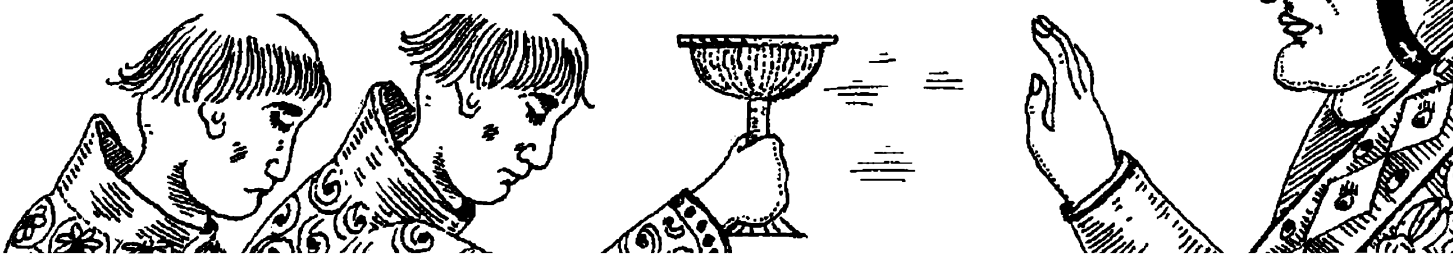
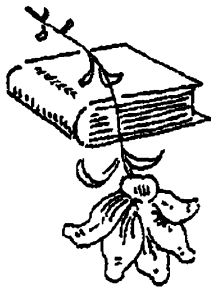
вел Филипп Август... Второй глубинной причиной, объясняющей, в частности, жестокий характер этой войны под религиозным предлогом, была алчность северных баронов. Они увидели в этом крестовом походе средство получить в качестве феодалов земли графа Тулузского и его вассалов, и произошло это в тот момент, когда материальная и территориальная выгода от крестовых походов в Святую землю начала уменьшаться». И лишь побочной причиной, предлогом для начала Альбигойских войн Каратини называет распространение на юго-востоке Франции катарской ереси.

Но вернемся к истории. Отчаявшийся заручиться поддержкой графа Раймона VI Тулузского Пьер де Кастельно отлучил его от церкви, и ответ графа не заставил себя ждать: 15 января 1208 года один из приближенных Раймона VI убил Кастельно. Это был прекрасный повод для развязывания военного конфликта, и 10 марта 1208 года папа Иннокентий III выступил с посланием, приведенным выше. Послание папы нашло отклик у жителей Северной Франции, и Лангедок погрузился в разорительную войну.

Иннокентий III тем временем с большим жаром продолжал расправляться с еретиками не только в Лангедоке, но и в папских владениях. Тысячи еретиков были изгнаны из своих домов и даже из родных городов без каких-либо средств к существованию, лишены своего имущества, а сильно упорствующие — были казнены.

Менее чем за год до своей внезапной кончины в Перудже Иннокентий III созвал XII Вселенский собор (он же известен как IV Латеранский; 1215 год), который predetermined развитие антиеретической политики папства. Собор запретил духовенству участвовать в судебных ордалиях*, что, по сути, стало поводом к стремительному исчезновению ордалий из практики судопроизводства. Там же, на IV Латеранском со-

* Ордалии в широком смысле обозначали отдачу себя на Божий суд, а на практике представляли собой суд путем испытания водой или огнем. Рассматривались такие варианты испытаний, как опускание связанным в воду, удержание в руках раскаленного железа и т. д. Выдержавший испытание признавался оправданным, не выдержавший — виновным.

боре, был принят третий канон*, который являлся, по сути, постановлением по борьбе с ересью и фактическим юридическим основанием для учреждения инквизиционных трибуналов. В тексте этого постановления раскрывается воинственная политика римско-католической церкви касательно преследования инакомыслия. Церковь не просто призывала, но и обязывала всех светских правителей к борьбе с ересью, а в случае отказа напоминала им о возможном отлучении от церкви.

Во время IV Латеранского собора внимание папы было обращено прежде всего к монастырям и монашеским орденам, то есть к низестоящему духовенству, поскольку, проанализировав ситуацию на религиозном фронте, он осознал, что одной из причин роста популярности еретических течений стал моральный упадок духовенства высшего звена и соответственно падение его авторитета в глазах верующих. Потенциально монастыри и ордена могли послужить понтифику подспорьем в его борьбе, так как являли собой положительный пример следования католической вере. Однако на деле все обстояло немного иначе, потому что большинство монастырей и орденов подчинялись, скорее, локальной светской власти, нежели напрямую папе**.

Посему напрашивалось иное решение: учредить новые монашеские ордена, которые были бы в непосредственном подчинении понтифика.

Реализовать эту идею Иннокентий III не успел. Это сделал сменивший его на святом престоле камерарий*** Ченчио Савелли, ставший папой под именем Гонорий III. Он утвердил уставы кармелитов и францисканцев, а немногим позже выпустил буллу «*Gratum omnium*», в тексте которой

* Полный текст можно прочесть в работе Раймонда Форвиля «I, II, III и IV Латеранские соборы». В переводе на русский язык он приведен у И. Р. Григулевича в работе «История инквизиции».

** Во Франции — особенно. Плотное взаимодействие духовенства и светской власти здесь наблюдалось еще со времен Карла Великого.

*** Камерарий (камерленго) — административная должность при папском престоле с различными функциями, среди которых выделяются управление финансами и имуществом.

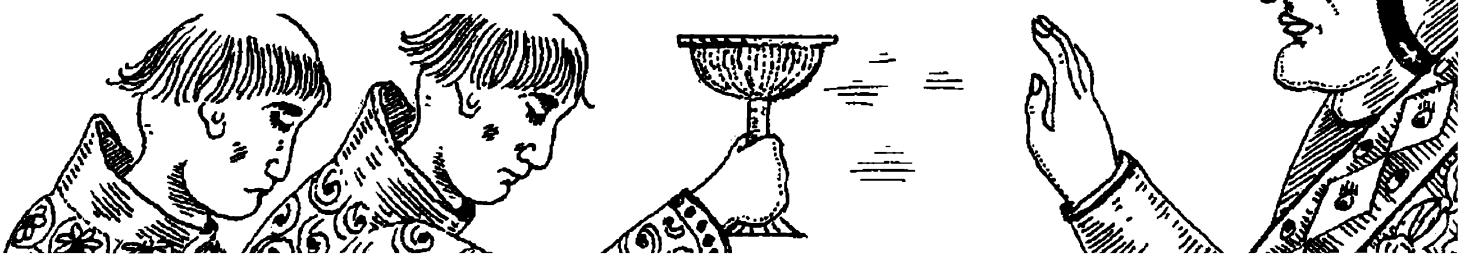
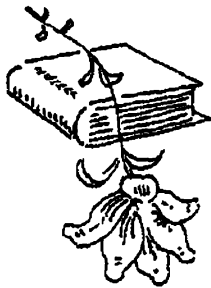
впервые назвал доминиканцев братьями-проповедниками. Основателем ордена доминиканцев, или, как его еще стали называть, ордена братьев-проповедников, был святой Доминик, известный своей преданностью папству*.

Папа платил доминиканцам взаимностью и оказывал им всяческое покровительство. Обратил он свой взор также на созданный в 1209 году орден францисканцев, основателем которого был Джованни Бернардоне, более известный как святой Франциск Ассизский, знаменитый своим смирением и призывами к верующим отказаться от всякой собственности, а пропитание себе добывать физическим трудом. Поначалу высшее духовенство отнеслось к «серым братьям» (так называли францисканцев за цвет их сутан) с подозрением, уловив в содержании их проповедей схожесть с учением вальденсов**, однако вскоре Франциск, выступавший перед населением как апологет политики папства, все же расположил к себе понтифика.

Вскоре доминиканцы и францисканцы, на которых более не распространялся контроль местных епископов, начали рассредоточиваться по миру, наделенные правом проповедовать, исповедовать, налагать/снимать епитимьи, отлучать от церкви, вести партизанскую деятельность в общинах еретиков (даже притворяться таковыми при необходимости) и совершать едва ли не любые деяния, если это было в интересах церкви. По сути, активная деятельность именно этих орденов в XIII веке удержала католическую церковь от угрожавшего ей развала.

* Символичность этой преданности отразилась в эмблеме ордена: доминиканцы сделали своей эмблемой собаку с пылающим факелом в зубах, что подчеркивало иронично созвучное с именем основателя ордена словосочетание «Domini canes» («Псы Господни»), которое стало еще одним, неофициальным названием детища святого Доминика.

** Ученики лионского купца Пьера Вальдо, апеллировавшие к идеалам раннего христианства и пропагандировавшие бедность и отречение. Первая крупная община вальденсов возникла около 1176 года. В 1179 году вальденсы отправились в Рим, чтобы получить папское благословение, однако тогдашний понтифик Александр III запретил им проповедовать свое учение. Его преемник Луций III в 1184 году и вовсе отлучил вальденсов от церкви.

Но вернемся к последствиям IV Латеранского собора и проследим дальше все предпосылки к рождению *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium*.

В 1227 году на папский престол взошел племянник Иннокентия III Уголино деи Конти ди Сеньи, известный под именем Григория IX, который продолжил политику по укреплению католической церкви. Это третий папа, с именем которого историки связывают процесс учреждения и становления инквизиционных трибуналов.

Поместный собор в Тулузе в 1229 году существенно дополнил постановления IV Латеранского собора относительно преследования ереси. Теперь, как пишет И.Р. Григулевич, «епископам вменялось в обязанность в каждом приходе назначать одного или нескольких священников с инквизиторскими функциями — разыскивать и арестовывать еретиков, хотя право суда над ними оставлялось за епископом. Добровольно раскаявшиеся еретики подлежали высылке в другие области. Для опознавания им повелевалось носить на одежде (на спине и на груди) отличительный знак — крест из цветной материи; раскаявшиеся из-за боязни смертной казни подлежали тюремному заключению “вплоть до искупления греха”. Приходским священникам приказывалось выставлять на видном месте списки всех прихожан. Прихожане — мужчины с 14-летнего и женщины с 12-летнего возраста — должны были публично предать анафеме ересь, поклясться преследовать еретиков и присягнуть на верность католической вере. Присяга возобновлялась каждые два года; отказавшиеся присягать навлекали на себя обвинение в ереси. Верующим приказывалось исповедоваться трижды в год — на Рождество, Пасху и Троицын день. За выдачу еретика церковь обещала платить доносчику 2 серебряных марки в год в течение двух лет. За помощь еретикам виновник лишался имущества и передавался в распоряжение сеньора, который мог сделать с ним “что пожелает”. Дом еретика сжигался, собственность его конфисковалась. Примиренный с церковью еретик терял гражданские права, еретикам-врачам запрещалось заниматься лечебной практикой. Местные власти под страхом отлучения и конфискации имущества

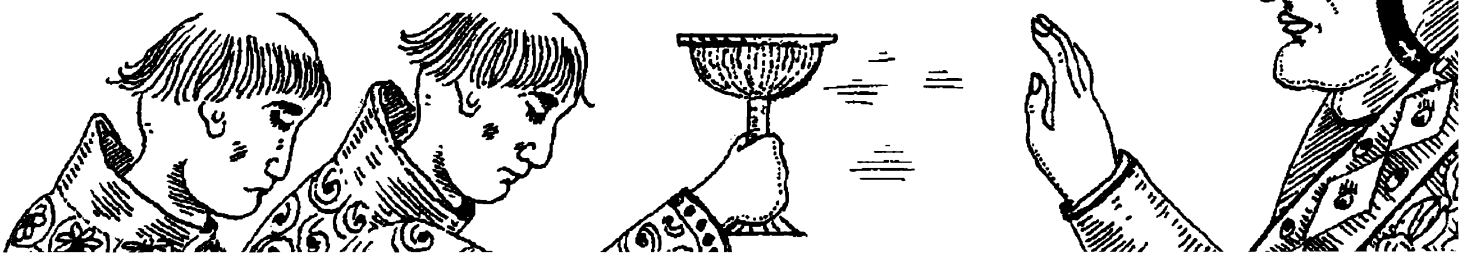
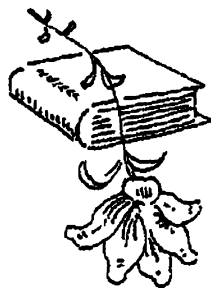
обязывались следить за исполнением этих решений Тулузского собора».

Отвлечемся на пару минут от основного повествования и уточним, чем же было так опасно отлучение от церкви и почему эта угроза широко шла в ход и давала нужный эффект.

Отлучение от церкви проводилась на богослужении в присутствии целого прихода и обязательно не одним священником. Чаще всего при этом присутствовал представитель высшего духовенства — епископ или архиепископ.

Примерный текст проклятия, адресованного отлучаемому, — анафемы звучал следующим образом: «Во имя Господа Всемогущего Отца, во имя Сына и во имя Святого Духа, во имя всех святых и во имя Его Святейшества [имя нынешнего понтифика] вызываем тебя, имярек. [Бывало и чуть короче: “Властью, дарованной нам, дабы вязать и разрешать узы на земле и на небесах, вызываем тебя, имярек”]. Известно, что ты, имярек, некогда крещенный во имя Отца, Сына и Святого Духа, отпал от тела Христова, совершив грех [наименование инкриминированных преступлений, можно списком]. Имея в виду твое богопротивное деяние [или деяния], мы, скорбя душою, лишаем тебя, имярек, причастия и крови Господа нашего Иисуса Христа. Мы отделяем тебя от сообщества верующих христиан и отлучаем от священных пределов Церкви. Мы отнимаем тебя от груди святой Матери-Церкви на небесах и на земле. Мы объявляем тебя, имярек, отлученным и осужденным на предание геенне огненной с Сатаной и всеми нечестивыми его бесами. За содеянное тобою зло мы предаем тебя проклятию и призываем всех любящих Господа нашего Иисуса Христа и верных Ему [далее идут отчетливые руководства к действию для общины; например: “не давать тебе, отлученному, приюта и ночлега” или “преследовать тебя для предания надлежащей каре” (в случае, если, к примеру, отлученный скрывается), и т. д.]».

Ясно, чем такое словесное проклятие было чревато для человека, даже если он не отличался особой набожностью. Помимо того, что преданному анафеме человеку угрожали нескончаемыми адскими муками, если он не избавится от

пороков и прегрешений и не примирится с церковью, его также могло настигнуть и негодование народное. Люди отказывались вести с отлученным какие-либо дела, осуждали его при встречах на улицах, а то и забрасывали его дом камнями. Фактически анафема была равносильна клейму прокаженного, только указывала она на проказу духовную. И неизвестно, чего люди Средневековья боялись больше.

Церковь всячески культивировала подобное отношение к отлученным. Священники во время службы, бывало, тушили свечи, клали на пол распятие и под сопровождение похоронного звона, повторяли проклятие для отлученного, на что очень остро реагировали остальные прихожане. Снять анафему при этом мог только тот, кто ее наложил, либо папа римский. Причем прощение нужно было заслужить длительным покаянием и исполнением условий суровой епитимьи, не говоря уже о благотворительных вкладах в церковную казну. На то, чтобы образумиться, человеку обыкновенно давался год. По его истечению отлученный признавался вероотступником и мог быть осужден наравне с еретиками-рецидивистами.

Важным нововведением Тулузского собора был запрет верующим иметь Библию у себя дома — теперь это становилось прерогативой исключительно духовенства. В постановлении собора говорилось: «Запрещаем мирянам иметь у себя книги Ветхого и Нового Завета, разве что псалтирь или молитвенник... Но и эти книги строжайше запрещаем иметь в переводе на народный язык». Этот шаг следует считать одной из предпосылок к учреждению официального инквизиционного трибунала.

Стоит напомнить читателю об атмосфере той эпохи. То, что современному человеку кажется само собой разумеющимся, человеку XIII века виделось чудом. Слово «магия» имело самое прямое значение, и в магию действительно верили. В своем плохом самочувствии человек XIII века скорее мог обвинить колдовство, нежели начать искать причину недуга в недавно употребленной пище или в питье, не говоря уже о том, чтобы предположить, что причина болезни — ин-

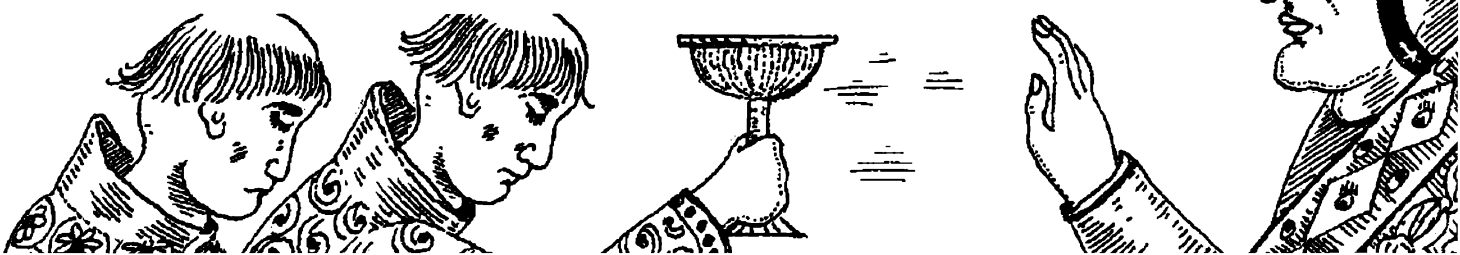
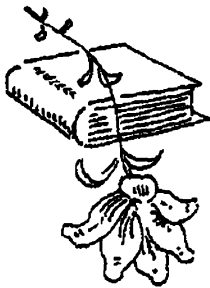
фекция. Это было время страхов и предрассудков, а также — почти повсеместной чистосердечной веры и страха Божьего.

Поэтому угрозы отлучения от церкви были крайне действенным рычагом манипуляции. Они несли в себе не только угрозу земного наказания, что испытали на себе альбигойцы, но и угрозу куда более страшную — перспективу вечных мук в аду, что для человека XIII века (вне зависимости от занимаемого им социального положения) имело если не перво-степенное, то как минимум очень большое значение.

Таким образом, духовенство набирало все большую силу, и вот уже, сдавшись под его натиском, император Священной Римской империи Фридрих II оглашает эдикт о борьбе с ересью, в котором предусматривается наказание различными карами вплоть до смертной казни еретиков, осужденных церковью и переданных светскому правосудию для исполнения приговора. Пожалуй, можно рассматривать это как начало эры непрерывных доносов — ведь еретиков, примирившихся с церковью, вынуждали помогать участвовать в розыске других еретиков.

В феврале 1231 года папа Григорий IX издал эдикт, «призывающий церковные и светские власти преследовать и подавлять» ересь. С этого момента началась по католическим странам точечная рассылка инквизиторов, наделенных, согласно эдикту 1231 года, соответствующими полномочиями, а два года спустя Григорий IX издал две буллы, согласно которым преследование и наказание еретиков переходило под руку доминиканского ордена. Эти буллы — «*Ille humani generis*» и «*Licet ad sapiendos*» — наделяли доминиканских монахов фактически неограниченными полномочиями и призывали епископов всячески им содействовать. Последние, разумеется, не испытывали по этому поводу сильного энтузиазма, поскольку не желали делить свою власть с доминиканцами, однако противиться воле папы не осмеливались, опасаясь также угодить в жернова этой молодой, но уже хищной и прожорливой машины, питаемой топливом фанатичной преданности «псов Господних».

Позволим себе вольность считать 20 апреля 1233 года, дату выхода вышеуказанных булл, днем рождения инквизици-

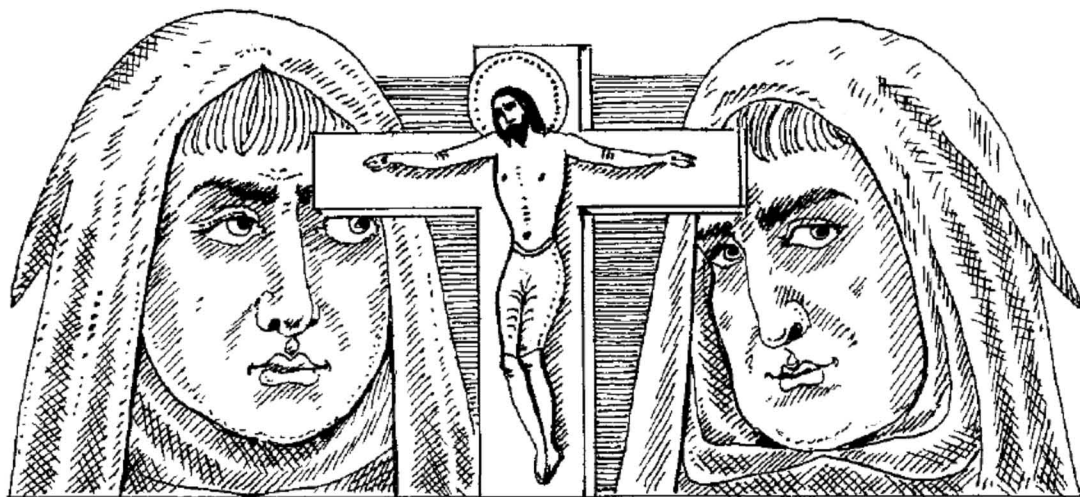

онных трибуналов — ведь они, особенно вторая, ставили перед орденом доминиканцев задачу вести неутолимую войну с ересью во всем христианском мире. Позже булла папы Иннокентия IV от 15 мая 1252 года «Ad extirpanda» окончательно оформила создание инквизиционных трибуналов и разрешила им применение пыток к подозреваемым в ереси.

Подводя итог, стоит отметить, что инквизиционная машина, созданная в XIII веке в пламени Альбигойских войн, показалась католическому духовенству наиболее эффективным методом для укрепления своей власти. Ее идея была воплощена в жизнь с большим рвением, и уже к концу XIII столетия инквизиционные трибуналы распространились по католической Европе.

В своей работе по истории инквизиции знаменитый исследователь Г.Ч. Ли пишет, что «еретик жил как бы на вулкане, который во всякое время мог начать извержение и поглотить его». Впрочем, стоит добавить, что иногда в инквизиционные жернова могли угодить не только еретики, но и добропорядочные католики и даже сами представители духовенства. Инквизиция была механизмом. И этот механизм использовали люди в своих целях.

Устройство инквизиции и примечательные персоналии

Особенности феномена инквизиционной машины

Говоря об инквизиции даже в рамках одной страны, довольно трудно создать обобщенную картину. Разнесенные по католическому миру семена инквизиции дали множество плодов с совершенно индивидуальным характером. Объединенная общей идеей и задачей — антиеретической политикой папства, — инквизиция представляла собой сеть с множеством узлов, в каждом из которых были свои особенности.

Что же касается общих черт, то стоит сказать, что с момента основания священных трибуналов инквизиторы повсеместно проявляли поразительное рвение; природа этого рвения и методы, применяемые инквизиторами, различалась от региона к региону, от отделения к отделению. Наделенные властью, они не гнушались ничем ради искоренения ереси и не просто подчинялись правилам работы инквизиции, но

еще и делали все возможное, чтобы самим не стать ее жертвами.

Говоря об инквизиционной машине, жернова которой работали с известной нам суровостью после буллы 1252 года, разрешившей применять пытки, не имеет никакого смысла оперировать морально-этическими категориями. Мораль распространяется на нечто, имеющее душу, а у подобного механизма души нет. Можно сколько угодно взывать к морали или милости просака* — самостоятельно он не остановится. Можно сколько угодно ждать от запущенного процесса форматирования жесткого диска жалости к каким-либо данным, однако ожидание это совершенно бесполезно — пространство жесткого диска будет полностью очищено. У машины нет идеологии и нет привязанностей, у нее есть задача и набор функций, с помощью которых она эту задачу выполняет. И если говорить о машине инквизиционной, то функционал этот обеспечивали ее создатели — люди. Что занимательно, они же были и ресурсом, который этот механизм питал.

Инквизиция была одновременно агрессивным сторожевым псом католической церкви, службой цензуры, средневековым НКВД. При этом, как пишет немецкий историк Х.К. Цандер, «само существование инквизиции было в Средневековье само собой разумеющимся... И так же, как сегодня мы находим полезным нанести удар врагам демократии с помощью органов защиты конституции, так и в XIII веке считалось полезным нанести удар еретикам с помощью инквизиции».

У людей, по тем или иным причинам оказавшимся внутри инквизиционной структуры, идеология, разумеется, была. И причины, побуждавшие их вступать на путь борьбы с ересью, были самыми разными. Многие инквизиторы были олицетворением образа, культивированного в сознании современного человека литературой на тему Святого Офици-

* Просак — рабочий станок по производству скрученных канатов, веревок, батоков. В случае попадания в детали станка волос, одежды или конечностей рабочего, результат бывал самым плачевным. Отсюда пошло выражение «попасть впросак».

ума, — истинно верующими фанатиками, считавшими, что они ведут борьбу со злом. Но был ли этот типаж единым для всех инквизиторов?

Какие люди служили в инквизиции

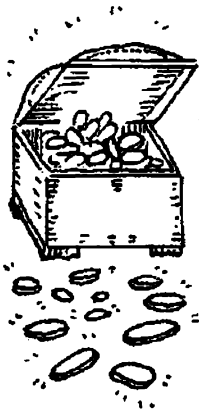
Фанатиков, движимых слепой верой в праведность своей жестокости и готовых любыми методами выкорчевывать из арестанта признание, в инквизиции было много. Слепо верующие в необходимость искоренения зла, подозрительные, нетерпимые к любому инакомыслию, возможно, психически нестабильные, они честно делали свое дело. Историки, изучающие инквизицию, без устали изливают свое негодование на этих людей.

Но откуда этот фанатизм брался, на какой почве взращивался? Как выработывались взгляды у людей XIII века без вездесущих СМИ или интернета, без легкого доступа к книгам, без газет и журналов — словом, без всех тех средств, создающих определенную идеологическую позицию?

Человек черпал информацию оттуда, откуда мог, и получал то, что мог получить. Если рассматривать очень обобщенно, взгляды людей Средневековья во многом формировались церковью. Один харизматичный проповедник мог вселить веру во множество людей, и она занимала все пространство их душ до тех пор, пока кто-то другой не сеял (если сеял) зерно сомнения.

Религия занимала центральное место в жизни средневекового человека, общество центростремительно было ориентировано на церковь, в массовом сознании культивировалась мысль о духовном спасении. Об этом простым и понятным языком пишет Х. К. Цандер: «Католическая вера была в XIII веке не просто какой-то конфессией, а тем, чем сегодня является свободно-демократический общественный порядок: системой взглядов, на которой держится все общество».

Альтернативы не было. Оппозицией — если этот термин в данном случае вообще применим — могли выступать разве

что преследуемые еретики, то есть то самое «зло», против которого боролась инквизиция.

Только самый пытливый ум мог самостоятельно взрастить в себе сорняк сомнения, но на заре инквизиции таких было немного. Большинство принимало продиктованные истины за аксиомы. Прибавим к этому культивированное чувство священного долга и получим ревностного католика, выполняющего возложенную на него «почти что самим Господом миссию», нетерпимого к любому инакомыслию, истово верящего в правильность своих действий и отвергающего любые размышления по поводу навязанных аксиом.

Но, как уже говорилось, фанатиками становились не все, а некоторые из инквизиторов обладали даже весьма широкими взглядами, чему в немалой степени способствовало полученное ими хорошее образование.

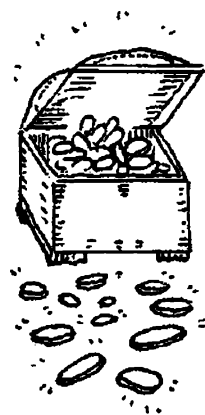
«Атеистический словарь» (1985) рассматривает «фанатизм религиозный» как «доведенную до крайней степени приверженность религиозным идеям и стремление к неукоснительному следованию им в практической жизни, полную нетерпимость к иноверцам и инакомыслящим». Это определение не вызывает никакого желания уточнять что-либо и отлично вписывается в образ средневекового инквизитора, который хладнокровно руководит палачом в допросной комнате, чужими (а то и собственными) руками доводя несчастного арестанта до состояния, в котором смерть уже кажется тому избавлением и в котором он готов отказаться от любого своего убеждения, лишь бы только пытка прекратилась.

Тем не менее этот инквизитор далеко не всегда будет фанатиком. Поясним это на простых примерах.

Не единожды проводились соцопросы, в которых людей — мирных, добропорядочных граждан — спрашивали, как бы они поступили с террористом/маньяком-убийцей/насильником-педофилом (нужное подчеркнуть или добавить неупомянутое), который попал к ним в плен. Многие давали ответы типа «запер бы в темном подвале на хлебе и воде и мучил бы медленно и изощренно, заставляя его расплатиться за все те мерзости, что он делал» или «отдал бы властям, но

только если бы его пообещали казнить»*. Респондентами были люди разных возрастных категорий, разного социального положения, разных религиозных взглядов. Эти люди не фанатики, однако они считали оправданной крайнюю жестокость в случае столкновения с тем, что, по их мнению, являлось истинным злом. В таком разрезе подобный ответ не есть нетерпимость к инакомыслию (то есть это не фанатизм), ибо гнев респондентов вызывают не мысли, а поступки и причиненный ущерб, асоциальное поведение. И гнев этот они считают праведным. Данный пример (один из многих) наглядно показывает: верить в то, что борешься за правое дело, и исполнять свой долг, как учили, можно и не будучи фанатиком.

А вот пример из архива испанского историка инквизиции, католического священника Х.А. Льоренте (1756—1823). Некоторые следователи, становясь винтиками инквизиционной машины, с опозданием понимали, какие методы им придется использовать, и ужасались этому, но были бессильны что-либо сделать. Около 1516 года Карл V (на тот момент — принц Астурийский) получил анонимное послание инквизитора, в котором говорилось: «Некоторые из нас чувствуют это и плачут у себя дома, но не решаются об этом говорить, потому что такого снимут с должности и будут считать подозрительным в делах инквизиции. Те, кто так думает и добросовестен, покидают должность, если у них есть средства, чтобы питаться; другие остаются на службе, потому что не могут иначе жить, хотя мучаются совестью, что исполняют службу так, как это делается теперь. Другие говорят, что для них это безразлично, что так поступали их предшественники, хотя бы это было против божественного и человеческого права. Иные так враждебно относятся к обращенным**, что

* Характерны ответы на вопросы анкеты Центра современной психологии «Архетип» и анкет калининградского Центра соционики в 2016—2018 годах. Из 6000 респондентов примерно треть выступили за применение пыток и больше половины за смертную казнь в отношении террористов, маньяков и т. д.

** Обращенные — «новые христиане», мавры и иудеи, принявшие христианство.

полагают, будто сослужат великую службу Богу, если всех их сожгут и конфискуют их имущество без всякого колебания. Придерживающиеся такого мнения не имеют другого намерения, кроме того, чтобы заставить их сознаться в том, в чем их обвиняют, всевозможными способами».

Это письмо ясно демонстрирует, что в инквизиции служили самые разные люди с самыми разными воззрениями, и у каждого из них была своя мотивация оставаться в рядах Святого Официума.

«Задача инквизиции — истребление ереси; ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики; еретики не могут быть уничтожены, если не будут истреблены вместе с ними их укрыватели, сочувствующие и защитники». Эту цитату из Бернара Ги — французского инквизитора, жившего на рубеже XIII и XIV веков, очень любят приводить как иллюстрацию исключительного, туманящего взор фанатизма всей инквизиции в целом. В знаменитом романе Умберто Эко «Имя Розы» Бернар Ги показан жестоким и непреклонным, автор пишет, что Ги «интересует не поиск виновного, а сожжение приговоренного».

Но взглянем по возможности без эмоций на деятельность Бернара Ги как инквизитора.

Бернар Ги, доминиканец, епископ Лодева и инквизитор Тулузы с 1307 по 1323 год, сделал, если можно так выразиться, большую и яркую церковную карьеру. За шестнадцать лет своей деятельности в качестве инквизитора, по данным Джозефа А. Дэйна, которые приведены в работе «Инквизиторская герменевтика и наставления Бернара Ги», он вынес 637 обвинительных приговоров. 42 человека были переданы им светским властям для казни через сожжение на костре. То есть речь идет о менее чем 40 осужденных в год (из них два-три осужденных на казнь). В следующих главах мы еще поговорим о деятельности Бернара Ги, но здесь нам важно подчеркнуть, что в его практике были не только смертные приговоры, хотя общее число людей, обреченных им на наказание, выглядит внушительно.

Для сравнения рассмотрим статистику, близкую нам по времени, и заглянем в 1994 год. В США в этот год — через

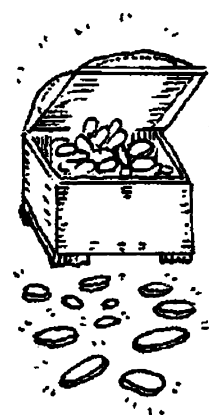
восемнадцать лет после восстановления в стране смертной казни как высшей меры наказания — число смертных приговоров достигло рекордной отметки в 328*. Считаете неправильным сравнивать количество смертных казней в одной епархии с количеством смертных казней в целой стране? Давайте посмотрим статистику смертных казней в одной «епархии» цивилизованного мира — в штате Калифорния. Здесь, по данным региональных обзоров Amnesty International, в 2015 году было приведено в исполнение 15 смертных приговоров.

Или другое не менее яркое сравнение: согласно американскому историку Г. Кеймену, за пятнадцать лет, что Священную канцелярию в Испании возглавлял Томас де Торквемада, на территории страны было лишено жизни по инициативе инквизиции около 8800 человек. А жертвы доктора Йозефа Менгеле, который не имел ни малейшего отношения к инквизиции, за 21 месяц работы в Освенциме исчисляются десятками тысяч.

И.Р. Григулевич приводит в пример метод, который Ги применял на допросах, говоря о том, что на подобных допросах можно запутать любого человека, даже если он ни в чем не виноват. Стоит, однако, обратить внимание читателя на то, что Григулевич рассуждает о допросе словесном, а не о допросе под пыткой**.

Бернар Ги вошел в историю инквизиции как теоретик и составитель руководства для других инквизиторов. В этом его сочинении, как и во всех его действиях, прослеживается пронизанный духом времени подход, который — учитывая возложенную на него задачу — можно назвать профессиональным и дотошным, но никак не фанатичным.

Расхожий образ, на который любят обличительно указывать исследователи, — это нехитрый образ садиста. Учитывая, что зачастую в допросных комнатах все же пользовались услугами палача, уточним этот образ до вуайеристов с са-

* Данные приведены по: http://www.20min.ch/news/kreuz_und_quer/story/Todesurteile-in-USA-auf-Tiefststand-19868324.

** См. приложение «Пример словесного допроса, рекомендованный Бернаром Ги».

дистскими наклонностями. Давайте попробуем разобраться, что кроется за ним, — ведь напрямую этот образ связан с сексуальным извращением, в особо запущенных случаях принимающим форму заболевания.

На поверку логическая цепочка протягивается довольно простая, если иметь в виду обет целомудрия, который должны были приносить служители церкви. Запретность сексуальной жизни как таковой и потенциальная психологическая усталость от этого запросто могли с течением времени трансформироваться в специфическую форму вуайеризма и латентного садизма. Не будет, вероятно, слишком смелым предположить, что в допросной комнате люди, страдавшие сексуальной девиацией, получали под благородным предлогом борьбы с ересью возможность удовлетворить свои тайные потребности*.

Но были ли такие люди, пусть даже у них имелись те или иные отклонения, религиозными фанатиками? В принципе, да, могли быть, но совсем не обязательно.

Но служили инквизиции и совсем другие люди.

Монашеские ордена, вступление в которые приближало человека к высшему благу — духовному спасению были привлекательны еще и тем, что давали своим новобранцам образование. Среди тех, кто вступал в доминиканский орден, было немало тех, кого интересовали в первую очередь знания. Иногда — даже знания, считавшиеся запретными. Бывало, что тяга к запретным знаниям перемещала не в меру любопытную мятежную душу по другую сторону допросной комнаты. Но бывало и так, что подобные люди становились служащими инквизиции. Прочитируем еще раз анонимное письмо инквизитора: «Некоторые из нас... плачут у себя дома, но не решаются об этом говорить, потому что такого снимут с должности и будут считать подозрительным в делах инквизиции». Чем могло закончиться подобное подозрение, мы

* К тому же наблюдение за чужими физическими страданиями — частный случай сублимации сексуальной энергии. Равно как и причинение боли самому себе, что также практиковали многие служители церкви, — самобичевание было популярным методом умерщвления плоти.

прекрасно понимаем. Кара по отношению к «изменникам» предполагалась еще более строгая, нежели к изначальным еретикам.

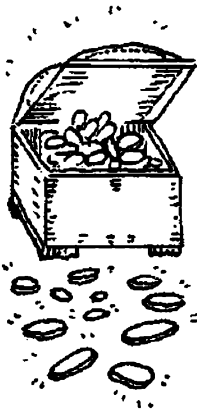
Впрочем, перебежчиков из рядов инквизиции было немного, а вот простых карьеристов там хватало. Для многих служба в инквизиции была ступенью к возжеленной епископской кафедре. Место епископа было пожизненным и обещало куда меньше беспокойства, нежели должность инквизитора. Правда, среди епископов находились и такие, кто, получив кафедру, не спешил складывать с себя инквизиторские полномочия.

В то же время, что может показаться современному читателю странным, служба в инквизиции (особенно, если вспомнить, как формировались идеологические убеждения в XIII — XIV веках) была привлекательной для людей с обостренным чувством справедливости. Они испытывали потребность изменить общество к лучшему, избавить мир «от скверны ереси»... то есть в каком-то смысле романтизировали инквизицию. Оставались они такими до конца или же по ходу дела начинали разочаровываться в том, что изначально считали благим делом, — ответ на этот вопрос будет свой в каждом отдельном случае.

Одни ставят на инквизиторах-«романтиках» клеймо, даром что не считают их садистами. Другие пытаются выставить этих людей чуть ли не святыми.

Мы не станем ударяться ни в ту, ни в другую крайность и оставим возможность оправдывать или порицать тем, кого волнует только вынесение моральной оценки. Вместо этого заглянем в манускрипт вышеупомянутого Бернара Ги, который описал, каким должен быть следователь Святого Официума:

«Инквизитор должен быть деятелен и энергичен в своем рвении к истинной вере, в деле спасения душ и истребления ереси. Он должен оставаться всегда спокойным и невозмутимым среди всяких неприятностей и недоразумений. Он должен быть деятелен физически, так как привычка к лени ослабляет всякую энергию. Он должен быть бесстрашен и не бояться даже смерти, но, не отступая ни перед какой опас-

ностью, он не должен безрассудно идти ей навстречу. Он должен быть недоступен просьбам и подходам тех, кто будет стараться привлечь его на свою сторону; но в то же время сердце его не должно быть бесчувственным, и он не должен отказывать в отсрочках и в смягчении наказания, принимая во внимание обстоятельства и место. Он не должен быть слабым и искать любви и популярности, так как это может дурно отразиться на его деле. В сомнительных вопросах он должен быть осмотрительным и не давать легко веры тому, что кажется вероятным, но часто бывает неверно. Он не должен отбрасывать упрямо противоположное мнение, так как часто кажущееся на первый взгляд невероятным оказывается впоследствии истиной. Он должен внимательно расспрашивать и выслушивать и тщательно расследовать, чтобы терпеливо осветить все дело. Когда он выносит смертный приговор, то выражение лица его может свидетельствовать о его сожалении, чтобы не казалось, что он действует под влиянием гнева и жестокости, но приговор его должен оставаться неизменным. Если он накладывает денежное наказание, то лицо его должно сохранять строгое выражение, чтобы не подумали, что он действует из алчности. Пусть в его взгляде проглядывают всегда любовь к правде и милосердие, чтобы не думали, что его решения вынесены под влиянием алчности или жестокости»*.

Проведем эксперимент и немного, буквально парой штрихов, осовременим этот текст. Итак, что мы получим? Следователь/полицейский/судья

- должен быть деятелен и энергичен в борьбе с преступностью;
- должен оставаться всегда спокойным и невозмутимым среди всяких неприятностей и недоразумений;
- должен быть деятелен физически, так как привычка к лени ослабляет всякую энергию;
- должен быть бесстрашен и не бояться даже смерти, но, не отступая ни перед какой опасностью, он не должен безрассудно идти ей навстречу;

* Цит. по: Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века.

- должен быть недоступен просьбам и подходам тех, кто будет стараться привлечь его на свою сторону; но в то же время сердце его не должно быть бесчувственным, и он не должен отказывать в отсрочках и в смягчении наказания, принимая во внимание обстоятельства и место;
- не должен быть слабым и искать любви и популярности, так как это может дурно отразиться на его деле...

В сомнительных вопросах он должен проявлять осмотрительность и не давать легко веры тому, что кажется вероятным, но часто бывает неверно; ему не следует отбрасывать упрямо противоположное мнение, так как часто кажущееся на первый взгляд невероятным оказывается впоследствии истиной; он должен внимательно расспрашивать и выслушивать и тщательно расследовать, чтобы терпеливо осветить все дело...

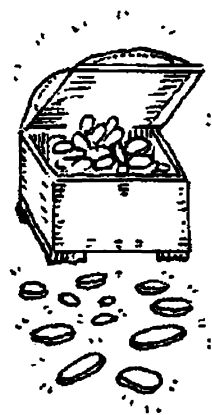
И так далее, и тому подобное...

Если удалить из руководства Бернара Ги слово «инквизитор» и заменить «истребление ереси» на «борьбу с преступностью», получится вполне приемлемая памятка правоохранителю. Да, довольно дотошному в своем деле. Да, въедливому. Но... фанатику ли? Садисту ли?

Разумеется, никто не мешая фанатикам, изуверам, садистам и прочим носителям не самых лучших человеческих качеств пользоваться теми же указаниями. Но важно понять, что написано это руководство для дознавателя-профессионала, дабы помочь ему докопаться до истины.

Сравним его с современным описанием работы следователя на сайте академии профориентации «ProfChoice»:

«Главная задача следователя — раскрыть преступление, предъявив обвинение преступнику, руководствуясь законом... В ходе работы следователь *должен руководствоваться чувством долга и ответственности за выполняемое дело* (здесь и далее в цитате курсив мой. — Н. М.). Следователь должен *помнить всегда, что его функция состоит в поиске истины путем объективного и всестороннего расследования дела*. Выполняя свои профессиональные обязанности, он *постоянно выдерживает психологическое столкновение с различными людьми и проявлениями их характера*. При этом важно помнить, что

борьба в данном случае ведется не с человеком, а с его недостатками. В работе необходимо руководствоваться чувством беспристрастности, избегать обвинительных направлений.

На первый план в личности следователя выходят такие качества, как *интеллект, воля и коммуникабельность. Важно обладать выдержкой, хладнокровием и упорством, чтобы довести начатое дело до конца, невзирая на давление. Следователю необходимо обладать психологической и физической выносливостью*, так как работа ведется постоянно, без каких-либо временных ограничений, зачастую приходится вести параллельно несколько различных дел. *Требуется самокритичность, дабы не стать заложником возложенных полномочий. Следователь должен избегать шаблонов, формализма, торопливости и поверхностности в расследовании. Для раскрытия преступлений требуется личная инициатива, умение отстаивать свое мнение, целеустремленность и настойчивость. Мышление следователя должно быть оперативным и многоплановым, постоянно развивающимся. Участвуя в расследовании совершенно разных дел, не относящихся к непосредственной профессии, следователь должен уметь вникнуть в суть дела, разобраться в тонкостях других областей знаний. Следователю необходимо вырабатывать в себе пронизательность и рефлексивность для понимания людей и предвидения их действий»**.

Нетрудно догадаться, какие контраргументы могут прийти в голову в ответ: руководство руководством, но ведь инквизиторы ему не следовали! Но так ведь и под современное описание профессии подходят далеко не все правоохранители. Стоит сказать больше: среди современных следователей изредка встречаются люди, наделенные теми качествами, о которых с ужасом говорят критики инквизиции. Только в современных реалиях присутствует понимание, что клеймо можно повесить (или не повесить) на конкретного представителя структуры, а при рассмотрении инквизиционной машины это клеймо с уверенностью вешают на всех.

Порицая деятельность инквизиции, слово «фанатичный» используют, как правило, в самой негативной коннотации,

* Цит. по: <http://profchoice.ru/atlas-professij/sledovatel>.

сгребая под одну гребенку всех и каждого, кто засветился в этой структуре. И речь не о фактической точности исследований, а о мотиве и намерениях самих исследователей, за монументальными трудами которых кроется моралистическое желание осудить (реже — стыдливая попытка обелить). Такой подход побуждает окрашивать историю в черно-белые краски и подчас ведет к потере объективности, необходимой исследователю.

Даже И.Р. Григулевич, автор фундаментального труда «История инквизиции», прослеживающего историю инквизиции на протяжении веков с множеством рассмотренных фактов и подробностей, лишь изливал негодующие эпитеты: «Инквизиция — один из тех исторических институтов, деятельность которого на протяжении многих веков оказывала огромное влияние на судьбы народов Европы и Америки, препятствуя их борьбе за освобождение от социального и духовного гнета... Кем были его руководители — “жертвами долга”, фанатиками, готовыми пойти на самые чудовищные преступления, чтобы защитить церковь от мнимых или подлинных врагов, или бездушными церковными полицейскими, послушно выполнявшими предписания своего начальства?»

Кто мог стать инквизитором

Возникает вопрос: обязательно ли было для вступления в ряды Святого Официума быть доминиканцем или францисканцем?

Нет, не обязательно, хотя главным образом именно эти два монашеских ордена возвращали будущих инквизиторов. Однако были среди инквизиторов и выходцы из других монашеских орденов — к примеру, бенедиктинцы, цистерцианцы, кармелиты, а позже — иезуиты и другие.

Так как инквизитор назначался самим папой римским (иногда по чьему-либо ходатайству), нетрудно догадаться, что в этом деле огромную роль играл человеческий фактор, личные симпатии и антипатии. Поэтому среди инквизиторов

мы видим не только представителей монашеских орденов, но и приходских священников, епископов, попросивших оставить их в должности инквизитора по получении кафедры, и даже людей, вовсе не имевших духовного сана. То есть, по сути, при нужном стечении обстоятельств инквизитором мог стать, в общем-то, кто угодно, если, конечно, этот кто-то не был женщиной.

Можно расширить этот ряд еще больше, припомнив несколько примечательных персоналий, и сказать, что инквизитором мог стать, например, бывший еретик, бывший рыцарь, простой проповедник, а то и авантюрист. Надо иметь в виду и то, что сильные монархи могли диктовать понтификам свои условия и продвигать необходимых им кандидатов. Словом, инквизиторские полномочия доставались людям самого разного социального положения и с самым разным жизненным багажом.

Была ли должность инквизитора пожизненной? Ответ: нет. Место инквизитора запросто можно было потерять — например, со сменой понтифика. Так как многие папы занимали Святой престол уже в преклонном возрасте, то их правление, как правило, длилось недолго, а поведение следующего папы предсказать заранее было трудно. Нередко новый понтифик, обретая власть над церковью, окружал себя доверенными людьми. Как правило, начало каждого правления в Ватикане ознаменовывалось рукоположением новых кардиналов, а там уж доходили руки и до инквизиторов.

Можно сказать, служители Святого Официума полностью зависели от воли папы. Иногда эта самая воля препятствовала их деятельности напрямую. Иллюстрацией к тому послужит смещение с должности и приговор к пожизненному тюремному заключению, постигшие инквизитора Луары Робера ле Бугра в 1239 году.

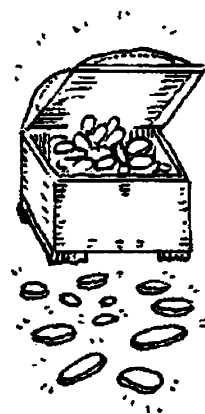
Прозвище Бугр — «болгарин» он получил в свою бытность еретиком потому, что катаризм, который прежде исповедовал Робер ле Бугр, имел много общего с болгарским учением богомилов. Причем Робер ле Бугр был не просто катаром, но и катарским «совершенным», что и привело его в застенки инквизиции. Там он вдруг — история умалчивает, как

именно это произошло, — раскаялся и предпочел вернуться в лоно церкви, а затем, в знак своей искренности, примкнул к доминиканскому ордену. Папа Григорий IX, по-видимому, был удовлетворен его перевоспитанием и — в качестве то ли проверки, то ли поощрения — назначил его в 1233 году инквизитором Луары.

Робер ле Бугр приступил к работе с болезненным рвением. Будучи выходцем из еретической коммуны, он, надо думать, прекрасно понимал, как разоблачать еретиков, и за один только первый год в новой должности умудрился разыскать и передать светским судам для казни 50 человек в Ла-Шарите-сюр-Луар. Вскоре его усердие привело к конфликту с архиепископами Реймса и Сенса, которые расценили деятельность ле Бугра как покушение на их права и донесли на него папе. В 1234 году Григорий IX приостановил его деятельность, оговорив, что через некоторое время он сможет ее возобновить. Так и случилось: вскоре ле Бугр был назначен генеральным инквизитором Французского королевства.

Плохо становилось каждому, кто попадал под его горячую руку, потому что каким-то образом бывший катарский «совершенный», когда-то адепт пацифистской идеологии, превратился в истинного изувера, жестокости которого «угрожали вызвать всеобщее восстание во Франции». История запомнила его как человека поистине безжалостного не только к еретикам, но и к любым сочувствующим ереси. Французы, стлавшие под его гнетом, прозвали его *malleus haereticorum*, то есть «молотом еретиков». Не знавший ни усталости, ни лени, ле Бугр постоянно объезжал свои владения и навел страху на Шалон-ан-Шампань, Камбре, Перонне, Луэ и Лилль. В 1239 году он приговорил к сожжению 187 человек в Монтеме.

Пресеклась его деятельность достаточно прозаично — в результате внутренней инспекции. Обеспокоенный неприемлимой политикой ле Бугра, которая и впрямь грозила волнениями, папа поручил бенедиктинцу Матье Пари изучить состояние дел на подведомственной ле Бугру местности. Пари дотошно собрал все сведения, которые смог, и представил их папе со своим заключением, которое и положило

конец кровавой карьере Робера ле Бугра. Он был смещен с поста инквизитора, позже отдан под суд и приговорен к пожизненному заключению. Впрочем, вовсе не за то, что обрекал еретиков на смерть, а потому что в его собственной деятельности были найдены следы ереси.

Одним из первых инквизиторов, назначенных папой, был Конрад Марбургский, занявший этот пост в Германии в 1227* году. В прошлом — рыцарь, а на момент назначения — духовник святой Елизаветы Тюрингской** и священник.

Как пишет Х.К. Цандер, «это было крайне ошибочным кадровым решением. Действительно, Конрад Марбургский считался неподкупным и неустрашимым для светских чиновников. Но еще в бытность духовником святой Елизаветы он продемонстрировал весьма странные наклонности. “Usque ad camisiam” — “раздетой до рубашки” должна была быть повержена к его ногам восемнадцатилетняя святая, после чего Конрад лично ее сек или оставлял это своим кнехтам, в то время как сам с наслаждением пел покаянный псалом “Miserere”. Характеру такого человека вполне соответствовало то, что новое звание инквизитора Тевтонии потрясло его до безумия. Вместо того чтобы, как было предписано папой, выстраивать неподкупную судебную систему, Конрад неистово помчался по всей Германии преследовать еретиков. Со всех церковных кафедр он возбуждал суеверный народ сообщениями о том, что христианству угрожает сатана в виде огромного черного кота, которому еретики во время ночных собраний целуют задницу. Некий сообщник Конрада по прозвищу Одноглазый Ганс, утверждавший, что может с одного взгляда распознать любого еретика, после таких проповедей вставал во главе взбудораженного народа. И по всей немецкой земле пошли толпы, убивающие и сжигающие еретиков. До тех пор, пока 30 июля 1233 года несколько отважных дворян (по И.Р. Григулевичу, они были родственниками од-

* В источниках эта дата варьируется от 1227 до 1231 года.

** Елизавета Тюрингская (известна также как Елизавета Венгерская; 1207—1231) — принцесса из династии Арпадов, ландграфиня Тюрингии.

ного из еретиков, павших жертвой Конрада. — *Н. М.*), кстати, вполне благочестивых католиков, схватили неистового инквизитора и убили его, вероятно, неподалеку от Марбурга. По всей Германии, как всегда в подобных случаях, пронесся вздох облегчения».

Канонизировать Конрада Марбургского после насильственной смерти не стали, хотя подобная практика существовала*. Гибель инквизитора восприняли как проявление Божьей воли и решили, по-видимому, забыть об нем, как о страшном сне.

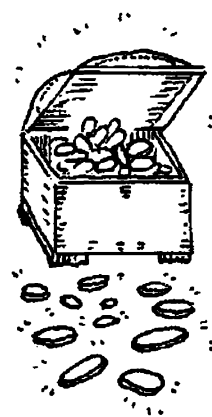
В отношении возраста требований к инквизиторам в XIII веке не предъявлялось. Но уже первый авиньонский папа** Климент V (1305—1314) установил минимальный возраст для инквизиторов, обозначив планку в 40 лет, однако впоследствии условие это соблюдалось не всегда: во Франции, например, в XIV веке «возрастной ценз» нарушался неоднократно. В Португалии в XVI веке на пост Великого инквизитора был выдвинут родной брат короля Жуана III — дон Энрике, позже сам ставший королем. На тот момент дону Энрике было 27 лет.

Пара слов о быте средневекового инквизитора

О быте средневековых инквизиторов говорить непросто. Служители Святого Официума принадлежали к разным социальным категориям, среди них были те, кто отказывался от личного имущества, и те, кто обладал изрядным состоянием, попадались как люди, вышедшие из низов, так

* Так, папой Иннокентием IV был канонизирован и назван чудотворным покровителем инквизиции известный своей жестокостью инквизитор Ломбардии доминиканец Петр Веронский (1206—1252). Его родители были приверженцами катаров, и убит он был, по официальной версии, катарами.

** Имеется в виду Авиньонское пленение пап — период с 1309 по 1378 год, когда папская резиденция находилась не в Риме, а в Авиньоне (Франция)

и представители знатных фамилий. Надо также иметь в виду, что история инквизиции протянулась на несколько сотен лет, и с течением времени менялись как устои, внешние обстоятельства и традиции, так и сами люди.

Однако хоть какие-то общие характеристики инквизиторскому быту дать можно. В массе своей инквизиторы принадлежали к духовенству, и это в значительной степени определяло их существование, хотя внутри духовенства, разумеется, имелась своя иерархия. Так, архиепископы и епископы, которые иногда наделялись папой полномочиями инквизиторов, принадлежали наряду с аббатами монастырей к духовной аристократии. Каноники, монахи, деканы и прочие представители духовенства ходили у них в подчинении. Всех этих людей объединяло то, что они были грамотны — то есть обучены письму, чтению и счету. У духовенства имелся наиболее легкий доступ к книгам, которые могли максимально широко рассказать о том, как устроен мир вокруг, хотя этим правом пользовались не все.

Каков же был распорядок дня этих людей? Он выстраивался вокруг молитв — важнейшего атрибута Средневековья.

День монаха начинался, как только церковный колокол пробивал полночь. Монах просыпался, и уже через полчаса начиналась всенощная; около половины третьего ночи он мог снова спать. Но ненадолго, потому что уже в четыре утра его ждала утренняя. После этого можно было снова лечь отдохнуть.

Необходимость придерживаться монашеского распорядка доставляла инквизиторам (а многие из них были монахами) немало трудностей, поскольку их жизнь должна была сопрягаться с активностью обычных людей. Далеко не все инквизиторы-монахи этому распорядку следовали, хотя церковь осуждала леность и призывала своих служителей поступаться собственным комфортом в пользу молитв. Впрочем, на нарушение инквизиторами привычного монастырского графика смотрели сквозь пальцы, ибо существовало понимание, что инквизитор должен достаточно времени уделять сну и отдыху, дабы сохранять ясность рассудка.

Но в любом случае инквизитор много молился. Остальное, свободное от исполнения своих прямых обязанностей время он тратил на изучение теологии: в этой области ему следовало непрерывно совершенствоваться — хотя бы для того, чтобы умело допрашивать подследственного. Вопреки расхожему мнению, что единственным способом вытянуть из арестанта признание служила пытка, в приоритете был словесный допрос, в ходе которого инквизитор должен был вывести еретика на чистую воду, убедить его раскаяться и примириться с церковью.

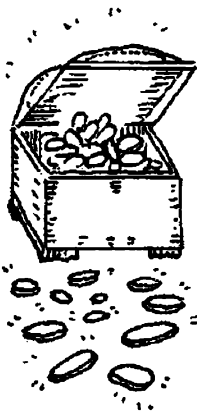
Относительно того, следует ли изучать литературу еретического характера, чтобы знать, на чем именно можно подловить арестанта в процессе допроса, мнения инквизиторов существенно расходились. Одни, как, например, Бернар Ги, считали, что инквизиторы должны быть во всеоружии перед лицом врагов церкви и уметь разбираться в тонкостях ересей, другие — что в изучении еретических книг есть определенная опасность. В целом чтение еретической литературы инквизицией осуждалось, и тому, у кого в доме обнаруживались запретные книги, изучаемые хотя бы даже ради лучшего ведения следствия, грозило обвинение в ереси.

Подавляющее большинство инквизиторов сходилось на том, что литературу еретиков следует собирать в специальном архиве, хранить как можно дальше от людских глаз, а еще лучше — торжественно уничтожать.

Внушительную часть дня инквизитор тратил на сбор информации: он собирал сведения как самостоятельно, так и при помощи доверенных лиц. Особенно полезны в этом смысле были исповеди, во время которых местные жители довольно часто доносили друг на друга.

Вдобавок ко всему инквизитор, будучи лицом духовным, посещал службы, а бывало и так, что сам их проводил.

До второй половины XIII века инквизиторов обязывали ездить по своему участку, перемещаться от города к городу, от селения к селению, и вести следствие непосредственно на местах. Очевидно, что при походном образе жизни соблюдать устоявшийся график — а уж тем более график, приближенный к монашескому, — сложнее.

К XIV веку, однако, многие инквизиторы стали вести дела из постоянных отделений. В таких условиях упорядочить свой график было немного проще. Но, например, на севере Франции одно отделение инквизиции охватывало несколько городов, и иногда инквизиторам все же приходилось пускаться в путешествия.

Рядовые инквизиторы получали не такое уж большое жалованье, поэтому особенно шиковать не могли, да и сам их статус требовал придерживаться аскетического образа жизни. Разумеется, тут не идет речь о постах, которые должен был соблюдать каждый добропорядочный католик, а уж тем более инквизитор — представитель духовенства. Но и в обычное время не всякий инквизитор позволял себе трапезничать более двух раз на дню.

К слову, подчиненным инквизитора — нотариусам, писарям, врачам — выделялось на пропитание средств больше, чем ему самому. Мясо инквизиторы ели редко; в основном их рацион состоял из простых овощей. Как ни странно, стол инквизитора сильно отличался от монашеского — и не в лучшую сторону; в XIII веке, согласно Х. К. Цандеру, монах в обычный (не постный и не праздничный день) потреблял около 7000 калорий! И это при том, что люди в Средние века ели меньше, чем сейчас.

Одевались инквизиторы нарочито просто. Причем их подчиненные, как правило, носили одежду из лучшего сукна, чем они сами. Обычная одежда инквизитора — это одежда ордена, к которому он принадлежал. Доминиканцы высокого статуса носили кремово-белые сутаны и черные плащи с капюшонами. Монахи более низкого положения одевались в черные сутаны из грубого и дешевого сукна, которые подпоясывали обычно веревкой или, значительно реже, кожаным поясом. Францисканцы были известны как «серые братья» из-за цвета их облачения, которое они также подпоясывали веревкой. В отличие от доминиканцев, которые иногда все же надевали более плотную обувь, францисканцы предпочитали ходить в сандалиях на босую ногу. Бенедиктинцы носили в основном черные сутаны с большими капюшонами, картезианцы — длинные робы из белого сукна с капюшона-

ми и поверх них черные плащи. Немногие инквизиторы, не бывшие членами какого-либо ордена, тоже ходили в сутанах.

Под сутаны монахи надевали исподнее: льняную рубашку и штаны. В этом нижнем белье они обязаны были даже мыться, а спать, к слову, им было предписано не снимая сутаны.

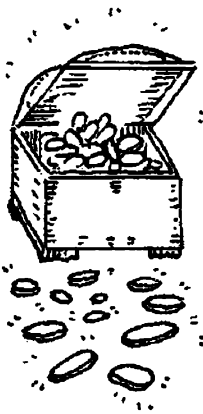
Мода на инквизиторов, как и прочих представителей духовенства, практически не влияла. Как пишет британский историк Ян Мортимер, «сохранение традиционных, мешковатых и несексуальных одеяний было для них не менее важно, чем для купца — пошив костюма по последней моде».

На выездные заседания инквизиторы никогда не отправлялись в одиночку. Их работа, особенно в первое время, была сопряжена не с меньшей опасностью, чем у современных оперативников: на них могли напасть разбойники по дороге или даже ополчиться местные жители (в период своего становления инквизиция еще не внушала такого трепетного страха, как впоследствии, и ей, случалось, оказывали открытое сопротивление). Поэтому, как правило, инквизиторов сопровождала охрана. В XIV веке авиньонские папы закрывали глаза на то, что инквизиторы имели при себе личное оружие, хотя формально сие было категорически запрещено.

Отличительной чертой, обозначающей принадлежность к католическому духовенству, была тонзура — выбритый круг на макушке, и, само собой разумеется, что тонзуру носило большинство инквизиторов. Инквизиторы, которые к духовенству не принадлежали, тонзуры не имели.

Бороды инквизиторы, как правило, брили, поскольку католическая церковь предписывает священникам бриться. Х.К. Цандер пишет, что с точки зрения священства в бритье бороды была определенная жертвенность: считалось, что борода — самое прекрасное из дарованного Богом мужчине, и поэтому самые ревностные служители Господа должны самоотверженно отдать ее во славу Божию.

Впрочем, можно найти немало случаев пренебрежения столь замечательным поводом проявить жертвенность — и не только среди инквизиторов, но и среди римских пап: достаточно взглянуть на портреты Юлия II, Григория XIII, Гонория III, Луция III, Адриана V и некоторых других.

Организация и структура инквизиции

Любой исследователь не преминет заметить, что устроена инквизиция была несложно. Так, например, один из самых известных исследователей Г.Ч. Ли отмечает, что «устройство инквизиции было настолько же просто, насколько целесообразно в достижении цели», однако четко определить иерархическую пирамиду ни он, ни кто-либо другой не берется. Почему?

Потому что, по сути, ее не существовало.

Нет, разумеется, инквизиционная машина имела примерные очертания, однако выделить в ней четкую иерархию крайне проблематично.

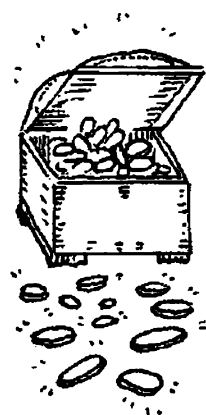
Официальным и единственным главой инквизиции был папа римский. Действовал он через прямых своих представителей в разных странах — папских легатов, которых сам же и назначал. Папа давал им поручения и обозначал срок, в течение которого это поручение должно было быть выполнено. Посылались легаты, как правило, с визитами к правителям или каким-нибудь крупным общинам — например, для организации важного церковного мероприятия. На одной ступени с легатами стояли папские нунции — с той лишь разницей, что обязанности легата закреплялись за представителем духовенства лишь на время данного понтификом задания, а должность нунция была постоянной. При этом и легаты, и нунции могли занимать какой-то пост в инквизиции, но могли и просто исполнять поручение, связанное с ее делами.

Инквизиторы, действовавшие на местах, также назначались папой и официально подчинялись ему одному. Разумеется, управление такой «разрозненной армией» (выражение И.Р. Григулевича) было крайне затруднено. Оно было бы затруднено даже при наличии современных средств связи — можно представить, сколько инквизиторов обращалось бы к понтифику по интересующим их вопросам! А уж если вспомнить, что средства связи XIII — XIV веков были крайне примитивны и медлительны, то станет ясно, какой хаос творился в управлении инквизицией.

Первую попытку преодолеть эти трудности в середине XIII века предпринял папа Урбан IV. Он понял, что для успешного ведения дел часть полномочий необходимо делегировать, и создал должность генерал-инквизитора. Первым ее занял кардинал Джованни Гаэтано дельи Орсини, которому папа Урбан весьма доверял и потому наделил его правом решать все текущие дела, связанные с деятельностью инквизиции в разных странах. Орсини и в самом деле был талантливым и довольно успешным организатором, но при этом имел склонность к кумовству и тайным интригам. Все свои таланты он пустил на то, чтобы в будущем стать понтификом, в чем и преуспел.

После смерти Урбана IV Орсини, принявший имя Николай III, взошел на папский престол и, в свою очередь, назначил на перспективный пост генерал-инквизитора своего племянника, которого он готовил себе в преемники, — кардинала Латино Малевранку. Однако комбинация с передачей папского престола по наследству не удалась. Кардиналы довольно быстро поняли хитрость этой системы и не позволили потенциальному преемнику Николаю III прорваться к власти.

Должность генерал-инквизитора также не встретила в их глазах одобрения, и они начали оказывать давление на понтифика, стремясь упразднить ее. Поэтому несколько десятилетий она оставалась вакантной, и в управлении инквизицией царил неразбериха, которую решил было устранить папа Климент VI. Он назначил генерал-инквизитора*, но после его смерти в 1352 году эту должность все-таки ликвидировали.

До XVI века делами инквизиции руководила римская курия — главный административный орган Святого престола. А в 1542 году, на рассвете протестантизма, была организована священная конгрегация римской и вселенской инквизиции, которая возглавила борьбу с ересью в мировом масштабе.

* Бытует мнение, что занимал должность генерал-инквизитора брат папы Климента VI — Пьер Роже де Бофор, позже взошедший на папский престол как Григорий XI.

Она просуществовала до 1965 года и, помимо основных инквизиционных функций, занималась администрированием всех процессов, связанных с деятельностью Святого Официума в католическом мире.

Таким образом, до середины XVI века инквизиторы назначались папой и во всех правовых вопросах подчинялись только ему. Но так как Рим от места их службы часто был далековато, дознаватели Святого Официума действовали по собственному разумению и почти всегда, в случае каких-либо нарушений, безнаказанно. Более того, булла Иннокентия IV в 1245 году дала им право прощать друг другу грехи, связанные со служебной деятельностью, и освобождала их от необходимости повиноваться своим прежним наставникам по монашескому ордену.

Власти на местах связываться с инквизиторами опасались, светским судам они были неподвластны, прелаты не могли их отлучить от церкви без санкции папского престола и сами оказывались в опасности, стоило им попасть под подозрение в препятствовании деятельности инквизиции.

При этом четко очерченного круга преступлений, попадавших под категорию «препятствование деятельности инквизиции», не существовало. По сути, им могло стать любое деяние, которое счел таковым конкретный инквизитор на своей территории.

Все это определенным образом возвышало инквизиторов над епископами. Создавалась весьма странная ситуация. Должность инквизитора была связана с напряженной работой и даже с риском для жизни, если учесть, сколько покушений совершалось на следователей Святого Официума. Поэтому многие инквизиторы — опасаясь еще и потерять свое место со сменой папы — мечтали о получении епископской кафедры, которая обеспечила бы им и стабильность, и большой доход, причем пожизненно. Епископы же с завистью глядели на инквизиторов, которые пользовались такой властью и свободой, о которых в христианском мире никому другому и помыслить было нельзя.

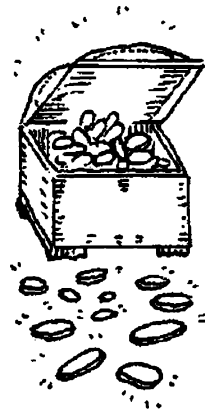
Уже упоминалось о тех, кому удавалось добиться сана епископа и сохранить должность инквизитора. Но для этого

должно было сойтись много обстоятельств, и поэтому таких людей были единицы.

Справедливости ради следует сказать, что конфликты между инквизиторами и епископами были редки. Куда чаще стороны устанавливали плодотворное с точки зрения преследования ереси сотрудничество и всячески помогали друг другу. Именно с разрешения епископа (и в его присутствии) должны были проводиться допросы, и уж точно — выноситься приговоры. И почти всегда такие разрешения давались, а приговоры — выносились. «В тех случаях, когда у инквизиторов было много работы, соответствующий монашеский орден выделял в их распоряжение помощников, выступавших в роли их заместителей. Инквизитор также имел право назначать в другие города своего округа уполномоченных — “комиссариев”, или викариев, которые вели слежку и осуществляли аресты подозреваемых в ереси лиц, допрашивали, пытали их и даже выносили им приговоры» (И.Р. Григулевич).

Со временем структура инквизиции развивалась, и уже в XIV веке инквизиторам в помощь начали назначать в качестве экспертов-юристов, называемых квалификаторами, *boni viri**. Как правило, это тоже были выходцы из монашеских орденов; в их задачу входило формулирование обвинений и приговоров с учетом гражданского законодательства.

Таким образом, квалификаторы, облакавшие волю инквизиторов в юридически правильные формулировки, были своего рода мостиком между инквизицией и светскими властями. Особенность их деятельности заключалась в том, что у них не было доступа к делам арестантов, — они располагали только краткими сводками свидетельских показаний.

Вес квалификаторов в инквизиционной структуре был, казалось бы, незначителен, выступали они только посредниками и «переводчиками» приговоров инквизиции на юридический язык. Однако часто именно от их толкований зависела судьба человека.

* Добропорядочные мужи (*лат.*).

Имена замешанных в деле лиц квалификаторам не назывались — такое решение инквизиция приняла ради сохранения их объективности. Квалификаторы определяли, «являются ли высказывания, приписываемые обвиняемым, еретическими, или от них “пахнет” ересью, или они могут привести к ереси. Соответственно квалификаторы устанавливали, является ли автор высказываний еретиком или его следует только подозревать в этом преступлении и в какой степени — легкой, сильной или тяжелой. От заключения квалификаторов зависела судьба подсудимого» (И.Р. Григулевич).

Так как довольно быстро выяснилось, что инквизиторы злоупотребляют своими полномочиями под влиянием личных симпатий и антипатий, папский престол — в целях обеспечения справедливости следствия и судопроизводства — добавил в число действующих лиц нотариуса и понятых*. Понятые должны были присутствовать при допросах как свидетели, а нотариусы скрепляли своей подписью показания обвиняемых и понятых, что придавало следствию законность и беспристрастность — или видимость и того, и другого.

Нотариус, как правило, имел духовный сан, он должен был быть как минимум грамотен и знать гражданское законодательство. Жалованье он получал непосредственно от того инквизитора, к которому прикреплялся. Для понятых важно было соблюдение одного условия — чтобы они были благочестивыми католиками. Очень часто понятыми назначались монахи-доминиканцы.

Все без исключения участники процесса обязывались под угрозой строжайшей кары сохранять в секрете все, что видели в застенках инквизиции.

Существовало еще несколько важных чинов в инквизиционном аппарате: палач, врач и прокурор. Последний выступал в роли обвинителя и, как и понятые, обычно выбирался из числа монахов. Что касается врача и палача, то они

* Если рассматривать территорию Франции, то в северных ее регионах нотариусы и понятые участвовали в инквизиционных процессах далеко не всегда, хотя на юге — в печально известном Лангедоке и близлежащих областях — все формальности соблюдались строго.

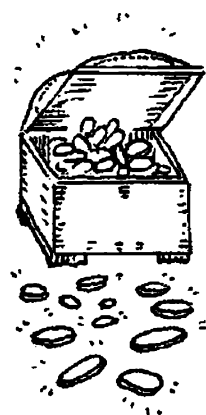
фактически играли роль «доброе и злое полицейское» на допросах с пристрастием — первый обязан был следить, чтобы арестант не скончался под пыткой, которую под руководством инквизитора проводил второй. Чаще всего только эти двое и были светскими людьми; они работали по найму, при этом на них, как и на всех других, распространялось правило держать язык за зубами.

Существовал также «теневого» штат инквизиции, во многих источниках именуемый «родственниками» или «друзьями». Речь идет о тайных осведомителях, тюремщиках и обслуге.

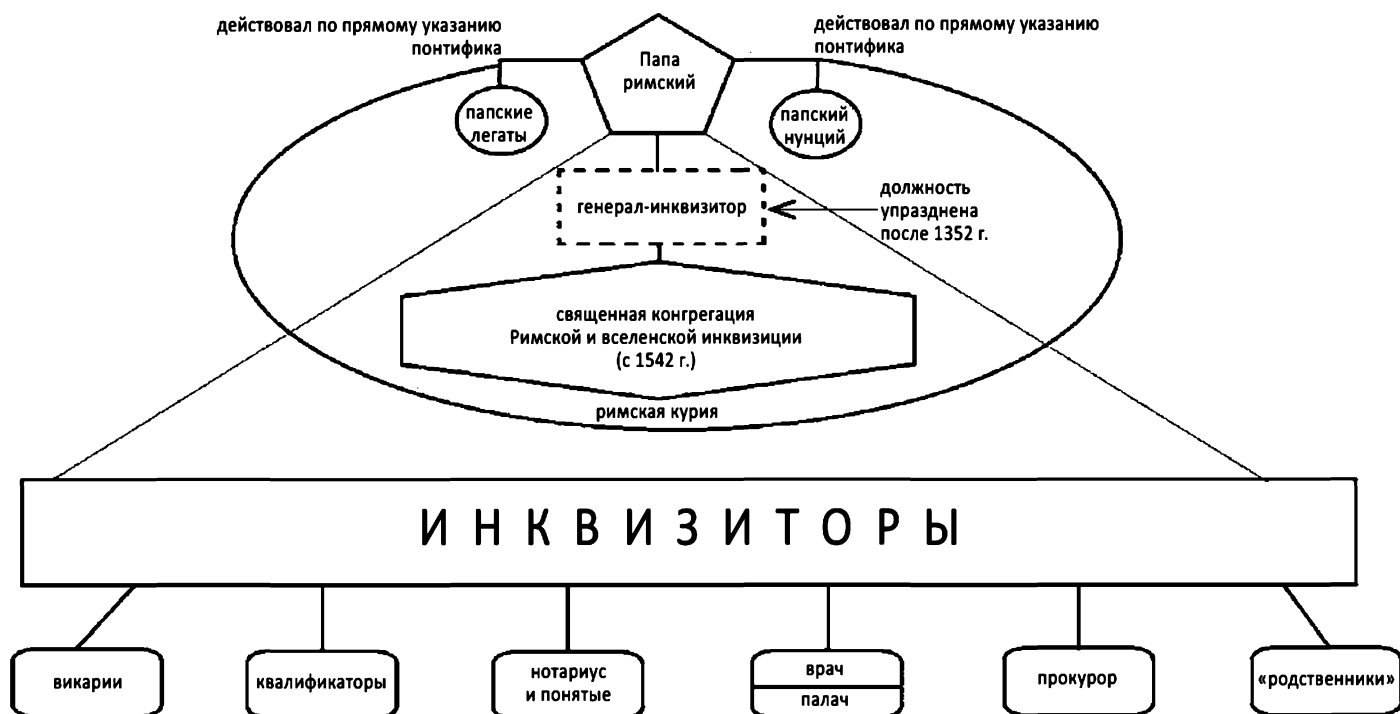
Осведомители инквизиции, исчислявшиеся сотнями и тысячами, были, пожалуй, единственной группой людей, где на равных правах могли оказаться мужчины и женщины. Они набирались из самых разных слоев общества и привлекались самыми разными способами. У инквизиции были осведомители в королевской свите, среди бродячих артистов, военных, торговцев, дворян и крестьян. В историю вошел осведомитель Арно Сикре, простой сапожник, умевший, однако, втираться в доверие к людям: он привел в 1321 году прямо в руки инквизиции одного из последних катарских «совершенных» Гийома Белибаста, а позднее, в 1328 году, способствовал аресту членов последней катарской секты в Каркасоне.

«В число “родственников” входили также почтенные и всеми уважаемые аристократы и горожане, принимавшие участие в аутодафе. В их задачу входило уговаривать осужденных публично покаяться, исповедаться, примириться с церковью. Они сопровождали жертв инквизиции на костер, помогали его зажечь, подбрасывали хворост» (И.Р. Григулевич). С точки зрения церкви и инквизиции выступить в подобной роли было особой честью для простого мирянина, и ее доверяли лишь достойнейшим из прихожан.

Для «родственников» у инквизиции существовали особые привилегии, главная из которых состояла в иммунитете от светского суда при совершении незначительных преступлений. Впрочем, благожелательность инквизиции была вещью непостоянной, поэтому близость к ней всегда сопрягалась с риском.

Структура инквизиции

Как строилось обвинение

Как и любое другое, обвинение, выдвинутое инквизицией, начиналось с подозрения — в данном случае с подозрения в ереси. В XIII веке, когда деятельность инквизиции только начиналась, проблем с подозрениями не возникало: на юге Франции (да и не только там) хватало общин катаров, вальденсов и представителей других более мелких еретических сект. Задачу упрощало то, что в ту пору своих взглядов они не скрывали, а наоборот, сетуя на католическое духовенство, погрязшее в мирских благах и грехе, считали необходимым быть в открытой оппозиции официальной церкви.

О развращенности духовенства в Средние века ходит множество споров. Сказать с большой вероятностью можно только одно: священнослужители были не более жадными и развратными, чем миряне, но так как считалось, что они приближены к Богу, а значит, априори лучше других людей, их недостатки, слабости и пороки привлекали гораздо больше внимания.

Когда в 1209 году состоялись первые массовые казни, ситуация стала стремительно меняться. Деятельность ерети-

ческих сект ушла в подполье, а их члены начали скрывать свои истинные убеждения и даже для вида соблюдать обряды, предписанные католической верой. Многие так успешно изображали ревностных католиков, что вывести их на чистую воду можно было только при известной степени везения.

Изначально показавшая себя эффективной в борьбе с ересью, инквизиция понимала, что не может ударить в грязь лицом и обмануть оказанное ей доверие, поэтому она начала совершенствовать свои методы и засылать в секты шпионов, которые тщательно изучали способы, которыми пользовались еретики, чтобы уберечься от преследований.

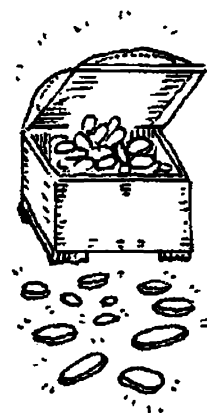
Так постепенно и закономерно разрасталась структура инквизиции, превращаясь в настоящую религиозную разведывательную сеть.

Но одних подозрений в ереси или в пособничестве ей, чтобы привлечь человека к ответственности, было недостаточно. Для этого требовались более серьезные основания, и первым в их ряду стоял донос.

Кто становился доносчиком? Как ни странно, прежде всего это были обычные миряне — не «родственники» инквизиции, а простые прихожане. Слуги Святого Официума своей мобильностью упрощали доносчикам задачу, и если доносчик не шел к инквизитору, то инквизитор шел к доносчику.

Тайные соглядатаи инквизиции безостановочно шныряли по округе и собирали данные о населении, выявляли подозрительных лиц, втирались в доверие, вызнавали о тех, кто склонен к ереси, и все эти сведения стекались к инквизитору, который надзирал за соответствующей территорией. Определив местность, где еретиков наблюдается наибольшее количество, инквизитор отправлялся туда самолично. Явившись в населенный пункт, где ересь свила гнездо, он извещал о своем приезде высшее лицо из местного духовенства (если, конечно, не имел на этот счет каких-то специальных указаний из Рима; это бывало, когда в ереси обвинялся сам священник), и это лицо, согласно булле 1233 года, обязано было оказывать инквизитору всякое содействие.

Местный прелат помогал инквизитору обустроиться, подбирал для него необходимый обслуживающий персонал и т. д.

Затем устраивалось торжественное богослужение, на которое в обязательном порядке должны были присутствовать все прихожане. Единственной уважительной причиной неявки считалась болезнь; все прочие неявившиеся автоматически попадали под подозрение.

Местный священник представлял инквизитора собравшейся пастве, и тот, согласно разработанному ритуалу, обращался к ней с проповедью, в которой объяснял всю важность своей миссии. При этом он объявлял *срок милосердия* (как правило, от двух недель до месяца), в течение которого еретик мог явиться с повинной и получить благодаря этому смягчение наказания: сохранить не только жизнь и здоровье, но даже, возможно, имущество или хотя бы его часть.

Дело в том, что такие случаи были настоящей рекламой деятельности инквизиции. При этом она самыми разными способами убеждала раскаявшегося еретика выдать сообщников и принять с кротостью уготованное ему наказание, уберечься от которого при всех раскладах все равно было невозможно.

Что же до причин, по которым еретики сдавались инквизиции, то они были самыми разными. У кого-то не выдерживали нервы, кто-то, опасаясь ареста, надеялся таким путем спасти свою жизнь, кто-то жертвовал собой, думая обмануть инквизицию и уберечь кого-то другого. Последнее, как правило, ничем хорошим не заканчивалось ни для еретика, ни для его сообщников...

Если же еретик не сдавался добровольно, а арестовывался самой инквизицией, чаще всего по доносу, то он наказывался по всей строгости.

Также во время проповеди инквизитор сообщал «верующим отличительные черты различных ересей, признаки, по которым можно обнаружить еретиков, хитрости, на которые последние пускались, чтобы усыпить бдительность преследователей, наконец, способ или форму доноса» (И.Р. Григулевич). А то, что доносы последуют, сомнений ни у кого не возникало.

От региона к региону политика инквизиции отличалась лишь нюансами. Один инквизитор вызывал у прихожан же-

лание донести на ближнего, апеллируя к их совести и объясняя, какие страшные муки ада уготованы еретикам, а также напоминая, что донос — это дело благое, по сути, попытка доброго христианина спасти заблудшую душу. Другой инквизитор прибегал к запугиванию, обещая за утайку сведений о ереси отлучение от церкви. Третий сулил тем, кто окажет содействие в выявлении и поимке вероотступников, индульгенции, причем особо отличившиеся могли получить прощение еще не совершенных грехов в следующие три года.

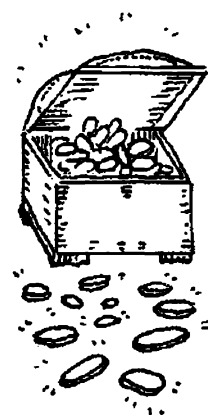
Так или иначе, инквизиторы добивались того, чтобы после проповеди к ним выстраивалась целая вереница доносчиков.

Для доносчиков был установлен возрастной ценз. Доносчиками (как и обвиняемыми) могли быть юноши с четырнадцати и девушки с двенадцати лет. Но иногда, в порядке исключения, принимались доносы от совсем еще детей. Вообще же среди доносчиков встречались люди самых разных социальных категорий и возрастов, а к доносу их побуждали самые разные обстоятельства. Одни видели в этом свой христианский долг, другие боялись сами попасть под подозрение и таким путем пытались отвести от себя беду, третьи зарабатывали индульгенцию, четвертые просто расправлялись руками инквизиции со своими врагами. Немало было и тех, кто надеялся прибрать к рукам часть состояния еретика после его ареста в качестве поощрения.

Часть доносов делалась анонимно, и эти доносы инквизиция рассматривала не с меньшим тщанием, чем доносы публичные. Многие доносили во время исповеди.

О тайне исповеди речи не шло — более того, монахи и приходские священники были обязаны доносить инквизиции обо всем услышанном во время исповеди, что хотя бы отдаленно могло быть связано с ересью.

Доносы разделялись на две категории. Для тех, кто с уверенностью заявлял, что кто-то из известных им персон повинен в ереси, действовало правило «доказательства вины». Если обвинение оказывалось клеветой, доносчика обвиняли в лжесвидетельстве, и за это полагалось наказание. Лжесвидетеля, например, могли выставить у позорного столба, приговорить к ношению позорных знаков на одежде, которые

нашивались на спину и грудь, конфисковать его имущество или просто отправить в тюрьму на определенный срок. Доносчиков, которые лишь высказывали предположения, что кто-то повинен в ереси, если их донос не оправдывался, никак не наказывали.

Случалось, что обвинитель отказывался от своих показаний. Но инквизиция, как правило, не принимала это во внимание и следствие по доносу не прекращала. Она рассматривала подследственных еретиков как весьма изворотливых и опасных преступников и в таких случаях допускала, что их тайные пособники могли прознать о доносе и под угрозой расправы заставить доносчика отказаться от своих слов.

Были, разумеется, случаи, когда доносы подделывались — в том числе и самими инквизиторами. С такими доносами инквизиция, по понятным причинам, работала даже более тщательно, чем с доносами, поступившими от прихожан.

Как строился следственный процесс

Основные принципы уголовного розыска были заложены начальником парижской тайной полиции Эженом Франсуа Видоком только в XIX веке. Так что не стоит удивляться, что следственный процесс в современном варианте сильно отличается от следственного процесса в Средние века.

Также не следует забывать о специфике преступлений, расследуемых инквизицией. Если человек вынашивает в голове убеждения, осуждаемые доминирующей на территории религией, а также распространяет их через разговоры с другими людьми, не может идти речь, например, о вещественных доказательствах преступления; разве что только у еретика находили соответствующую литературу или религиозную атрибутику*.

* Это могла быть как религиозная атрибутика другого верования, так и католическая, которую, по мнению следствия, могли использовать в каких-либо ритуалах, оскверняющих католическую веру.

Но коль скоро ересь считалась серьезным преступлением, за которое отвечали по всей строгости, попадали в тюрьму и лишались жизни, то, разумеется, было и следствие.

С чего же оно начиналось?

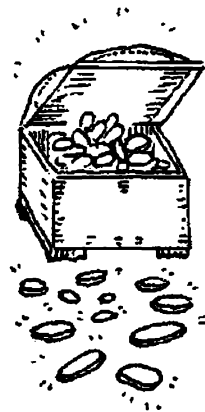
Получив донос на некое лицо, инквизитор вызывал на допрос свидетелей, способных подтвердить или опровергнуть выдвинутое обвинение. Параллельно он «собирал дополнительные сведения о преступной деятельности подозреваемого и его высказываниях, направлял запросы в другие инквизиционные трибуналы на предмет выявления дополнительных улик» (И.Р. Григулевич). В этом смысле активность инквизиционного следствия ничуть не уступает современному.

Что это были за улики? В основном — свидетельства других людей, которые отличались многообразием и часто не сочтались между собой. В ход шло все, что говорилось о подозреваемом: показания членов семьи или слуг (если таковые имелись), донесения агентов инквизиции, сплетни и даже свидетельства криминальных личностей, словам которых не было доверия в светском суде. К показаниям в пользу подозреваемого, как правило, относились скептически, исходя из того, что они могут быть вызваны ненавистью к церкви и желанием помешать наказанию преступлений, совершенных против веры.

Кто-то из инквизиторов искренне полагал, что собирает улики против подозреваемых ради спасения их душ, кто-то цинично делал собственную карьеру. Но, так или иначе, инквизиторы всеми средствами поддерживали свой образ стражей веры и блюстителей чистоты человеческих помыслов и в этом весьма преуспевали.

Конечно, инквизитор не мог вести все дела в одиночку, поэтому важная роль в добыче доказательств вины еретика отводилась сотрудникам инквизиционного трибунала.

Собранный следствием материал передавался квалификаторам, которые решали, следует ли предъявлять подозреваемому обвинение в ереси. Далее, если квалификаторы выдвигали решение не в пользу подозреваемого — а так обычно и бывало, — инквизитор отдавал приказ об аресте. Нетрудно

догадаться, что находящийся на жалованье у инквизитора квалификатор — даже в том случае, когда дело было шито белыми нитками, — не имел никакого желания выступить против своего начальника, который приложил столько стараний, чтобы изобличить еретика.

Но изыскания инквизитора, на основании которых делал свои выводы квалификатор, составляли только первую часть следствия. Дальнейшее следствие велось при непосредственном участии в нем подозреваемого и строилось на допросах, которые делились на две категории: обычные (словесные) и пристрастные (с применением пытки).

После ареста подозреваемого отправляли в тюрьму. Нередко у инквизиции были собственные тюрьмы, но в небольших населенных пунктах или в бедных регионах (тюрьмы инквизиции содержались на местные средства) подозреваемые в ереси содержались отдельно от других заключенных в городской тюрьме.

Задача допроса состояла не только в том, чтобы добиться от арестанта признания в ереси и выдачи своих сообщников, но и, получив его искреннее раскаяние, склонить его к примирению с католической церковью.

Инквизиторы, не имея ни малейшего понятия о термине «психологическое давление», который родился только в XX веке, умело пользовались этим средством, доходя на практике до наиболее эффективных методов воздействия на арестанта. В основе допроса лежало стремление сломать волю человека, и здесь все средства были хороши.

Попавший в руки инквизиции человек понятия не имел, кто на него донес, — такова была своеобразная инквизиционная «программа защиты свидетелей». «Инквизиция не может быть подлинно действенной, если не держит в тайне своих свидетелей. Это было очевидным с самого начала ее деятельности», — пишет испанский иезуит Б. Льорка, оправдывая этот щекотливый момент.

Причем имени доносчика не знал никто, кроме инквизитора, — ни квалификатору, ни обвиняемому, ни его защитнику (если таковой наличествовал) оно не сообщалось. Доносчикам инквизиторы заботливо говорили, что их сви-

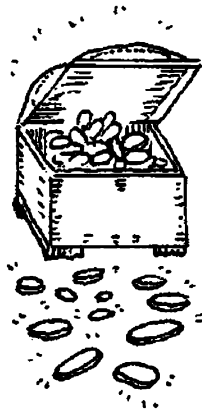
детельства следует держать в строжайшей тайне, чтобы не навлечь на себя гнев родственников еретика или его сообщников. Но, разумеется, дело было не только и не столько в желании уберечь своих информаторов, хотя, конечно, анонимность определенным образом защищала доносчика.

Инквизиция таким образом обеспечивала максимальный комфорт следствию. Анонимность дезориентировала арестанта, повышая вероятность его признания в преступлении, сводила к минимуму его возможности бросить доносчику встречное обвинение и затянуть следствие.

Никаких очных ставок между свидетелями обвинения и арестантами не проводилось. Единственный шанс аннулировать показания против себя у подозреваемого был, если он назовет доносчика в числе своих личных врагов, которые могли из соображений мести оклеветать его. В этом случае обвинение теряло силу. Впрочем, даже если доносчик и оказывался в этом спасительном списке, сразу об этом арестанту не сообщалось. Допрос продолжался еще некоторое время, дабы не упустить потенциального еретика, и некоторые, не зная, что показания против них уже потеряли силу, неосторожными высказываниями давали повод к новым обвинениям.

Доносчики довольно быстро почувствовали себя на особом счету. Инквизиция, как могла, демонстрировала свое положительное отношение к ним. Одни и те же доносчики поставляли (иногда с завидной регулярностью) все новых и новых еретиков — порой накрывая целые секты эффективнее собственных шпионов инквизиции, а иногда и ввергая в ад инквизиционного преследования добропорядочных католиков. Взамен они получали незначительные преференции, что, впрочем, — в случае, если донос следовал на самого доносчика, — мало помогало. Как уже говорилось, благосклонность служителей Святого Официума носила крайне зыбкий характер и могла исчезнуть в один момент, если доносчик сам становился подозреваемым в преступлении против веры.

Характерным для следствия инквизиции было то, что свидетелей обвинения хватало с лихвой, а свидетели защиты

почти всегда отсутствовали. И вовсе не потому, что это было запрещено. Просто мало кто, будучи в здравом уме, решался выступить в защиту еретика; это автоматически переводило человека как минимум в разряд подозреваемых в сочувствии ереси.

Длиться следствие могло, сколько угодно, — все зависело от инквизитора, который вел дело. Ограничений по срокам, в течение которых подозреваемый содержался в тюрьме, не существовало. Примечательно, что дела менее состоятельных людей решались быстрее. Причина была в том, что пребывание в тюрьме оплачивалось самим заключенным. Собственно, это была единственная статья, по которой могли расходоваться его деньги после ареста. Все его средства арестовывались вместе с ним, дабы, пока дело дойдет до конфискации, ничто не утекло на сторону.

За этим инквизиция следила особенно тщательно, так как конфискованные у еретиков имущество и деньги были чуть ли не единственным источником дохода для инквизиционных трибуналов — никаких дотаций от папы они не получали.

Особенности инквизиционного допроса

Представьте, что вы добропорядочный католик, и вся ваша жизнь строится вокруг богослужений. Вы исполняете обряды, соблюдаете посты и просите прощения каждый раз, когда вам случается по малости согрешить, — делаете вы это от чистого сердца, ибо всерьез опасаетесь Божьей кары. А если когда-то у вас возникали вопросы, уже факт появления которых можно счесть за сомнения в Божьем Промысле (пусть вы задавали их только себе и только мысленно), то, возможно, с тех пор вы подумываете о том, чтобы купить индульгенцию, которую вовсе не считаете бесполезной бумажкой.

И вдруг мир ваш переворачивается с ног на голову: к вам стучатся представители городских властей и объявляют, что вы арестованы. Все происходит вдруг, несчастье падает на вас как снег на голову. Вы ничего не успеваете осознать, а вас

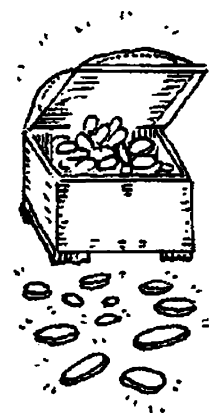
уже выводят из дома. В чем вас обвиняют — вы не знаете. Вы, разумеется, спрашиваете об этом, клянетесь именем Господа и святых, что ничего не совершали, но вас не удостоивают ответом. Тут вы видите, что ведут вас не в городскую тюрьму, а в тюрьму, одно упоминание о которой заставляет вас впадать в панику, — это тюрьма инквизиции. В этот момент вы понимаете, что умудрились совершить что-то страшное. Но что именно — понятия не имеете...

Прежде чем вы узнаете, в чем вас обвиняют, пройдут долгие часы, а может быть, и дни ожидания. Какое-то время вас, скорее всего, подержат в тюремной камере, пребывание в которой уж точно не кажется вам райским в сравнении с вашей привычной жизнью. До этого у вас были какие-то денежные сбережения? Если вы хорошо слушали городские толки, то, вероятно, уже понимаете, что с момента ареста можете о них забыть.

Итак, вы ждете. Возможно, о вас забудут на целую неделю. Вы будете задавать вопросы тюремщику, но это дело гиблое — он ничего не знает, а даже если бы и знал, ничего бы не имел права вам сказать.

Кормят вас плохо, в камере сыро, и главное — вам кажется, что вы останетесь здесь навсегда. В конце концов вас охватывает такой ужас, что вы готовы кричать и биться о решетку, — и вы кричите, и разбиваете руки в кровь, но никто вас не слышит. Потом вы погружаетесь в апатию, потом впадаете в гнев, потом тревога и страх опять овладевают вами — и так много раз. И все это время мысли у вас только об одном: «За что меня арестовали?»

Кстати, кто вы? Простой горожанин из бедных, и за вами не числится прегрешений против католической веры? Тогда, скорее всего, следствие не продлится долго. Из вас вытряхнут все деньги и отпустят на волю, наложив епитимию. Если же вы действительно имеете какое-либо отношение к еретической секте или исповедуете еретическое учение в одиночку (или даже не исповедуете, но вас в этом обвинили), тогда дело обстоит намного хуже — вас будут допрашивать и, возможно, пытаться, пока вы не сознаетесь, не сдадите своих сообщников и слезно не попросите о примирении с церковью.

Если же вы человек зажиточный, то будьте готовы к тому, что следствие заметно затянется и из вас будут как можно дольше выкачивать деньги на ваше содержание в тюрьме

Но вот наконец инквизитор решил поговорить с вами. Где именно будет проходить допрос, зависит исключительно от его решения: он может говорить с вами через решетку камеры, может отвести вас к себе в рабочий кабинет или в допросную комнату, где вашему взгляду будут представлены пыточные орудия, которые могут к вам применить, если вы не согласитесь сотрудничать (или если инквизитор не уловит в ваших словах достаточно искренности — это уж как повезет).

Перед тем, как инквизитор начнет задавать вам вопросы, он заставит вас произнести клятвенное обещание: «Я клянусь и обещаю до тех пор, пока смогу это делать, преследовать, раскрывать, разоблачать, способствовать аресту и доставке инквизиторам еретиков любой осужденной секты, в частности такой-то (здесь следует назвать секту. — *Ред.*), их “верующих”, сочувствующих, пособников и защитников, а также всех тех, о которых я знаю или думаю, что они скрылись и проповедуют ересь, их тайных посланцев, в любое время и всякий раз, когда обнаружу их» (такой текст приводит в своем наставлении Бернар Ги).

Скорее всего, вы начнете клясться в собственной невиновности, заверять, что ваш арест — чудовищная ошибка. Но не вы первый, не вы последний: инквизитор слышит это каждый раз, все так говорят. «Одни это делали потому, что действительно ни в чем не были виновны, другие — потому, что скрывали свои подлинные взгляды. Инквизиторы пытались выколотить признания из тех и других» (И.Р. Григулевич).

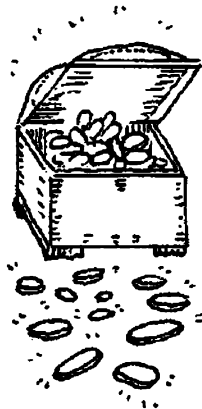
Что примечательно, инквизитор совершенно не заинтересован в том, чтобы отправить вас на костер, но вы больше всего опасаетесь именно этого, поэтому каждый вопрос вызывает у вас нервную дрожь, даже если по сути своей он безобиден. Инквизитор примеряется к вам, изучает, как вы отвечаете. Его учили обращать внимание на все, что вы делаете: как двигаетесь, как часто дышите, дрожит ли ваш голос, бегают ли из стороны в сторону ваши глаза, насколько

быстро вы даете ответы, есть ли вопросы, которые отчего-то заставляют вас медлить, противоречите ли вы сами себе и т. д.

Инквизитор проверяет все это в той манере, которую сам считает нужным — он может быть с вами мягок и почти ласков, он может говорить бесстрастно с каменным выражением лица, может смотреть на вас свысока, как смотрит вельможа на прислугу. Он может вдруг крикнуть вам: «Вы нагло лжете! Ваше преступление неопровержимо доказано!» и проследить, как вы будете на это реагировать. В любом случае будьте уверены, что этот человек ничего не делает просто так. Он, поверьте, детально изучил вашу биографию. Пока вы томились в ожидании в тюремной камере, он не сидел сложа руки: он заочно знакомился с вами, все расспросил о вас, изучил каждый эпизод, который показался ему подозрительным. Эти самые эпизоды сейчас, во время допроса, будут его подспорьем, с их помощью он заставит вас повинаться.

Но вот вы ответили на ряд вопросов и надеетесь, что вам, наконец, скажут, в чем вас обвиняют? Но нет! Никаких конкретных обвинений вы не услышите. Инквизитор еще походит вокруг да около, поскольку вы, на его взгляд, еще не дошли до состояния, в котором будете готовы признаться во всех своих преступлениях. Ведь основная задача инквизитора — это разоблачение еретиков, и пока остается вероятность, что вы скрываете хоть какие-то сведения о вероотступниках, он будет держать вас на крючке. С особенным тщанием он будет это делать, если вы имеете вес в обществе. Покаяние такого человека представляет для инквизиции особую ценность.

Допрос длится уже больше часа, а инквизитор так и не задал вам ни одного вопроса о ереси. Он спрашивает только о вашей жизни. О ваших предках. О роде ваших занятий. Как вы проводите день. О ваших знакомых. О тех, с кем вы состоите во враждебных отношениях. О каких-то совершенно сторонних вещах. Постепенно вы теряете бдительность, поток вопросов, из которых невозможно понять, кто на вас донес и по какому поводу, дезориентирует вас, сбивает с толку, вы устаете. А тем временем допрос только начинается. К этому

моменту, очень может быть, вы с перепугу кого-то из друзей зачислили во враги, а про реальных своих неприятелей, один из которых запросто мог быть доносчиком, забыли. В порыве искренности вы, надо думать, признались в каких-то мелких прегрешениях и пороках, и это ваша большая ошибка — инквизитор натаскан на то, чтобы запоминать такие вещи, и позже они могут быть использованы против вас. Особенно, если инквизитор думает, что вы — бессовестный лжец, который делает все, чтобы скрыть свою ересь.

Итак, вы признались, что согрешили — не соблюли супружескую верность или нарушили пост. Теперь инквизитор может повести разговор о делах веры так, словно вы сами начали эту тему, — он станет вгрызаться в каждое ваше слово, дабы подвести вас под обвинение. При этом он пообещает вам: если вы не станете упорствовать, то, вполне может статься, что вас выпустят под надзор приходского священника и в дальнейшем накажут без чрезмерной строгости.

И лучше бы вам, наверное, дать признательные показания, хотя вы по-прежнему не знаете, в чем вас обвиняют. Но если покопаться в себе, вы наверняка вспомните, как хотя бы по малости согрешили, может быть невольно, перед церковью. Надо понимать, что дальше будет еще хуже: пройдет еще полчаса-час, и вы, не без помощи инквизитора, совершенно запутаетесь в религиозных тонкостях — тогда вам уже не отделаться признанием в незначительном, да еще невольном, прегрешении. Еще бы! Вы никогда не были в этом сильны, а инквизитор постигал эту науку в монашеском ордене и ежедневно совершенствует свои навыки на рабочем месте.

Но, допустим, вы человек, которого трудно запутать. Вы держите мысль и не сбиваетесь с нее, даже если вас спрашивают несколько часов кряду. Что ж, это завидное качество пойдет вам только во вред. Ведь дознаватель Святого Официума, видит Бог, хотел вести дело как можно проще, но вы оказали сопротивление и тем самым усложнили задачу и ему, и себе. А он тоже человек и тоже устал, поскольку напряженно расспрашивал вас несколько часов...

Поэтому начнутся угрозы и запугивания — причем вы вряд ли услышите истерические выкрики. Скорее всего, инкви-

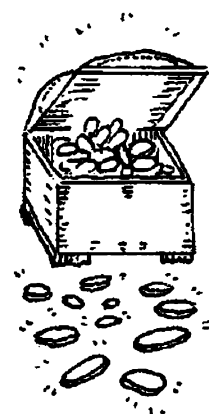
зитор станет расписывать, к чему приведет ваше упрямство, будет скорбно вздыхать, показывая, как ему небезразлична ваша судьба, всерьез опасаться, что из-за своих заблуждений вы довольно скоро закончите свои дни на костре как неисправимый еретик — проклятый Богом и отлученный от церкви.

Мало кто всерьез не испугается за свою жизнь — как земную, так и загробную. Но предположим, что и здесь стойкость духа вам не изменила. Тогда вам предстоит вернуться в камеру и «подумать над своим поведением». А к вам, неровен час, поделят добродушного сокамерника — шпиона инквизиции, который натаскан на то, чтобы втираться в доверие. «Под страшным секретом» он рассказывает вам о том, в чем, по его мнению, обвинили его самого, и вы — утомленный, встревоженный и ничего не знающий о будущем, возможно, тоже поделитесь предположением о том, в чем обвиняют вас, и скажете кое-что, о чем умолчали на допросе.

Не прониклись симпатией к сокамернику? Не беда, есть и другие методы. Вдруг у двери вашей камеры вы увидите своих родных. Они уже проинформированы, что вы подозреваетесь в тяжком преступлении — в каком, им, разумеется, не сказали. Но вас они буквально на коленях умоляют сознаться во всем, облегчить душу, ведь инквизитор до этого с глубокой скорбью рассказывал им, оперируя нужными богословскими терминами, как тяжело запятнана ваша душа, какой тяжелой участью это грозит не только вам, но и всему вашему семейству.

Вы понимаете, что им угрожают, и вместе с праведным гневом в вас просыпается опасение за их судьбу — возможно, даже более сильное, чем опасение за собственную жизнь. Нередко такое воздействие оказывается более эффективным.

Вы на пределе, вы напряженно ждете новой беседы с инквизитором. Пока она состоится, вас, разумеется, хорошенько «помаринуют» в тюремной камере, чтобы вы успели взвесить все «за» и «против». Вы собираете нервы в кулак, вы готовы дать бой инквизитору, к которому уже относитесь, как к врагу, который угрожает вашей семье, и вдруг...

И вдруг вас переводят в помещение, куда более удобное, нежели тюремная камера, и сытно кормят — впервые за все время заключения. Напряженный ваш разум расслабляется, и тут появляется инквизитор, который демонстрирует вам полное свое расположение и всячески пытается уговорить на сотрудничество.

Заставить вас балансировать между надеждой и отчаянием — один из основных рычагов давления. Не сломило и это? Тогда вам запросто могут вынести ложный смертный приговор: нередко отчаяние, когда уже все потеряно, заставляет упорных еретиков заговорить. Прием этот — чистой воды обман, смертный приговор выносится не так, но вам об этом ничего не известно.

Вас не сломило и это?

Вы крепкий орешек, нечего сказать. Теперь инквизитор понимает, что по-простому с вами не получится. А значит, чтобы добиться от вас признания, нужно приступить к пристрастному допросу с пытками...

Пытки инквизиции

Как все начиналось

Как уже упоминалось, в 1252 году папа Иннокентий IV издал буллу «Ad extirpanda», то есть «В искоренении», которая позволяла применять пытки к подозреваемым в ереси. Эту буллу подтверждали и его преемники на папском престоле.

Булла «Ad extirpanda» разрешала инквизиторам «заставлять силой, не нанося членовредительства и не ставя под угрозу жизнь, всех пойманных еретиков как губителей и убийц душ... с предельной ясностью сознаваться в своих ошибках и выдавать известных им других еретиков, верующих и их защитников, так же как воров и грабителей мирских вещей заставляют раскрыть их соучастников и признаться в совершенных ими преступлениях». То есть прямого указания истязать, проявляя максимум жестокости, не было. По боль-

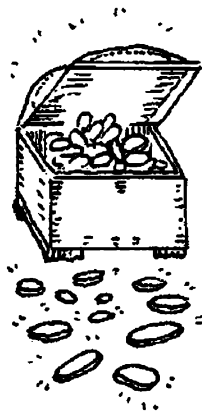
шому счету, Иннокентий IV призывал инквизиторов делать что угодно, только бы еретики на допросах сознавались, но при этом оставались при руках-ногах.

Тут же однако возник некий регламент, по которому пытки подразделялись на «допустимые» и «недопустимые». Самое простое условие, которому удовлетворяли «допустимые» пытки, — конечности не ломать и не наносить ран («церковь не должна пятнать себя кровью»), в результате которых арестант может истечь кровью и умереть. Тем не менее при допросах с пристрастием без ран не обходилось, но серьезных кровопотерь и в самом деле по возможности избегали (хотя не все и не всегда). Иногда рану, дабы крови было меньше, прижигали. Это вряд ли помогало допрашиваемому сохранить здоровье, но формальность была соблюдена.

Во время пытки всегда присутствовал врач, который следил за состоянием арестанта и должен был остановить палача, если возникала опасность смерти. Но случалось, что врач опаздывал со своим вмешательством, и несчастный умирал. Это, кстати сказать, в инквизиции не приветствовалось, ибо считалось, что еретик слишком легко отделался, поскольку избежал суда при жизни.

Чем еще папы ограничивали пытки? Например, в 1311–1312 годах Вселенский собор во Вьенне постановил, что разрешение пытать подследственного инквизитору следует испросить у епископа. Но вряд ли это сильно сократило количество пыток. Учитывая, что епископы, как правило, тесно сотрудничали с инквизиционными трибуналами, никаких запретов на этот счет они, за малыми исключениями, не накладывали. А если епископ сохранял полномочия инквизитора и сам руководил допросом, вопросов и вовсе не возникало. В тех же редких случаях, когда епископ все-таки шел наперекор трибуналу, инквизиторы находили выход в том, что допрашивали арестанта как *свидетеля*, а не как *обвиняемого*, тем самым минуя епископский запрет, так как постановления Вьеннского собора свидетелей не упоминали.

Важный момент заключался в том, что каждый инквизитор решал сам для себя, что понимать под «допустимой» или «умеренной» пыткой. Чаше всего инквизиторы считали, что

пытать арестанта необходимо до тех пор, пока он не выдавит из себя признание. И если во время пытки палач останавливал врач или же арестант сам терял сознание, инквизитор запросто мог приказать продолжить пытку, когда арестант придет в себя, и возобновлять ее по собственному усмотрению сколько угодно раз.

Если же под пыткой давались нужные показания, обязательным условием было получить их подтверждение сутки спустя, — только тогда эти показания считались добровольными и регистрировались в протоколе. Нередко, придя в себя, арестант отказывался подтвердить свое признание без пытки. Но это лишь продлевало его мучения — начинался новый пристрастный допрос, и такой цикл (пытка — признание — отказ подтвердить признание через сутки — снова пытка) мог повторяться, пока арестант окончательно не сдавался на милость следствия.

Гласности подобная практика, разумеется, не придавалась: инквизиция требовала от всех участников допроса держать все, что происходило в застенках, в строжайшем секрете. К тому же обязывался и арестант, если ему выпадало счастье оказаться на свободе. «Если примиренный с церковью и отбывший свое наказание грешник, обретая свободу, начинал утверждать, что раскаяние было получено от него путем насилия, пыток и тому подобными средствами, то его могли объявить еретиком-рецидивистом и на этом основании отлучить от церкви и сжечь на костре» (И. Р. Григулевич).

Как это ни странно, среди тех, кто отбыл наказание и вышел на свободу, было немало тех, кто постфактум верил, что инквизиция действовала в интересах спасения его души. Что те телесные муки, через которые он прошел, послужили необходимым лекарством, без которого нельзя было вырвать его душу у демонов, или, если угодно, очистить его разум от еретических заблуждений. А некоторые получали подтверждение этому прямо во время допроса, когда вдруг инквизитор, только что руководивший истязанием, останавливал палача и проявлял сочувствие к их мучениям, ибо виноват в них был вовсе не сам инквизитор и не палач, а дьявол, который

не дает сделать признание. Стоит же признаться — дьявол отступит и мучения прекратятся...

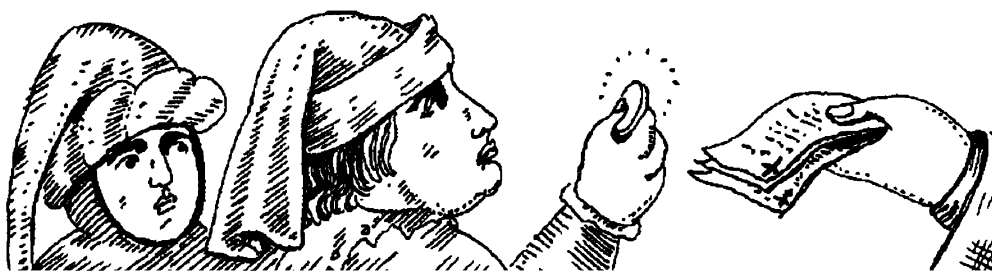
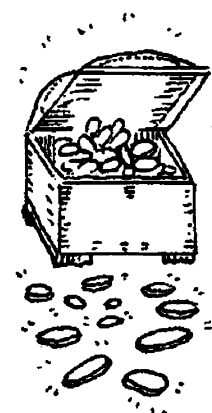
Во время пристрастного допроса инквизитор постоянно напоминал арестанту, что только он сам — победив дьявола — может прекратить пытку. Более того, следователи Святого Официума делали все, чтобы убедить человека сдаться до пытки. Поэтому прежде чем приступить к истязанию, арестанту подробно объясняли, а то и показывали то, через что ему предстоит пройти, и часто именно в этот момент он сдавался.

Для аналогии читателю достаточно представить себя в кресле — зачем далеко ходить — стоматолога. Нередко один вид бормашины выводит пациента из равновесия. А теперь представим вместо чистого стоматологического кабинета темный, сырой подвал без окон, в котором стоят устройства для пыток... Инквизиторы не без основания полагали, что в обвиняемых, стоит им это увидеть, сразу проснется жажда откровения.

Пыточный инструментарий, вопреки фантазиям множества людей, был не так уж богат: плети, дыба, кобыла, жаровня, клещи, тиски*. Нередко применялась пытка водой, измор жадой, голодом, лишением сна. На этих пытках — наиболее распространенных — мы сделаем особый акцент и разберем, как именно это работало и каково было арестанту.

После пытки обвиняемого возвращали в тюремную камеру, и к нему — таковы были правила — направлялся врач, который должен был лечить его раны. Можно расценивать это как своеобразный акт милосердия, можно — как перестраховку от общественного порицания, можно — как саркастическое издевательство. Все здесь зависело от конкретного инквизитора. Так или иначе, подследственного полагалось лечить, и даже возводить еретика на костер в идеале следовало невредимым, дабы не превратить его в мученика и не сделать таким образом рекламу ереси.

* Мы говорим здесь о пыточном арсенале французских инквизиторов. Их испанские коллеги были более изощренны по части пыточных орудий. См. приложение «Об орудиях пытки».

Тюремные условия

Необходимо сказать несколько слов об условиях, в которых содержались заключенные. Эти условия в подробностях описывают многие, и описания эти сильно отличаются одно от другого. Вот что пишет современник инквизиции Х.А. Льюренте:

«Трудно представить себе что-либо более ужасное, чем эти застенки. Не то чтобы они были теперь таковы, как их описывали, то есть глубокие, сырые, грязные и нездоровые; по этим чертам легче распознать неточные и преувеличенные описания жертв инквизиции, чем изложение подлинной правды. Я не буду говорить, каковы они были некогда*. Известно, что теперь эти места представляют хорошие сводчатые камеры, хорошо освещенные, с отсутствием сырости; в них позволяется и немного заниматься. Но пребывание в тюрьме становится действительно страшным потому, что... подсудимый никогда не знает состояния своего процесса; нет здесь утешения в свидании и беседе с защитником. Зимой все погружается здесь ежедневно в пятнадцатичасовой мрак, потому что узнику не дозволяется пользоваться огнем после четырех часов вечера и раньше семи часов утра. В этот довольно длинный промежуток смертельная ипохондрия овладевает заключенным среди охватившего его холода, потому что помещение не отапливается.

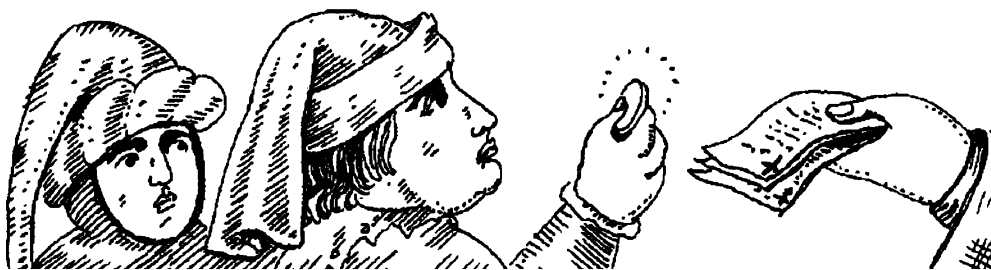
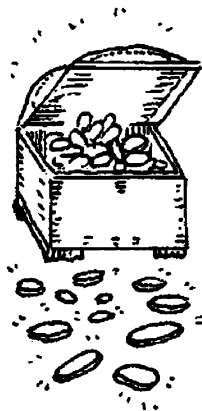
Некоторые авторы утверждали также, что узник стонал под тяжестью цепей, ручных кандалов, железных ошейников и других подобных приспособлений. В этих сообщениях не меньше неточности, чем в других. Эти средства употреблялись в редких случаях и по особенным причинам. В 1790 году я видел, как заковали в ручные и ножные кандалы одного француза из Марсея; но к этой мере прибегли лишь для того, чтобы помешать ему лишиться себя жизни, что он уже пытался сделать».

*Х.К. Льюренте описывает тюрьму поздней, почти отжившей инквизиции.

Современный российский автор книги об инквизиции Н. Будур дает красочное описание тюрем, делая акцент на тех, в которых содержали ведьм: «В то время места заключения вообще представляли собой отвратительные вонючие дыры, где холод, сырость, мрак, грязь, голод, заразные болезни и полное отсутствие какой бы то ни было заботы о заключенных за короткое время превращали несчастных, попадавших туда, в калек, в психических больных, в гниющие трупы. Иногда к ногам вешали тяжелые куски железа, так что несчастные люди не могли ни вытянуть ног, ни притянуть их к себе. Иногда в стенах были сделаны углубления такого размера, что в них с трудом можно было сидеть, стоять или лежать; заключенные там запирались железными затворами. В некоторых тюрьмах находились глубокие ямы, выложенные камнем, с узкими отверстиями и крепкими дверями сверху. В них узников опускали на веревках и таким же образом их вытягивали наверх. Во многих местах заключенные страшно страдали от холода и отмораживали себе руки и ноги. После этого даже если их и выпускали на свободу, они на всю жизнь оставались калеками. Некоторые узники постоянно содержались в темноте, никогда не видели солнечного света и не могли отличить дня от ночи. Они находились в неподвижности и лежали в собственных нечистотах, получали отвратительного качества еду, не могли спокойно спать, одержимые мрачными мыслями, злыми снами и всякими ужасами. Они страшно страдали от укусов вшей, мышей и крыс. К тому же они постоянно слышали ругань, злые шутки и угрозы тюремщиков и палачей. И так как все это продолжалось не только месяцы, но и целые годы, люди, помещенные в тюрьму бодрыми, сильными, терпеливыми и в трезвом уме, очень быстро становились слабыми, дряхлыми, искалеченными, малодушными и безумными».

Так какими же в действительности были тюрьмы инквизиции? Как оно было на самом деле?

Условия менялись от региона к региону даже в рамках одной страны. Имели место и «отвратительные вонючие дыры», и подвалы, лишённые света, и простые камеры, и даже

вполне приличные помещения. То же касается обращения тюремщиков с заключенными. В некоторых тюрьмах были разрешены посещения родственников. Есть свидетельства, что тюремщики играли с заключенными в карты, вели с ними беседы и даже делились с ними съестным.

К слову, об особо тяжких тюремных условиях: предполагалось всего три вида тюремного заключения, и законодательно ни один из них не включал в себя нахождение в «вонючих ямах». При этом известны случаи, когда подследственный, заболевший в тюрьме, отпускался домой вплоть до выздоровления. К милосердию, впрочем, это имело мало отношения. Тут все зависело от того, какой путь к этой цели выберет конкретный инквизитор. Выздоровевшего возвращали в тюрьму и вполне могли подвергнуть пыткам.

Как и во многих делах, связанных с инквизицией, в вопросах тюремного заключения немаловажную роль играл человеческий фактор и воля следователя, который оказывал заметное влияние на условия инквизиционной тюрьмы. Поэтому нам рано или поздно придется свыкнуться с мыслью, что невозможно вывести единую модель работы инквизиционного трибунала даже в рамках одной страны.

Психология пытки

Исследователи инквизиции заостряют особое внимание на пытках как таковых, описывая их, так сказать, техническую сторону, но лишь вскользь говорят о такой важной стороне, как психология. Писатель Брайан Лейн в своей «Энциклопедии пыток и казней» сделал попытку описать психологическую сторону физических истязаний, однако заплутал в терминологии между «психологией пытки» и «этикой пытки».

На что была направлена пытка? (Впрочем, почему же «была»? Пытки, увы, применяются до сих пор, и считать их пережитками Средневековья — это ошибка.) Что лежало в ее психологической основе? Что испытывал истязаемый человек на уровне психики? А что испытывал мучитель? На

какие этапы можно разделить психологический процесс при перенесении пытки?

Авторы, пишущие об инквизиции, как правило, оставляют любопытство читателя по этой части неудовлетворенным. Мы же постараемся восполнить этот пробел.

Первый и закономерный вопрос, возникающий при мысли о пытке: «Зачем?» Чего конкретно добиваются мучители? Неужели им просто нравится проявлять непомерную жестокость к совершенно незащитному человеку?

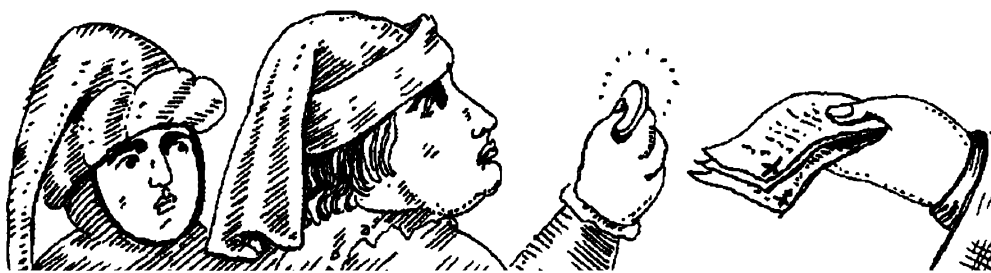
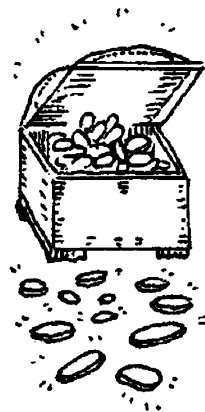
Если рассматривать дела инквизиции, то, истязая человека, его мучители далеко не всегда желали причинить ему как можно больше боли. Первым делом пытка была направлена на подавление сопротивления упорствующего арестанта. В сущности, она была продолжением словесного допроса, и ее целью было получение признания, но этим дело не ограничивалось.

Инквизиция искала не только признания — лучшим исходом для нее было искреннее сотрудничество арестанта, его желание получить прощение церкви и способствовать борьбе с ересью, его готовность полностью подчиниться воле Святого Официума, назвать свою склонность к ереси заблуждением, отречься от нее. Инквизиция хотела, чтобы арестант сам — искренне! — захотел понести любое наказание, захотел, чтобы его простили и дали ему шанс на искупление, чтобы он проникся сладострастной жаждой спасения, обрел новый смысл жизни и преисполнился ревностного желания уничтожать ересь по всему миру. Если по-простому, то инквизиции в идеале хотелось получить в конце своих процедур послушную марионетку с промытым сознанием.

Возникал вопрос: как этого добиться?

Тактика запугивания

Запугивание арестантов применялось с завидной вариативностью. Инквизиторы прекрасно знали все приемы, которыми можно заставить подозреваемых в ереси дрожать от страха. Прямые угрозы касались самых разных сфер жизни арестанта. Чаще всего угрожали:

- пытками;
- пожизненным заключением;
- нанесением вреда родным и близким;
- отлучением от церкви;
- муками ада (вспомним, что в Средневековье это была нешуточная угроза, которая заставляла всерьез переживать);
- смертной казнью.

Разумеется, каждый инквизитор мог добавить, изучив биографию подсудимого, дополнительные пункты по своему усмотрению. Часто к угрозам примешивались недоказанные обвинения, которые представлялись как непреложная, не требующая доказательств истина.

Шантажировали узника обыкновенно мягким, спокойным, даже сочувствующим тоном. Инквизитор при этом уверял несчастного в том, что он — его друг и искренне печется о его судьбе, что он не желает причинять ему боль и страдания, но вынужден — именно вынужден — будет это сделать. В некоторых случаях, как ни странно, это могло быть хотя бы отчасти правдой.

И даже если инквизиция ничего узнику не сделает, говорил инквизитор, кара его обязательно настигнет — не в этой, так в загробной жизни, и кара такая, о которой подумать даже страшно, потому что угроза ему исходит вовсе не от инквизиции, а от него самого, от демонов, которые им руководят, от его упорного нежелания признаться в вероотступничестве. И поэтому он, инквизитор, всем сердцем переживая за узника, советует ему ради собственного же блага как можно скорее дать признательные показания, назвать сообщников, примириться с церковью и покориться наказанию, каким бы суровым оно ни было.

Иногда это были первые слова участия, которые арестант слышал после того, как оказался за решеткой. Пребывающий в полном неведении относительно того, в чем его обвиняют, опасаящийся за жизнь свою и своих близких, он готов был схватиться за любую соломинку и порой в ответ на «доброту» проникался самыми лучшими чувствами к своему мучителю. Он как бы раздваивался психологически: с одной стороны, понимал, что инквизитор — это источник его бед,

а с другой — надеялся на чудо и хотел видеть в инквизиторе спасителя.

Однако такие разговоры действовали в нужном для инквизиции направлении далеко не всегда. Тогда в дело вступал следующий элемент тактики запугивания — арестанту демонстрировали устройства для пыток и в подробностях рассказывали, через что ему предстоит пройти. При этом инквизиторам рекомендовалось вести себя с арестантом подчеркнуто сочувственно, как бы намекая ему: «У тебя еще есть шанс передумать, пока мы добрые, и ты пожалеешь, если не сделаешь этого».

Образ инквизитора с Библией в руках, обращающегося к еретику как к несчастной заблудшей душе в декорации камеры для пыток, весьма часто производил нужный эффект.

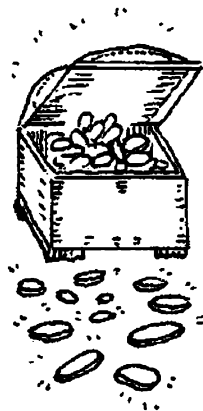
Унижение

С давних времен человек с особым вниманием относился к сохранению своего достоинства. Поэтому в качестве одного из инструментов психологического давления на арестанта часто использовалось унижение. Для этого существовали определенные приемы.

Нагота. В допросной комнате арестанта раздевали донага, и в таком виде он предстал перед присутствующими на допросе. Любые попытки прикрыться пресекались.

Поза. Инквизитор хорошо изучал поведение своего арестанта, анализировал его повадки и привычки, расспрашивал о них людей. Делалось это для того, чтобы составить своего рода психологический портрет, понять, как обвиняемый обычно держит себя при людях, и затем погрузить его на допросе в атмосферу дискомфорта. Так, гордеца, например, могли весь допрос продержать на коленях, а человека скромного, который, наоборот, предпочитал выглядеть незаметным, заставляли все время смотреть следователю в глаза.

Вынужденные мольбы. Рекомендовалось создать в ходе следствия такую ситуацию, чтобы арестант стал молить о пощаде. Людей, особенно трепетно относившихся к своему

достоинству, это ломало психологически и сильно влияло на их дальнейшее поведение.

Цепи. Арестанта могли держать в цепях, как животных. Причем цепи часто специально делали короткими, чтобы он с трудом мог дотянуться — что к отхожему ведру, что к принесенной тюремщиками еде.

Манера подачи еды/воды. Еду и воду арестанту ставили на пол, небрежно подталкивая ее к нему по полу.

Существование в грязи. Отхожее ведро, бывшее в камере, могло продолжительное время не опорожняться. Когда оно переполнялось, приходилось справлять нужду на пол камеры. Это усиливало состояние отчаяния и унижения, в котором пребывал арестант. Блохи, вши и крысы, которые были неотъемлемой частью средневековых тюрем, способствовали этому в неменьшей степени.

Пытка ожиданием. Об этом уже много говорилось, но приходится повторить. Узника могли продолжительное время держать в неведении в камере, создавая у него ощущение, что о нем забыли, что до него никому нет дела, что он — ничтожество и пустое место.

Насмешки тюремщиков. В некоторых тюрьмах унижительные приемы усиливались и человеческим фактором. По указке инквизиторов либо по собственной жестокости тюремщики могли насмехаться над арестантом, оскорблять его или угрожать ему.

Стоит, разумеется, понимать, что методы эти могли применяться в совокупности, либо только частично, либо применяться ограниченно — все зависело от воли конкретного инквизитора, руководившего следственным процессом.

Сенсорная депривация

Дословно с латыни *sensus deprivatio* — «сенсорная депривация» переводится как «лишение чувств». Самые простые устройства для депривации — это повязка на глаза или затычки для ушей; они уменьшают или полностью исключают воздействие на зрение и слух. Ныне существуют и более сложные устройства, которые, к счастью, для инквизиции

были недоступны, — «отключают» обоняние, осязание, вкус, температурные рецепторы и вестибулярный аппарат. Словом, депривация — это информационный голод, связанный с частичным или полным прекращением внешнего воздействия на один или несколько органов чувств.

Повязка, которая надевалась заключенному на глаза на все время его пребывания в камере или хотя бы пока его вели на допрос, считалась весьма действенным методом. Человек терял ориентировку в пространстве и пытался понять, куда его ведут, воображение рисовало ему самые страшные картины, и вдруг — как правило, именно вдруг — тугую повязку снимали, и он оказывался в кабинете инквизитора, залитым солнечным светом, или же перед палачом в подвале, освещаемом лишь факелом.

В условиях тюремного заключения арестанта могли намеренно долгое время держать в камере без окон и какого-либо намека на освещение, куда не проникал с воли ни один звук.

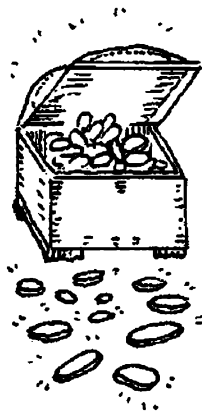
По мере увеличения времени пребывания в условиях сенсорной депривации психическая деятельность может нарушаться, развиваться депрессия, апатия, раздражительность. Человек теряет способность сосредотачиваться, он все хуже продумывает тактику и стратегию своего поведения. Дезориентированного арестанта гораздо легче вывести на признание.

Правда, если перестараться, он может сойти с ума, и тогда велик риск получить искаженную информацию вследствие потери человеком не только прежней линии мышления, но и причинно-следственных связей и даже части собственного Я.

Воздействие с помощью близких

Одним из изощренных методов воздействия на арестанта, которым активно пользовалась инквизиция, было влияние через близких ему людей.

После пребывания арестанта некоторое время в тюрьме, к нему неожиданно (для него, разумеется) могли впустить

жену/мужа и/или детей, друзей, духовника, с которыми инквизитор предварительно проводил соответствующую беседу. Как правило, эти люди убеждали узника признаться в заблуждениях, молили его не продлевать свои страдания. И если увещания, произносимые инквизитором, который воспринимался враждебно, не давали никакого эффекта, то те же самые слова, сказанные членами семьи, друзьями или знакомыми, часто приводили к результату, которого добивался Святой Официум. Случалось, что арестанты, твердо державшиеся на допросах, увидев членов своей семьи, к визиту которых они никак не были готовы, раскисали, и инквизитору оставалось только воспользоваться моментом, чтобы склонить их к нужным показаниям.

Представьте себе: вы находитесь уже несколько недель в вонючей тюремной камере. Ваше физическое и эмоциональное состояние, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Вы унижены и скорее всего испытываете боль, поскольку прошли через пытку. При этом вы знаете, что вас ничего хорошего не ждет, и настраиваете себя на то, чтобы сохранить стойкость духа. И тут внезапно дверь распаивается, и на пороге появляется тот, кого вы любите больше всего. Поверьте, инквизиция найдет этого человека, она будет точно знать, что именно он (или она) для вас всего дороже. И этот человек падает перед вами на колени, умоляет вас прекратить свои мучения, говорит, что ему больно на вас смотреть, что он не может больше жить в постоянном страхе за вашу жизнь... Он приводит аргумент за аргументом и искренне верит в то, что говорит, — даже если его аргументы подброшены следователями Святого Официума.

Этот человек знает вас, знает ваши самые потаенные воспоминания — возможно, они у вас еще и общие. И этот человек действительно вас любит и беспокоится за вас. Он *молит* вас сознаться во всем, и от его мольбы вам, разумеется, еще больнее.

Скорее всего, после такого разговора вы впадете в отчаяние.

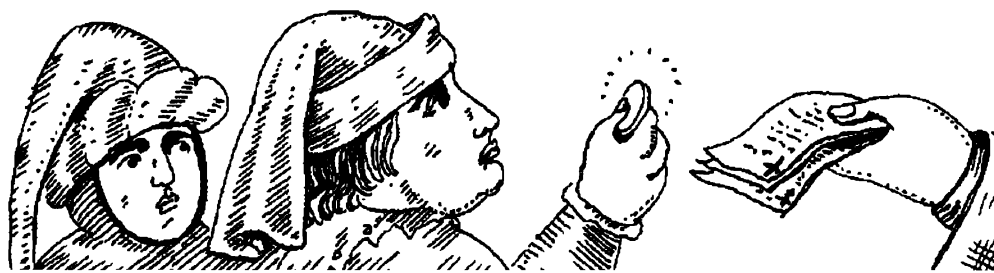
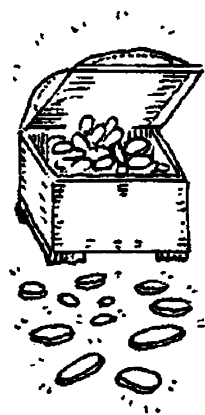
Не сломаетесь? Выдержите? Не скажете ничего?

*Поэтапное подавление воли
(как пытка действовала на арестанта)*

В своей работе «О смерти и умирании» (1969) американский психолог Элизабет Кюблер-Росс, создательница концепции психологической помощи смертельно больным, выделила пять стадий принятия смерти: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Анализировать поэтапное подавление воли человека в процессе пытки можно по похожей схеме.

Отрицание. Инквизиция до последнего момента хранила в тайне имя своих жертв и аресты, как правило, производила внезапно. Человек, за которым приходили стражники, — если только это был не действующий член еретической секты, участвующий в еретических обрядах и, значит, готовый к тому, что его могут разоблачить, — вряд ли ожидал ареста. На первых порах арестанты обычно отрицали свою вину, клялись в своей добропорядочности и надеялись, что произошла чудовищная ошибка, которая разрешится сама собой. То, что им может быть уготовано длительное тюремное заключение, а то и костер, они еще не понимали, хотя в душе уже поселялся страх. Эта стадия проходила очень быстро — она длилась ровно до того момента, пока арестант не осознавал, что чудовищная ошибка не разрешится и что до выхода на свободу (если это вообще произойдет) ему предстоит пройти через тяжкие испытания.

Гнев. Поняв, что попал в западню, арестант чувствовал ожесточение по отношению к своим мучителям. Он настраивал себя на сопротивление им. Ярость, поднимавшаяся в его душе, придавала ему сил, и он стремился отстаивать свою невиновность (или собственные убеждения). Эта праведная ярость — сильный мотивирующий фактор, она способна даже притуплять на некоторое время боль. На этом этапе между арестантом и дознавателем начиналась борьба характеров. Длительность этапа зависела от количества душевных сил арестанта. Самые волевые узники выдерживали пытки, не отказавшись от своих убеждений. Именно они чаще всего попадали на костер.

Торг. В какой-то момент силы оставляли арестанта, и он начинал давать показания, которые в какой-то мере интересовали инквизицию. Возможно, он тщетно надеялся, что она этим удовлетворится и не станет копать глубже, или же просто — пусть ненадолго — хотел облегчить свои страдания. К этой же стадии можно отнести случаи, когда арестант сознавался в ереси или другом прегрешении, а после отказывался от своих слов, заявляя, что показания были получены под пыткой.

Депрессия (отчаяние). Наконец, арестант уставал от мучений и унижений, терял надежду и впадал в отчаяние. Теперь он был готов на любые уступки, лишь бы кошмар закончился.

Принятие. Это стадия, когда уступки совершены, когда арестант полностью подчинился воле инквизиции. Он может даже искренне посчитать, что его мучители правы, что они не желали ничего дурного, что они пытались излечить его душу, и вот теперь, когда кошмар почти закончился, он готов принять любую навязанную инквизицией правду, согласиться с чем угодно, вплоть до службы в любом качестве на благо Святого Официума. Не исключено, что с «раскающимся катаром» Робером ле Бугром произошла именно такая метаморфоза.

Нужно, конечно, понимать, что люди, арестованные инквизицией, содержались в разных условиях; поэтому не стоит воспринимать описанную схему как единственно возможную. Характер заключения сильно влиял на восприятие арестантом окружающей действительности, и рассматривать каждый случай, по идее, следует индивидуально. Немаловажным фактором была и метода ведущего следствие инквизитора

Мучители и истязатели

Повторим: инквизитор совершенно не обязательно получал удовольствие, причиняя боль обвиняемому, хотя, конечно, среди инквизиторов встречались, о чем уже говорилось, законченные садисты. Стоит также упомянуть, что в роли не-

посредственного истязателя обычно выступал не инквизитор, а палач.

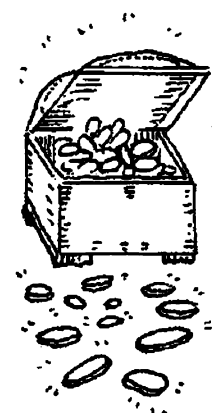
Чтобы хоть как-то обобщить в небольшом очерке чувства великого множества «тружеников» инквизиционных допросных комнат, попробуем воспользоваться популярной среди психологов моделью, носящей название «треугольник Карпмана». Названа она по имени впервые описавшего ее в 1968 году американского психолога Стивена Карпмана и широко используется в транзакционном анализе* другого американского психолога Эрика Берна. В основе «треугольника Карпмана» три психологические роли, которые люди, сами о том не задумываясь, принимают на себя, оказавшись в разных ситуациях, — преследователь, жертва и спасатель. Причем спасатель — это совсем не обязательно тот, кто помогает кому-то в чрезвычайной ситуации (даже, может быть, жертвуя своими интересами), а тот, кто имеет смешанный или скрытый эгоистичный мотив.

Находясь в какой-то одной роли, человек подсознательно втягивает других в этот треугольник, заставляя их занять две оставшиеся позиции.

Как ни парадоксально, инквизитор может примерять на себя не только роль преследователя, хотя именно она кажется для него наиболее очевидной.

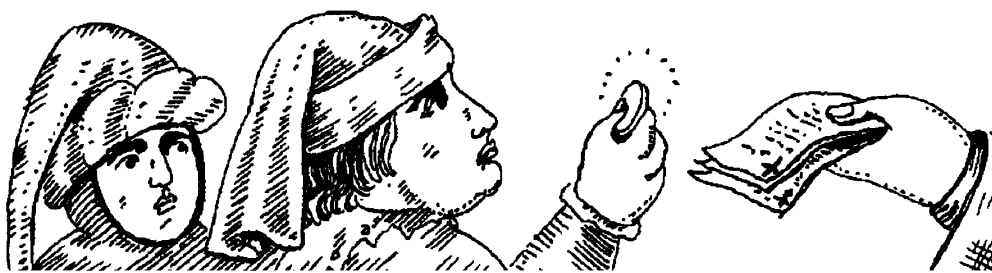
Попробуем рассмотреть все три роли инквизитора, наложив их на средневековые реалии.

Мучитель-преследователь

В этом случае, как правило, вопросов не возникает, модель канонична. В «треугольнике Карпмана» эта роль описана как «персонаж, который оказывает давление, принуждает или преследует жертву». Применительно к взаимоотношениям инквизитора и подследственного это стоит воспринимать самым буквальным образом.

* В основе транзакционного анализа лежит положение о том, что человек, вступая в контакт с окружающей средой, всегда находится в одном из трех эго-состояний, четко отличимых одно от другого, — Взрослый, Родитель и Ребенок.

Обвиняя жертву, заставляя арестанта выдать сообщников, угрожая ему казнью, командуя руками палача или же самостоятельно осуществляя пытку, инквизитор, как и описывает «треугольник Карпмана», чрезмерно уверен в себе и своих взглядах, он считает, что истина известна только ему, что никакой другой стороны, кроме той, на которой находится он, выбирать не положено, а если арестант ее все-таки выбрал, то ему надлежит понести наказание.

Инквизитор позиционирует себя как справедливый судья, который неспособен заблуждаться или ошибаться. Он испытывает гнев и раздражение в отношении жертвы, а также в отношении человека, который принял на себя роль спасателя, — им может оказаться, например, врач. Вдобавок инквизитор испытывает азарт, чувствуя, что вот-вот доведет жертву до умопомрачения, сломит ее сопротивление, навяжет ей свою позицию, перекроит ее по-своему.

Тем более каноничной выглядит психологическая модель «мучитель-преследователь», если учесть, что она сопровождается физическими страданиями арестанта.

Мучитель-спасатель

Эта психологическая позиция мучителя не кажется столь однозначной, как первая. Но, если присмотреться, она вполне возможна.

В условиях «треугольника Карпмана» спасатель хотя и прилагает большие усилия для помощи жертве, однако он всегда стремится к достижению успеха таким путем, который выгоден для него самого; в противном случае его устроит и консервация ситуации. Спасатель может испытывать чувство самоуважения благодаря исполняемой роли и наслаждаться ею уже потому, что кто-то от него зависит и надеется на его помощь. Со стороны будет казаться, что он действует из желания помочь, но, если копнуть поглубже, то можно увидеть, что он просто играет с жертвой.

Такое поведение не так уж сильно противоречит «классическому» образу инквизитора. Спасатель позиционирует себя так, будто испытывает к арестанту жалость, действует

в его интересах, старается создать гармонию в его отношениях с окружающим миром, хотя и реализует это желание через истязание и боль.

Мучитель-спасатель считает арестанта запутавшимся и беспомощным, а себя — умным, знающим, способным помочь, обладающим трезвым взглядом. Он уверен в своих способностях и силах, поскольку четко понимает, что и как нужно правильно делать.

Вжившись в такую роль, инквизитор испытывает неподдельное сопереживание и сострадание к арестанту, и ему хочется продлевать это ощущение. Роль доставляет ему удовольствие, и дальнейшая игра ведется им уже ради самого процесса.

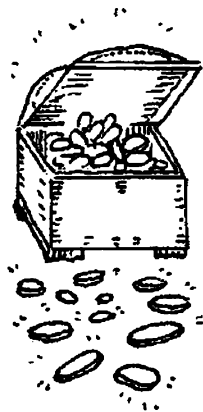
Наивысшее удовольствие в этой игре мучитель может испытать в тот момент, когда арестант, преисполнившись к нему добрых чувств, начнет благодарить его за то, что он смягчил или, тем более, прекратил пытку.

Благодарность арестанта (если она имеет место быть) объясняется тем, что сознание его цепляется за остатки чего-то светлого и человеческого в условиях крайнего отчаяния. В его восприятии любая «милость», проявленная мучителем, гипертрофируется — иногда настолько, что может вызвать эмоциональную эмпатию, даже привязанность.

Мучитель-жертва

Это самая неочевидная конструкция, особенно если рассматривать образ средневекового инквизитора. Подобная связка может показаться невозможной, однако человеческая душа настолько сложна, что можно допустить и такое.

Даже сидя напротив арестанта в допросной комнате, инквизитор может взять на себя роль жертвы и всячески ее транслировать. Интерпретируется эта роль через все ту же позицию «ересь — есть зло, от которого страдает весь христианский мир», при этом себя лично в этот момент мучитель-жертва отождествляет со всем христианским миром, возводя свои «муки» в абсолютную степень. Он пытается показать, что из-за таких людей, как арестант, страдание стало сутью

его жизни. Неужто обвиняемый думает, что страдалец тут он? Утвердительный ответ арестанта тут же интерпретируется как очередная несправедливость, которую остро ощущает мучитель-жертва.

Такой мучитель может (к слову, как и мучитель-спасатель) испытывать эмпатию к своему арестанту, почти что ощущать часть его мучений и культивировать их, чтобы продемонстрировать свое «удручающее положение». Словом, ситуация переворачивается с ног на голову.

И даже добившись признания обвиняемого и получив от него нужные показания, мучитель-жертва продолжает транслировать свою обиду, заявляя, что на то, чтобы справиться со всеми еретическими напастями у него не хватит ни сил, ни отпущенного ему срока жизни. Ему кажется, что ситуация никогда не улучшится; впрочем, он и не ждет этих улучшений, ибо пребывает в состоянии жертвы.

Мучитель-жертва исходит беспокойством и недовольством — собой и окружающей действительностью, и тем более жестоко он себя ведет по отношению к обвиняемому, чем острее чувствует свое бессилие и, возможно, свою ничемность.

Самые распространенные пытки

Итак, мы подошли непосредственно к физическим пыткам. Что же происходило в допросных комнатах, о которых ходит столько легенд? Воображение сразу же рисует подвальные помещения, плотно уставленные устройствами, которые причиняют боль самыми разными способами.

Но в реальности, как ни странно, все обстояло несколько иначе. То есть пыточные орудия в допросных комнатах, конечно, присутствовали, но было их, как правило, немного. «Набор палаческих инструментов в камере пыток был весьма однообразный: дыба, кобыла, плети. Часто применялась пытка водой, жаждой, голодом» (И. Р. Григулевич). Во всяком случае, дыба, кобыла и плети были необходимым стандартом. Но, конечно, в каждом регионе и даже в каждом

инквизиционном отделении дела обстояли по-своему. О том, насколько широк будет ассортимент пыточных орудий, часто зависело от самого инквизитора — были среди них такие, кто проявлял «творческий подход» и постоянно думал над тем, как увеличить страдания своих жертв, но были и такие, кто старался не прибегать к пыткам без крайней необходимости, относился к ним как к самому неприятному в своей работе и использовал только самые заурядные приспособления.

Пытка водой

С пытки водой частенько начинали истязания, потому что она проста и не требует никаких дополнительных устройств. То есть организовать ее можно было где угодно и исполнить с помощью подручных средств.

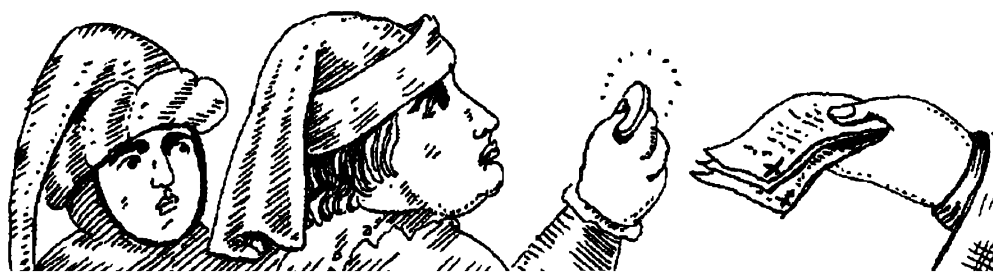
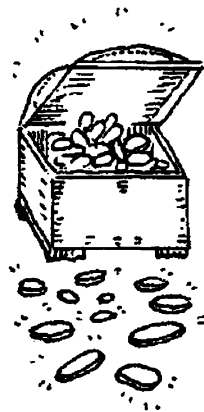
Самыми распространенными были пять видов пытки водой.

Погружение

Для этой вариации пытки иногда использовался глубокий чан, способный вместить человека полностью. Если такого чана не было, могли взять простое корыто и погружать в него только голову. Вид корыта поначалу вряд ли пугал арестанта, но в этом для него был скорее минус, чем плюс; погружение в корыто вместо чана было не менее мучительно. Добавим, что перед пыткой арестанту связывали руки и ноги.

Первое, что ощущает человек в момент, когда понимает, что кончается воздух, — это паника. Самая что ни на есть животная паника, продиктованная инстинктом самосохранения. Это не легкое волнение или тревога, не драматизация и не преувеличение — это наивысшая интенсивность страха, мощнейший выброс адреналина в кровь, сигналы тревоги по всем фронтам чувств. Такая паника захлестывает горячей волной, посылая мозгу сигналы срочно сделать вдох, но человек под водой, и вдох сделать нельзя.

Извлеченный на воздух человек не может отдышаться и уж точно не успевает прийти в себя, потому что его снова погружают в воду и держат ровно столько, чтобы он снова

испытал смертельный ужас. И так раз за разом как минимум в течение получаса. Или часа. Или больше — сколько решит инквизитор.

В конце концов человек перестает вообще выходить из пограничного состояния. В нем остается только инстинкт самосохранения, и он велит признаться во всем, даже в том, что не замышлял и не совершал, только бы прекратить этот кошмар.

Палач, врач и инквизитор тщательно следят за тем, чтобы арестант не умер. Иногда ему дают сделать несколько лишних глотков воздуха, усиливая жестокость пытки иллюзией о ее окончании. И постоянно задают вопросы, интересующие следствие.

Не ответил? Не нашел силы? Добро пожаловать обратно, под воду.

Такая пытка изматывала не только физически, но и психически.

Вливание

Этот вариант еще называли «пыткой питьем». Человека связывали и укладывали на спину, что-нибудь подсовывая ему под поясницу, а руки и ноги фиксируя так, чтобы он не мог двигаться. Затем вставляли ему в рот воронку и вливали в него воду в большом количестве, иногда до 15 литров.

Человеку ничего не оставалось, как эту воду непрерывно глотать, и она в конце концов распирала его, превращала живот в шар. Кроме того, у него начинались проблемы с дыханием: ведь дышать и глотать одновременно невозможно, поэтому для кратких вдохов приходилось улавливать мимолетные паузы, и человек рисковал в любой миг подавиться.

Арестанту, наверное, казалось, что еще немного — и он захлебнется или же его разорвет изнутри, но воду продолжали лить тонкой струйкой, стараясь растянуть пытку во времени, и он вынужден был глотать ее еще и еще. Его желудок наполнялся водой и давил на сердце и легкие. Нарастающая боль в животе подкреплялась давящей болью в груди, постепенно возникал эффект удушья, чего, собственно, и добивались му-

чители. Ведь их задача как раз и была в том, чтобы ввергнуть несчастного во все то же состояние паники.

Узник мог потерять сознание, и тогда пытку прерывали, приводили его в чувство и допрашивали. Но если допрос не давал желаемого результата, воронку снова вставляли ему в рот и лили воду до тех пор, пока врач не давал сигнал, что жизнь бедняги находится под угрозой.

В самом жестоком варианте воду смешивали с мочой или фекалиями, что многократно усиливало как физические, так и психологические страдания.

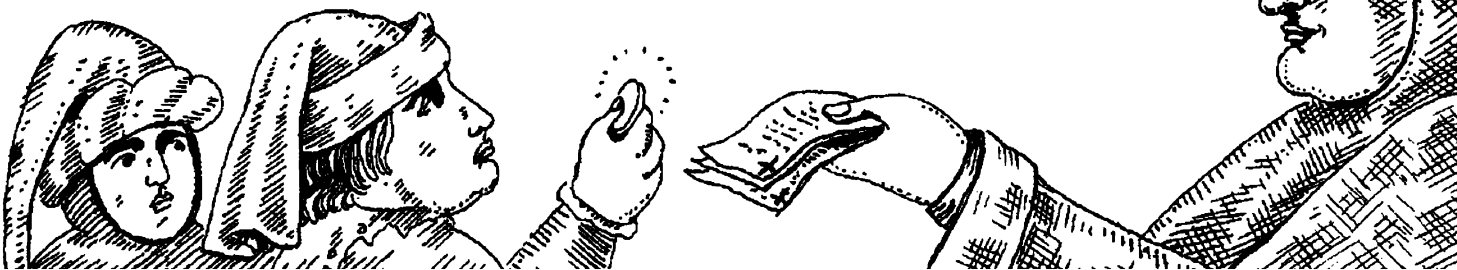
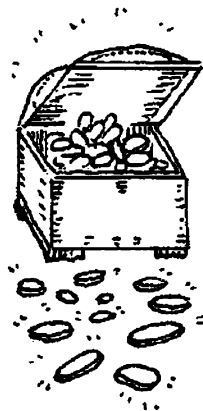
При этом тяжелых телесных повреждений, во всяком случае за один раз, «пытка питьем» не наносила. Но известны случаи, когда инквизитор входил в раж и приказывал давить доской на раздутый живот арестанта, чтобы усилить его страдания. Это часто приводило к повреждению внутренних органов, и несчастный умирал мучительной смертью.

Через ткань

Связанного человека укладывали на специальный стол с углублением, по форме напоминающим корыто. Руки фиксировали перпендикулярно телу. Ноги связывали и закрепляли так, чтобы они оказались выше головы (хотя иногда этим пренебрегали). Нос и рот покрывали влажной тканью и медленно — это обязательное условие — лили на нее воду. Опытным путем инквизиция установила, что расход воды должен составлять около литра в час.

Тряпка набухала от воды, закрывала носоглотку и сильно усложняла дыхание. Тут главное было не перестараться с водой, потому что человек мог захлебнуться, но лить ее постоянно, чтобы он едва мог дышать. Такая пытка могла длиться несколько часов.

Существовал вариант этой пытки, когда арестанту глубоко в горло проталкивали мокрую тряпку и понемногу лили на нее воду. Тряпка эта кроме всего прочего вызывала рвотный рефлекс, но не позволяла рвотным массам выйти наружу и загоняла их обратно, что причиняло дополнительные страдания.

Дышать при этом человек мог едва-едва... Он ощущал неимоверное напряжение в сосудах носоглотки, нередко они лопались, и начиналось обильное кровотечение.

Горло после этой пытки распухало, и еще по меньшей мере несколько часов (а то и суток) арестант испытывал проблемы с дыханием.

Капля по капле

Подобный способ пытки был у инквизиторов распространен мало, но тем не менее применялся.

Арестанта с чисто выбритой макушкой привязывали к стулу. Голову фиксировали так, чтобы он не мог ею пошевелить. Сверху на макушку должна была капать холодная вода, причем между каплями следовало соблюдать некоторый интервал.

Эффект эта пытка приносила не сразу, но зато она продолжалась часами. Рано или поздно на капли начинала реагировать и без того уже расшатанная нервная система. Значение тут имела высота, с которой падали капли, — чем выше помещали «пыточную капельницу», тем сильнее ощущались капли и, следовательно, быстрее начинались страдания человека.

Иные арестанты, выдержавшие самые разные издевательства, именно от этой пытки впадали в безумие.

Механизм воздействия этой пытки довольно прост. Холодная вода вызывает спазм сосудов. Когда это происходит, точка, на которую капает вода, в болезненном восприятии человека постепенно становится все больше и наконец охватывает всю голову. И человеку кажется, что по голове бьют громадным молотом, и каждая капля отдается адским грохотом...

Кипяток

Ошпаривание, окунание в кипяток конечностей, вливание в горло горячей воды — все это применялось (или не применялось) в зависимости от предпочтений конкретного инквизитора.

Бичевание

Бичевание было настолько распространено по миру, что ему посвящены отдельные исследования. Так, весьма подробно о бичевании пишет историк Джордж Райли Скотт в своей «Истории телесных наказаний».

Инквизиция бичевала своих подопечных весьма охотно, но не придумала в этом ничего нового. Ей вполне хватило наработок предыдущих веков.

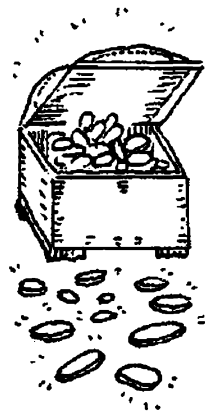
Особенно активное применение в инквизиционных допросных нашли плети: чаще всего это были семи- или девятихвостные «кошки». Арестант, как утверждается, мог выдержать до 500 ударов такой плетью... А если точнее: мог не умереть от такого количества ударов — ведь 500 ударов «кошкой» не оставляли на спине живого места.

Хвосты изготавливались из кожи или бечевки, а на концах их иногда для пущего эффекта навязывали узлы, что, впрочем, не приветствовалось. Во-первых, узлы вырывали кусочки плоти, увеличивали кровопотерю, и дабы подследственный не умер прямо под ударами бича, приходилось сокращать время пытки, а во-вторых, сам факт большой кровопотери противоречил указанию не пускать кровь.

Количество ударов плетью определялось инквизитором. Частоту ударов регулировали, исходя из того, насколько остро арестант реагирует на пытку.

Бичуемый мог фиксироваться в самых разных положениях, но, как правило, стремились к тому, чтобы он находился в наиболее открытой позе, которая позволяла наносить удары по всему телу. Нередко для порки использовались специальные столы или скамьи, которые лишали жертву подвижности, но чаще арестанта просто привязывали к столбу, подпиравшему потолок в допросной комнате. Иногда жертву с помощью кляпа лишали возможности кричать, что еще больше усиливало страдания.

Вот как описывает от первого лица бичевание Ян Мортимер: «После первого же удара мне показалось, что плеть сорвала всю кожу с моей спины. Второй удар выбил весь воздух из моих легких. Третий и четвертый удары после-

довали так быстро, что я понял: меня хлещут два человека с двух сторон. Я закусил губу и закрыл глаза. Скоро на моей спине не осталось живого места, и каждый следующий удар был мучительнее предыдущего. Мучители мои стали задерживать удары, чтобы я успевал ощутить боль и страх перед следующей плетью. После пятнадцатого удара я был почти в агонии. После двадцатого они остановились. Я слышал, как они переговаривались, чувствовал во рту вкус крови от закушенной губы. А потом последовал еще один удар. И еще один. Я знал, что они хотят, чтобы я закричал — и они продолжали хлестать меня с обеих сторон. И я молчал. Но я не знал, сколько еще ударов мне предстоит вынести, и от этого наказание становилось еще мучительнее».

Жаровня и прижигание

Инквизиция не могла обойти вниманием и еще одну земную стихию — огонь. Огонь и инквизиция в наших представлениях — это два образа, буквально идущие рука об руку.

Пытка огнем имела несколько вариаций.

Обжигание конечностей

В этой вариации страдали в основном ноги арестанта (с руками такое если и проделывали, то крайне редко, рукам чаще доставались тиски и клещи).

Проводилась пытка нехитрым образом. Ноги зажимали в колодки, обильно смазывали маслом и подносили к ним огонь. Чаще всего страдали ступни, но все зависело от фантазии инквизитора и палача.

По мере того, как ожог становился все сильнее, боль ощущалась не только на поврежденном участке кожи, но и в прилегающих к нему зонах.

Смертность людей в результате этой пытки была очень высока, поскольку мучители не всегда могли определить порог, за которым следовал болевой шок, и степень ожога. Обжигание конечностей как минимум делало человека инвалидом. Поэтому применялось оно только в крайних случаях, когда

инквизитор уже исчерпал иные способы добиться нужных показаний.

Жаровня

Еще более жестокая пытка.

Арестанта фиксировали на специальной решетке, под которой находились горячие угли или даже разводился открытый огонь. В этом случае ожоги поражали большую площадь поверхности тела, при этом человек страдал не только от огня, но и рисковал задохнуться в дыму.

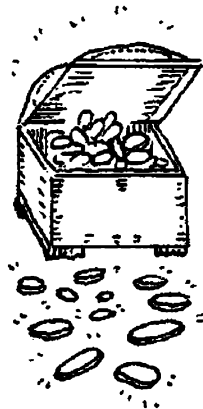
Такая пытка — по понятным причинам — редко длилась долго и почти всегда приводила к смерти арестанта.

Клетка

Арестанта подвешивали над разведенным в жаровне огнем в железной клетке и с помощью веревки на блоке то поднимали клетку, то опускали к самому огню. Выживали после этой пытки немногие.

Заинтересованная в сохранности арестантов до момента признания ими своей вины или официальной казни, инквизиция нечасто прибегала к пыткам с использованием жаровни. К тому же далеко не во всех допросных комнатах существовали условия для их проведения.

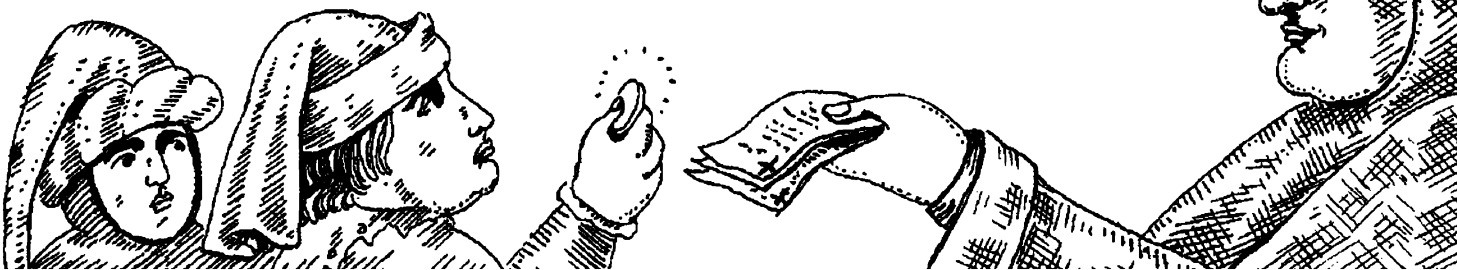

Каленое железо

При этой пытке применяли раскаленные с одного края металлические пруты.

Инквизиция считала, что именно этот способ применения огня оптимален. Такая пытка могла быть растянута во времени и, принося человеку ужасные физические страдания, в то же время не причиняла ему смертельные увечья.

Арестанта раздевали догола и привязывали так, чтобы для прижигания был открыт каждый участок тела. При этом рекомендовалось, чтобы он видел, как разогревается жаровня (или очаг), а затем раскаляются пруты, которыми его будут пытать. Пока человек с ужасом наблюдал за этими приготовлениями и понимал, что вот-вот ему предстоит испытать мучительную боль, инквизитор вел допрос. Если арестант

упрямился, отказывался отвечать, противоречил самому себе или говорил не то, что хотел услышать от него дознаватель, пытка начиналась.

Раскаленный прут прижимали то к одному, то к другому участку тела, нанося арестанту множество небольших по площади, но довольно глубоких и крайне болезненных ожогов. Таким образом, все тело превращалось в один большой источник боли. Особо изощренные мучители, дабы усилить страдания жертвы, еще и смачивали нанесенные раны уксусом или соленой водой.

Описание пытки каленым железом, очень близкое к реальности, находим у исторического романиста Бернард Корнуэлл в книге «Скиталец» (истязателем здесь выступает сам инквизитор):

«— Но мой долг перед Богом, — возразил де Тайллебур, взяв у рослого слуги один из раскаленных прутьев, — убедиться в том, что ты не лжешь. — Он посмотрел на юношу словно бы с сочувствием. — Я не хочу причинять тебе боль, Томас. Просто я хочу знать правду. Ну же, скажи мне, кто такой Ахалиин?»

Томас сглотнул.

— Я не знаю, — прошептал он, а потом повторил более громким голосом: — Я не знаю!

— А я думаю, что знаешь, — заявил инквизитор и приступил к пытке.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — молился де Тайллебур, прикладывая железо к обнаженной ноге Томаса.

Двое слуг крепко держали лучника. Боль оказалась сильнее, чем можно было вообразить. Хуктон попытался вывернуться, но не смог, ноздри его наполнились тошнотворным запахом жженой плоти, но он по-прежнему не отвечал на вопрос, ибо считал, что, будучи хоть единожды уличенным во лжи, тем самым обречет себя на еще худшие муки.

Где-то на задворках сознания, несмотря на страшную боль и собственные вопли, он продолжал верить, что если будет упорствовать, настаивая на своей лжи, то доминиканец ему поверит и прекратит пытку. Однако в состязании в терпении

между мучителем и жертвой истязаемому не приходится надеяться на успех.

Второй прут раскалился, и его кончик был направлен на ребра Томаса.

— Кто такой Ахалиин? — спросил де Тайллебур.

— Я говорил тебе...

Раскаленное докрасна железо прошло по телу лучника, от груди к животу. Плоть вспучилась, запахло паленым... Пронзительный вопль эхом отдался от высокого потолка...»

Тиски и клещи

Тиски для пальцев рук

Тиски для пальцев — едва ли не обязательное орудие в допросной комнате инквизиции. Устройство, по сравнению с клеткой на блоке, скромное, но, с палаческой точки зрения, чрезвычайно эффективное — способное при своих небольших размерах причинять невероятные страдания.

Конфигурация тисков разнообразна, но принцип действия у всех был одинаков: ими сдавливали, а если человек упорствовал, расплющивали фаланги пальцев. При этом инквизиторы такую пытку считали «безопасной», так как угрозы жизни последственному она не несла и даже, по меркам Средневековья, не доставляла непоправимого вреда его здоровью. К тому же полагалось, чтобы после пытки врач обрабатывал раны.

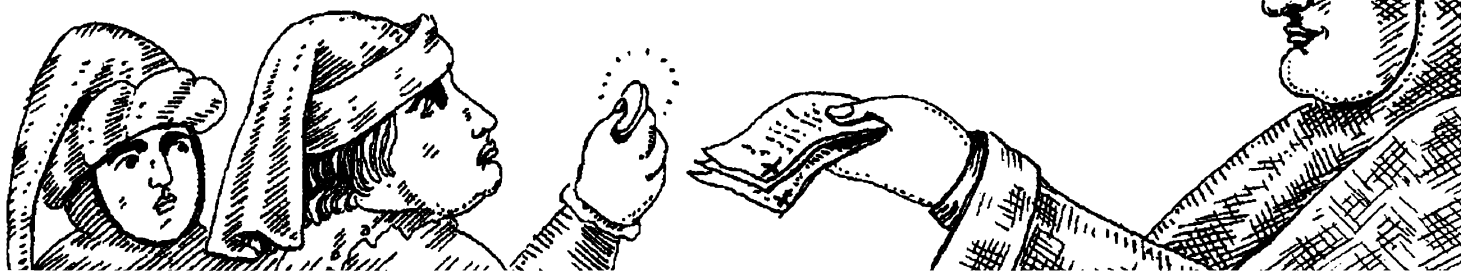
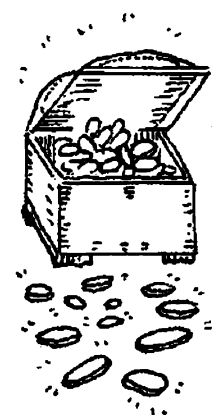
Еще одна цитата из романа Бернарда Корнуэлла:

«А Томаса тем временем перевернули на обожженный живот и, дабы пытка продолжалась без перерыва, засунули костяшки пальцев его левой руки в зажим лежащего на столе инструмента, назначения которого он поначалу не понял. Зато теперь все было ясно: это пыточные тиски.

Де Тайллебур закрутил винт. Томас заорал снова и потерял сознание, но брат Кайлюс быстро привел его в чувство, облив холодной водой.

— Кто такой Ахалиин? — повторил де Тайллебур...

— Я не знаю! — простонал он и взмолился, чтобы инквизитор поверил ему, но боль нахлынула снова.

Самыми лучшими, за исключением полного забытья, были моменты, когда Томас пребывал на грани потери сознания: тогда казалось, что боль — это всего лишь сон. Дурной, страшный, но все же сон. И хуже всего бывало, когда он сознавал, что все происходит наяву, что его жизнь свелась к сплошным мукам, к одному лишь страданию, и сейчас де Тайллебур причинит ему еще более страшную боль, закручивая винт, чтобы расплющить палец, либо прижигая его плоть каленым железом.

— Ответь мне, Томас, — мягко обратился к нему доминиканец, — только ответь, и боль сразу прекратится. Ну пожалуйста, Томас. Или ты думаешь, что я получаю удовольствие от всего этого? Во имя Господа, я ненавижу пытки, поэтому, пожалуйста, ответь...»

Тиски для ступней

Для ног существовала особая разновидность тисков. Такие тиски, как сообщает Брайан Лейн в «Энциклопедии пыток и казней», «были сделаны по принципу пресса, используемого книжными переплетчиками, и действовали тем же образом, что и тиски для пальцев. Часто нижняя часть тисков имела шипы, а в одном варианте — длинный шип в верхней части, который при закручивании винта пронзал ступню насквозь».

Клещи

Во время особо яростных допросов прибегали к клещам, которыми попросту откусывали фаланги пальцы.

Описание этой боли может понять разве что тот, кому хоть раз доводилось получать тяжелые переломы. Но в данном случае страшная боль дополняется не менее страшным психологическим эффектом — человек видит, как часть пальца отделяется от руки (если от страха не теряет в этот момент сознание).

Иногда клещами вырывали куски плоти из тела арестанта. Раны тут же прижигали, чтобы не допустить обильного кровотечения; поэтому, можно сказать, пытка клещами пришивала к себе еще и пытку каленым железом.

Кобыла и «колыбель Иуды»

Кобыла

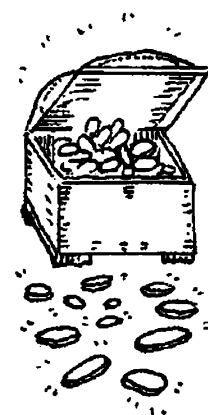
Пыточный агрегат кобыла получил наибольшее распространение в испанских допросных (поэтому его часто называют «испанским конем» или «испанским ослом»), однако он использовался и в других странах.

Кобыла представляла собой изготовленную из металла и/или древесины вытянутую треугольную призму на специальных подставках, которые были такой высоты, чтобы ноги человека, посаженного на кобылу верхом, не только не доставали до пола, но и оставались хотя бы в полуметре от него — это необходимо было для подвешивания к ним груза.

Чаще всего кобылой пытали женщин, обвиненных в ереси (или же в колдовстве в период расцвета охоты на ведьм). Главным объектом этой унижительной пытки были половые органы.

Посаженная на кобылу со связанными за спиной руками обнаженная арестантка сразу же начинала испытывать резкую боль в промежности, и эта боль нарастала по мере того, как к ее ногам привязывали все больший груз. Поначалу она пыталась сопротивляться. Тело дергалось из стороны в сторону в попытках соскочить с кобылы, но конструкция этого не позволяла, а движения только усиливали боль и глубже насаживали несчастную на острое ребро, которое сначала вдавливалось, а потом уже врезалось, разрывая плоть, в промежность.

Быстро начиналось кровотечение, боль сопровождалась паникой и от этого только усиливалась. Через какое-то время, если, конечно, арестантка не сознавалась в том, чего от нее добивались, она впадала в некое подобие транса, в какой может впасть, к примеру, роженица, будто бы отводя боль на дальний план сознания. В таком состоянии она могла провести некоторое время — редко продолжительное. Однако терпение кончалось даже при таком психическом побеге от боли. Сознание начинало постепенно возвращаться к болевым ощущениям и воспринимать их после перерыва еще

острее, что вынуждало женщину неистово подпрыгивать на кобыле в надежде ускорить свою смерть, чтобы больше не выносить этой боли.

Нередко пытка кобылой заканчивались разрывом промежности, обильными кровопотерями, а то и переломом крестца. Травмы после этой пытки были крайне тяжелыми и часто приводили к мучительной смерти жертвы. Фактически женщину разрывало пополам. Если же она выживала, то на всю жизнь оставалась калекой.

«Колыбель Иуды»

Этот пыточный агрегат также наиболее широко применяли испанские инквизиторы. Собственно, и изобрел его испанец Ипполито Марсили.

«Колыбель Иуды» представляла собой деревянную пирамиду, стоявшую на высокой подставке. Как и кобыла, она возвышалась над полом так, чтобы ноги арестанта не могли достать до пола. Пытали «колыбелью Иуды» как мужчин, так и женщин.

На веревках обнаженного арестанта подвешивали над пирамидой, а затем резко опускали так, чтобы ее вершина врезалась ему в анальное отверстие (или, в случае женщин, во влагалище, как и в конструкции кобылы). Очень часто жертва сразу теряла сознание, тогда ее приводили в чувство и все повторялось снова, и так несколько раз, причем с каждым разом собственный вес заставлял ее все глубже насаживаться на пирамиду. Экзекуция сопровождалась глубоким чувством унижения, и это лишь усиливало ее эффект.

Как и в случае с кобылой, для усиления страданий к ногам жертвы часть подвешивали груз.

Выдержать такую пытку долго могли единицы. Таких иногда оставляли на пыточном агрегате на целую ночь; это называлось «ночным бдением».

Как ни парадоксально, «колыбель Иуды» считалась достаточно гуманным пыточным орудием, поскольку не причиняло увечий костям. Но мало кто оставался живым, если подвергался этой пытке относительно долго.

Дыба

Это едва ли не самое известное пыточное устройство; во Франции дыбу называли станком пыток (*banc de tortute*). Существует множество вариантов дыбы, но принцип действия у всех один и тот же.

«Профессиональная» модификация

Классическая дыба представляла собой деревянный стол с валиками на концах, к которым привязывались веревки, удерживающие запястья и лодыжки жертвы. Вращались валики с помощью рычагов. При вращении веревки тянулись в противоположных направлениях, растягивая тело. Причем в момент резкого послабления веревок человек испытывал столь же сильную боль, как и в момент их натяжения.

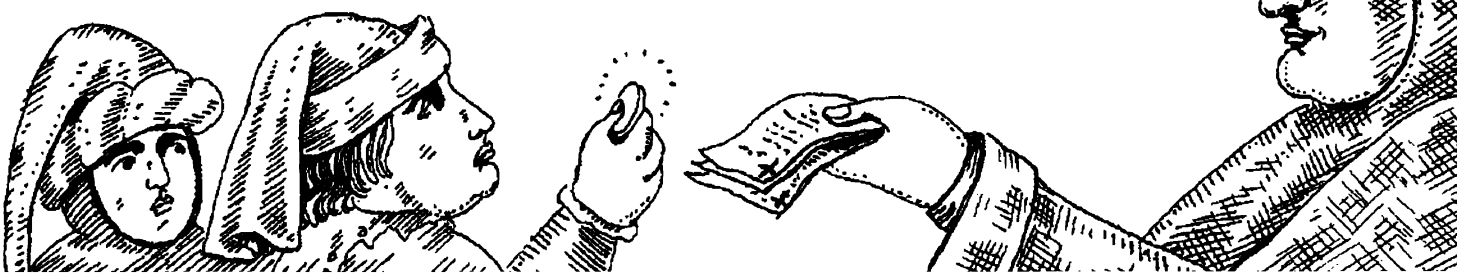
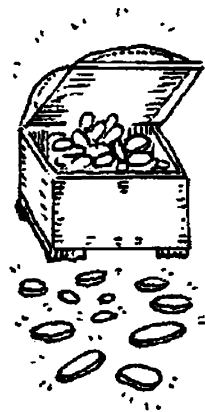
Иногда дыба где-нибудь посередине снабжалась специальными шипованными валиками, раздиравшими при протягивании спину жертвы и порой вырезавшими целые полосы кожи и мяса. На особом инквизиционном жаргоне такие валики назывались «шпигованными зайцами», что пошло от специального кулинарного валика, делавшего отверстия на мясе для вставки кусочков жира или пряностей перед жаркой.

Дыба рвала сухожилия, выворачивала суставы, ломала кости. После нескольких часов, проведенных на дыбе, человек, как правило, оставался до конца своих дней калекой.

Преимуществом дыбы в глазах инквизиторов было то, что боль и физический ущерб, наносимый пытаемому, можно было регулировать.

Вот описание пытки дыбы, скажем так, из первых уст. Оно принадлежит некоему Уильяму Литгоу, арестованному в 1620 году в Малаге за шпионаж и попавшему затем в застенки испанской инквизиции. Литгоу истязали на дыбе вертикальной конструкции.

«Что представляет собой пресловутая поттаро, или дыба? — вспоминал чудом уцелевший Литгоу. — Она стояла у стены и представляла собой деревянную раму, к которой крепились три вертикальные доски, в средней из них имелось отверстие для головы жертвы. По длине доски были выше роста

человека, а скреплены так, чтобы между ними уместилось человеческое тело. В боковых досках имелись отверстия, назначение которых прояснилось, когда палач взялся за дело.

Сначала он перевязал веревкой мою ногу, затем бедро и, наконец, руку. То же он сделал с другой стороны. Затем он пропустил концы в отверстия в боковых досках и закрепил их на шпингалетах, вращающихся при помощи рычага. Затем каждая из этих частей моего тела получила свою долю мучений по отдельности, когда палач поворачивал рычаг. Делал он это три раза для каждой из них, и в конечном счете на каждую пришлось по 21 повороту рычага...

Они истязали меня 6 часов, с четырех часов пополудни до 10 часов вечера, пока не переломали мои кости и пока я не истек кровью. Все это время, к ужасу моему, я пребывал в сознании, орал, кричал, выл, плакал, стонал и скрежетал зубами, пока они, наконец, не ослабили веревки и не высвободили мое тело»*.

Примитивный вариант

«Базовая комплектация» дыбы и вовсе не требует никаких специальных приспособлений, кроме веревки и перекладины.

Работает это очень просто. Длинной веревкой арестанту связывают руки за спиной. Свободный конец веревки перебрасывают через блок или перекладину, укрепленную под самым потолком допросной комнаты. Палач тянет веревку вниз, и связанные руки арестанта поднимаются все выше и выше. Через какое-то время они поднимаются над головой. Палач поднатуживается и поднимает арестанта вверх, отрывая его тело от пола и окончательно выкручивая суставы. Несчастный испытывает жгучую, рвущую, резкую боль, буквально ощущая, что ему отрывают руки.

Но на этом пытка не кончается: палач резко отпускает веревку, и человек падает вниз, ударяясь о каменные плиты пола. Опускающиеся по инерции руки доставляют ему очередную порцию нестерпимой боли в травмированных суставах.

* Цит. по: Лейн Б. Энциклопедии пыток и казней.

Для усиления страданий к ногам висящей под потолком жертвы привязывался дополнительный груз. Иногда, пока арестант висел, ему перебивали колени и только после этого отпускали веревку. Можно ли себе вообразить, какую чудовищную боль он испытывал, падая на пол?!

Вынесение приговора

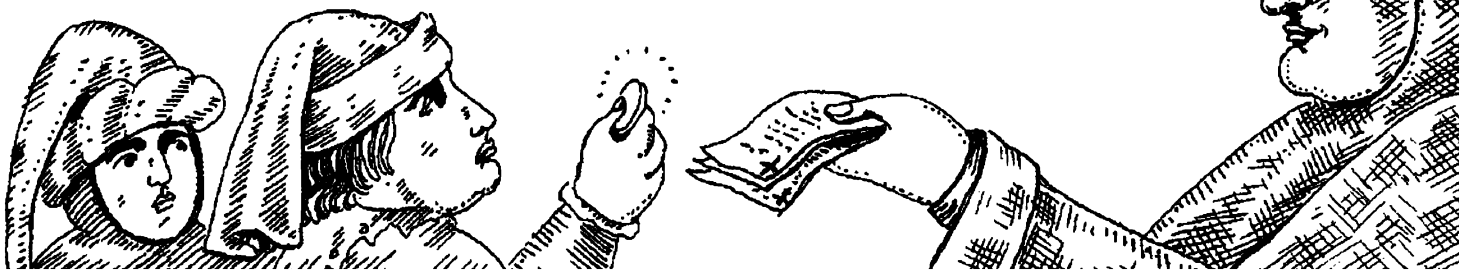
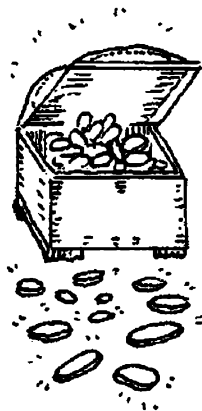
Но пытками страдания арестанта, как известно, не заканчивались. В любом случае его ждал приговор.

Арестант мог «во всем» сознаться инквизитору еще на словесном допросе, мог дойти до подвала, увидеть пыточные агрегаты и сдаться в этот момент. Мог выдержать первую пытку и сломаться после нее. Мог сломаться после целой серии истязаний. Мог умереть в процессе. Мог не умереть и не сломаться, несмотря на все усилия дознавателей. А мог признать себя еретиком, но отказаться каяться и отрекаться от ереси. Встречались и такие, кто желал мученической смерти на костре (sic!).

Так или иначе, если обвиняемый в итоге сознавался в содеянном и соглашался на сотрудничество с инквизицией — отказ от любой ереси и покаяние были в этом случае обязательными условиями, — то ему назначали наказание в виде епитимьи, которая могла варьироваться в зависимости от тяжести его преступления.

Если же отречься от ереси он отказывался, инквизиционный трибунал должен был вынести приговор. Для начала еретика отлучали от церкви*, а имущество его конфисковали — начиная с недвижимости и заканчивая личными веща-

* Хотя вопроса отлучения от церкви мы уже касались, следует отметить еще один интересный феномен. Даже люди, сознательно исповедующие ересь, могли испытать приступ отчаяния на процедуре отлучения от церкви — возможно, ощущая ее как *настоящее* проклятье. Инквизиторы знали это и надеялись, что, возможно, еретик все же раскается, ощутив, что почва уходит у него из-под ног. Раскаяния они вообще ждали до последнего и могли даже приказать погасить ради этого уже разожженный костер.

ми. Французский историк религии Е. Вакандар приводит послание папы Иннокентия III, адресованное в 1199 году судьям города Витебро: «Светские законы наказывают предателей конфискацией собственности и смертью, из милосердия они щадят их детей. Тем более мы должны отлучать от церкви и конфисковать собственность тех, кто является предателями веры Иисуса Христа; ибо куда более великий грех нанесение оскорбления божественному величию, чем величию суверена».

Отлучение провозглашалось инквизитором в присутствии епископа; иногда это делал сам епископ. Если отлучаемый прежде имел духовный сан, перед обрядом отлучения от церкви он проходил через процедуру низложения, то есть лишения сана. После отлучения его ждало либо длительное (вплоть до пожизненного) тюремное заключение, либо передача светским властям, что означало смертную казнь.

Мог ли обвиняемый в процессе следствия обзавестись, скажем, защитником? Формально — да. Некоторые инквизиционные отделения даже самостоятельно назначали защитников*. То, насколько действенной могла оказаться такая защита на практике, почти не нуждается в комментариях, учитывая, что защитник ходил по тонкому льду и рисковал также подвергнуться обвинению в ереси. Поэтому единственное, что мог, по сути, делать добросовестный защитник, это, всячески демонстрируя свою готовность бороться с ересью, пытаться хотя бы немного смягчить положение обвиняемого.

Откуда брались адвокаты? Они, да не покажется это странным, также являлись сотрудниками Святого Официума. Во время следствия они фактически выступали в роли «хороших полицейских». То есть надежды на защитника не было никакой. Если виновность человека объявлялась доказанной, защитник с чувством исполненного долга заканчивал свое участие в процессе — ведь защищать он должен был только невиновного; еретику же защита не полагалась, и он всецело отдавался на волю следователя.

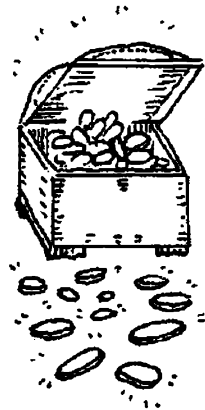
* Например, в Испании назначение защитника было обязательным условием, и инквизиция никогда его не нарушала.

Вот что говорит о таких «адвокатах от инквизиции» иезуит Б. Льорка: «Вполне понятно, что, будучи казенным адвокатом, принадлежа по существу к числу сотрудников инквизиции, защитник действовал, исходя из тех же принципов, которыми руководствовался и св. трибунал, хотя и представлял интересы обвиняемого и использовал все, что могло бы облегчить его участь. Таким образом, как только выяснялась виновность преступника, адвокат прекращал его защиту, ибо в конце концов его целью, как и инквизиторов, было преследование ереси. Кроме того и именно по той же причине, одним из первых его советов обвиняемому было дать правдивые показания, признаться в ереси, в которой его обвиняли».

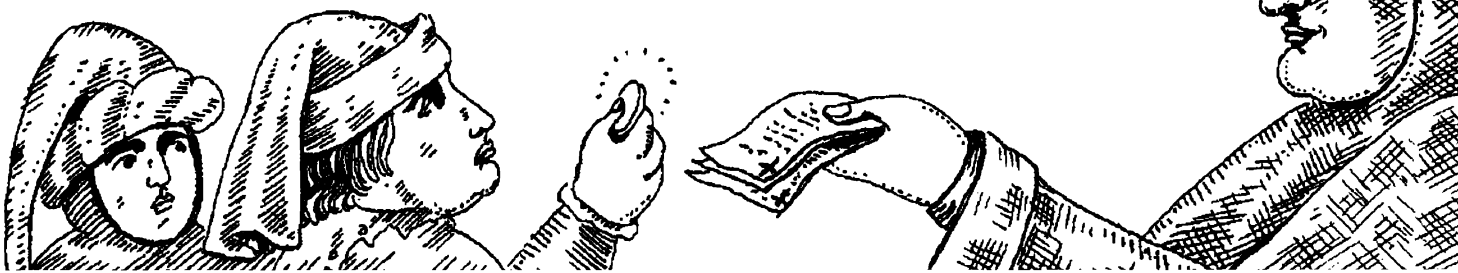
Получая обвинительный приговор, человек лишался возможности оправдаться. И даже если после этого он в отчаяние кончал жизнь самоубийством, это всегда расценивалось как признание вины и стремление уйти от заслуженной кары. В общем, даже смерть не считалась уважительной причиной, чтобы избежать наказания инквизиции.

Но бывало и так, что выносились оправдательные приговоры. Правда, Святой Официум, бывший, когда дело доходило до обвинительных приговоров, весьма красноречив, оправдательные по понятным причинам не любил и избегал даже слова «оправдан». Как правило, обходились формулой «обвинение не доказано»; таким образом, не исключалась возможность доказать его в будущем.

Оправдание вовсе не означало, что человек отныне свободен во всех отношениях и может жить спокойной жизнью. Получившего оправдательный приговор могли выпустить на свободу под залог (но могли и еще подержать в тюрьме), обязав каждый день отмечаться в инквизиции, и не факт, что, войдя однажды, дабы отметиться, в инквизиционное отделение, он не узнает, что против него выдвинуты новые обвинения. В любом случае «оправданный еретик» на всю оставшуюся жизнь оставался под подозрением, и прежде всего за такими людьми вели тайную слежку соглядатаи инквизиции.

Итак, с наказаниями для тех, кто отказался покаяться, мы разобрались: пожизненное заключение плюс конфискация

имущества либо смертная казнь плюс все та же конфискация имущества — и минимальный шанс на то, что не подвергнут пыткам и оправдают.

А что с теми, кто покаялся в преступлении? Здесь вариантов было больше.

Епитимьи могли принимать различную форму, причем часто наказания накладывались в тех или иных комбинациях. Обычно это были:

- чтение молитв (то есть молитв было больше, чем обычно; иногда на них отводилась бóльшая часть суток);
- длительный пост;
- принудительные пожертвования на богоугодные дела (иногда на пожертвование уходила значительная часть состояния человека);
- паломничество к святым местам или посещение храмов;
- принудительное участие в крестовых походах (в XIII веке)*.

Епитимьи могли сопровождаться (и чаще всего сопровождалась) дополнительными условиями, вроде ношения позорного знака — большой нашивки в виде креста шафранового цвета. Носить их было необходимо постоянно: дома, на улице — где угодно и в течение продолжительного времени, иногда всю жизнь, заменяя их новыми, если они приходили в ветхость. Тяжесть такого условия заключалась в том, что люди, носившие эти знаки, становились объектами постоянных издевательств со стороны обывателей.

Служители инквизиции, как и священники, на проповедях призывали людей относиться к осужденным с кротостью и сожалением, однако многие могли полагать такое отношение к бывшим еретикам опасным для себя и ни кротости, ни сожаления не демонстрировали. Впрочем, сказать о том, что такая реакция встречала противодействие инквизиции, нельзя.

Другим публичным наказанием (оно могло быть дополнением к епитимье, или, наоборот, епитимья была дополне-

* От этого вида епитимьи быстро отказались, опасаясь, что в походных условиях, без надлежащего контроля со стороны инквизиции бывшие еретики могут впасть в заблуждения снова, да еще и распространить их на крестоносцев.

нием к нему — тут зависит, с какой стороны подойти) было публичное бичевание. «Осужденного, обнаженного по пояс, бичевал священник при всем честном народе в церкви во время богослужения; его бичевали во время религиозных процессий; раз в месяц он должен был ходить после обедни полуобнаженным в дома, где “грешил”, то есть встречался с еретиками, и получать там удары розгой» (И. Р. Григулевич).

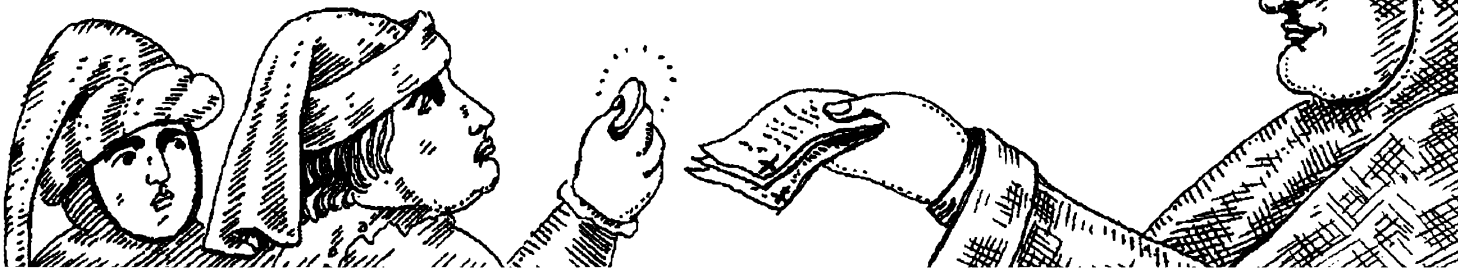
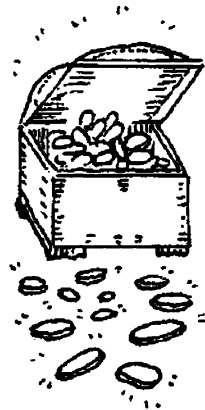
Некоторых раскаявшихся приговаривали к тюремному заключению. По И. Р. Григулевичу и английскому историку А. Мейкоку, это могло быть:

- заключение в простой тюрьме (*murus largus*), при котором людей содержали в общих камерах без кандалов;
- заключение в каторжной тюрьме (*murus strictus*), при котором людей содержали в одиночной камере и в кандалах;
- строгое тюремное заключение (*murus strictus durus arctus*), при котором людей содержали в одиночной камере в ножных кандалах и иногда на цепи.

Примечательный факт: условия тюремного заключения историки описывают совершенно по-разному. Собственно, мы уже писали об этом. Но все-таки вернемся к различиям еще раз.

И. Р. Григулевич: «Во всех случаях (курсив мой. — Н. М.) заключенные получали в качестве еды только хлеб и воду. Постелью им служила охапка соломы. Узникам запрещались контакты с внешним миром. Эймерик* считал, что заключенных могут навещать только ревностные католики, но не женщины и простые люди, ибо осужденные склонны возвращаться к ереси и легко “заражают” ею других. Узник инквизиции, разумеется, мог, если располагал скрытыми от нее средствами, подкупить тюремщиков и обеспечить себе таким образом некоторые поблажки и льготы. Но это сравнительно редко удавалось, так как инквизиторы, зная продажность тюремщиков, зорко наблюдали за ними и сурово наказывали уличенных в недозволенных связях с узниками».

* Николас Эймерик (Nicolas Eymeric; 1320—1399) — доминиканский монах. Будучи главным инквизитором Арагонского королевства, преследовал еретиков с особым рвением. Автор знаменитого «Руководства для инквизиторов».

А. Мейкок (о «*murus largus*»): «Обычно узники обладали относительной свободой в пределах здания тюрьмы. Похоже, что они жили более или менее общественной жизнью, вместе ели, регулярно виделись. Фактически тюремная жизнь напоминала монашескую. Эймерик указывает, что по общепринятой практике друзья-католики могли навещать заключенных. А женам и мужьям разрешали жить вместе, если они оба сидели в тюрьме. Еду, деньги, вино и одежду им могли доставлять со свободы. Ли пишет, что “документы так часто указывают на подобную практику, что ее можно считать установившимся обычаем”».

А. Мейкок (о «*murus strictus*»): «Это была камера-одиночка; кормили исключительно хлебом и водой. Иногда узника приковывали цепями к стене и надевали на него кандалы. Навещать его дозволялось лишь инквизитору и епископу. Однако в 1351 году, по просьбе генерального викария Тулузы, король Иоанн II приказал, чтобы дважды в месяц узники имели возможность отдохнуть и поговорить с друзьями».

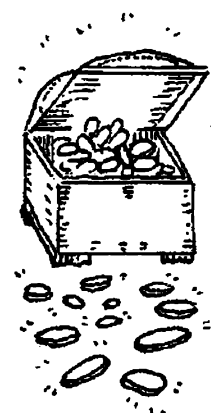
А. Мейкок также добавляет: «Меньше всего Святая палата хотела, чтобы все кающиеся грешники погибали в тюрьме от нужд и лишений. “Надо быть осторожным, — заявил один из представителей власти, поражая шаткостью своей позиции, — а то как бы суровая тюремная дисциплина не довела до смерти осужденных... потому что в этом случае судей, которые вынесли этот приговор, обвинят в неспособности вынести правильный приговор”. Таким образом, даже если инквизитор был настоящим монстром, он не мог спокойно относиться... к смерти осужденного им еретика. Даже если мы согласимся с мнением оппонентов, которые выставляют всех инквизиторов только в черном свете и выставляют их как людей, глухих к голосу справедливости и ничего не знающих о порядочности, то нам придется признать, что следить за нормальным состоянием тюрем было в интересах инквизитора».

В целом инквизитор действовал, ориентируясь на свои собственные представления о каре, справедливости и правосудии, так как четкое, строгое, единое законодательство фактически отсутствовало. Он мог по собственному разумению

в известных пределах смягчить или ужесточить наказание, вынесенное по приговору, как мог и возобновить следствие, если находил какие-то новые улики по делу. Какие-либо смягчающие обстоятельства он также мог учесть — так, согласно установлениям римской курии, в случае незначительного преступления могла быть облегчена участь единственного кормильца в семье! — однако историки отмечают, что это происходило очень редко. К тому же церковные соборы только и делали, что настраивали инквизицию действовать как можно жестче. Например, Нарбоннский собор (1244), наоборот, указывал инквизиторам, что они «не должны мужа щадить ради жены, жену — ради мужа, отца — ради детей, единственным кормильцем которых он был».

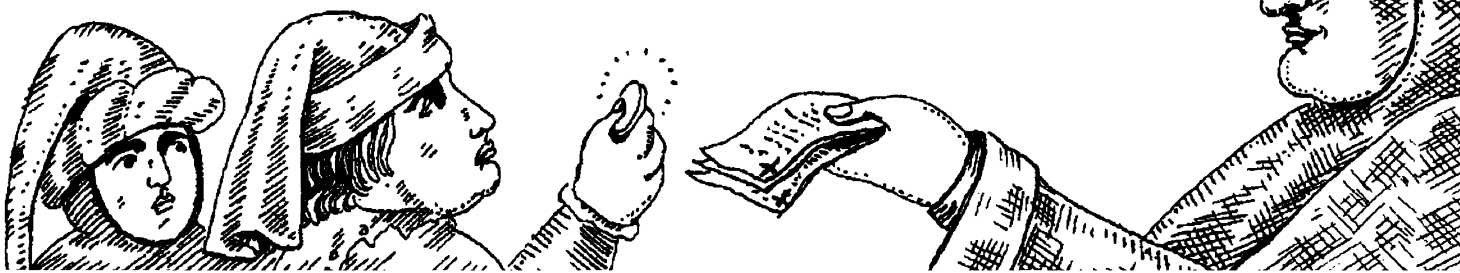
Тем не менее с инквизиторами так или иначе можно было договориться. Случалось, что взамен за полезные услуги служители Святого Официума выпускали своих осужденных на свободу. Свобода, разумеется, была очень условная — она напоминала жизнь пса, которого в любой момент можно было дернуть за цепь, и все же подобные случаи имели место и не были такой уж фантастической редкостью. Бывшего еретика предупреждали, что при первом же подозрении за ним тут же вновь явится инквизиция и наказывать его будут уже безо всякого суда и следствия* — ведь единожды его вина уже была доказана.

Конфискация имущества содержала в себе интересный момент, который не обходит своим вниманием ни один исследователь инквизиции: это дела против умерших. Уже говорилось, что в случае смерти подозреваемого в ереси следствие не прекращалось. Но бывало и такое, что следствие после смерти подозреваемого только начиналось, причем, когда человек умер — вчера или много лет назад, не играло особой роли.

Целью в данном случае была конфискация имущества еретика. Напомним еще раз: инквизиция не имела постоянного финансирования и вынуждена была искать источники дохода самостоятельно. Поэтому дела против умерших ере-

* Такие указания дал инквизиторам еще Иннокентий IV в 1247 году.

тиков были превращены ею в неиссякаемую золотую жилу. Надо признать, что инквизиция была смела, дерзка и в своей изобретательности до гениальности проста. «Она могла обвинить в ереси не только недавно, но и давно — сто или двести лет тому назад — умершего человека. Основанием для дела могло послужить заявление любого фискала или сфабрикованный с этой целью “обличительный” документ. В подобных случаях выносился приговор: останки еретика сжечь и пепел развеять по ветру, имущество же изъять у наследников и конфисковать» (И.Р. Григулевич).

Впрочем, нельзя не отметить, что конфискованное имущество (особенно, если рассматривать Францию) отходило не только инквизиции. На деятельность Святого Официума во Франции существенное влияние оказывала светская власть, и этим влиянием она пользовалась отнюдь не бескорыстно, претендуя на свою долю от конфискованного имущества еретика. Причем заинтересованы в добыче инквизиции были все — от короля до городских властей, что приводило к серьезным злоупотреблениям. Ибо одно дело было обирать законопослушных граждан и совсем другое — еретиков, богомерзких преступников, наживших свое состояние, вполне вероятно, с помощью колдовства...

Относительно жадности инквизиции Г.Ч. Ли пишет следующее: «Конечно, было бы несправедливым говорить, что скупость и жажда к грабежу были главными двигателями инквизиции, но нельзя отрицать, что эти низкие страсти играли видную роль... Все, занимавшиеся преследованием, всегда имели в виду материальную выгоду. Не заинтересованная материально, инквизиция не пережила бы первой вспышки фанатизма, породившего ее; она могла бы существовать только в течение одного поколения, а затем исчезла бы и возродилась бы снова с возрождением ереси...»

Стоит обратить внимание и на то, какой силой наделялся приговор инквизиции. Он считался окончательным и обжалованию не подлежал — изменить его мог разве что сам инквизитор. Правда, осужденный мог обратиться к папе римскому с просьбой о помиловании и пересмотре дела, и некоторые так и делали. Но далеко не все. Многие, как

ни странно, опасались обращаться к высшей инстанции, так как считали, что папский престол окажется на стороне инквизиции и наказание им будет ужесточено и, кроме того, набравший обороты гнев Святого Официума обрушится на их родственников.

Таким образом, для большинства людей приговор инквизиции становился клеймом на всю оставшуюся жизнь — иногда, если приговор был смертным, очень короткую.

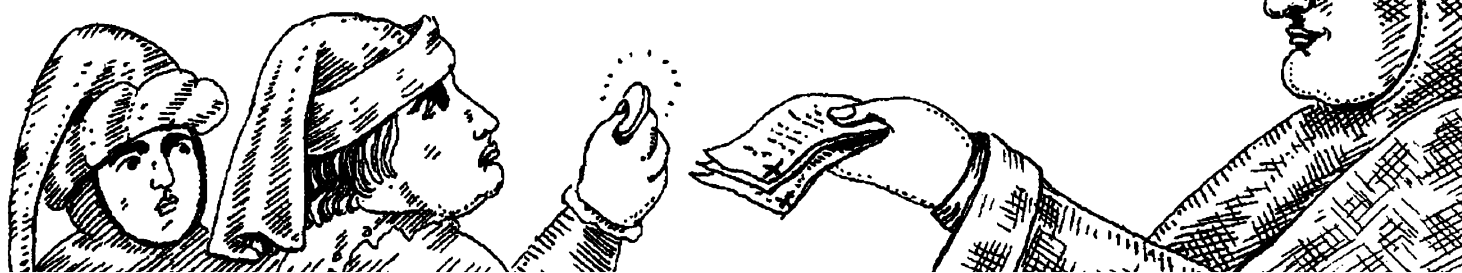
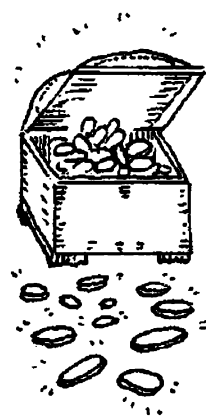
Аутодафе

Зачастую историки описывают аутодафе и казнь как единое действие, и это неслучайно — в конце концов именно после аутодафе казнь и исполнялась. Однако надо понимать, что казнь не была частью аутодафе.

Термин «аутодафе» имеет португальские корни (*auto da fé*) и в дословном переводе означает «акт веры». Во Франции, о которой мы ведем речь, эту религиозную церемонию называли иначе — *sermo generalis*, что дословно переводится как «общее слово».

Но в любом случае, как эту церемонию ни называть, суть у нее одна — это торжественная акция, включавшая в себя процессии, богослужение, выступление проповедников, зачитывание приговора обвиняемым и публичное покаяние осужденных еретиков при большом скоплении людей. Как правило, ее приурочивали к важному событию в жизни страны или какой-либо местности. Таковыми считались свадьба или рождение ребенка в королевской семье, праздник, посвященный святому, иногда проезд важного лица, назначение нового инквизитора и т. д.

Вопреки расхожему мнению, даже передачу еретиков светской власти для казни эта церемония в себя включала далеко не всегда. Если рассматривать, к примеру, деятельность Бернара Ги, то за долгие годы работы в Тулузе он председательствовал на восемнадцати *sermo generalis*, и на семи из них самым серьезным наказанием было тюремное заключение, и, следовательно, еретиков светским властям не передавали.

Однако *sermo generalis*, после которых приводились в исполнение смертные приговоры осужденным еретикам, также были частой практикой.

Правда, понятие «частой практики» тут следует пояснить. *Sermo generalis* редко когда проводились чаще одного раза в год. Общего правила не существовало. В каждом городе и при каждом инквизиторе церемония приобретала свой окрас, и даже место проведения не было четко определено. Так, например, наделенная мрачным чувством юмора инквизиция Памье проводила ее прямо на кладбище. Иногда *sermo generalis* проводились на территории монастырей или на городских площадях. Бернар Ги устраивал церемонии в соборе Св. Стефана в Тулузе.

Но одна тенденция прослеживается четко: на аутодафе стремились собрать как можно больше народу. Впрочем, специально сгонять людей не приходилось: многие воспринимали свое присутствие на таких церемониях и как исполнение долга, и как развлечение одновременно. Причем это касается как знати, так и простонародья. В 1420 году во французском городе Аррасе *sermo generalis* даже пришлось прервать из-за обрушения помоста, на котором сидела знать, — он не выдержал скопления людей, пришедших поглазеть на казнь.

Как правило, церемония начиналась утром. В отведенном для нее месте воздвигалось два деревянных помоста. В назначенный час к ним, уже окруженным толпой, являлась процессия, которую возглавляли епископ и прочие священнослужители города. Здесь же, разумеется, был инквизитор со своими помощниками. Следом двигалась городская знать и представители светской власти. Еретиков вели в сопровождении вооруженной охраны — впереди шли осужденные к менее строгим наказаниям, за ними — к более суровым. Шествие сопровождалось пением псалмов.

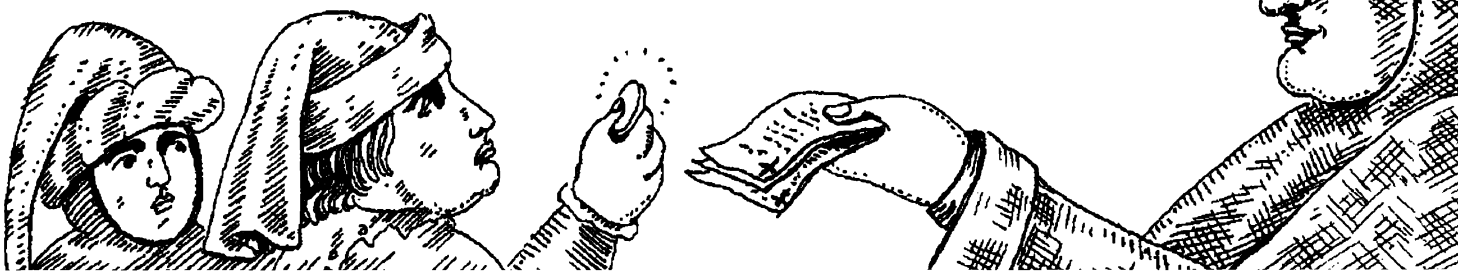
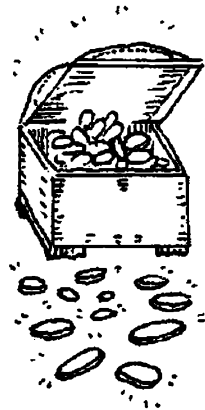
Священнослужители и знать занимали место на одном помосте, на другом собирали еретиков, которым предстояло в конце церемонии выслушать приговор инквизиции. Делалось все, чтобы еретики в этот момент не были похожи на мучеников: их мыли, стригли, одевали в чистую одежду,

накануне хорошо кормили и давали вина. Городская стража следила, чтобы толпа зевак не навредила им (желающие расправиться с вероотступниками находились довольно часто), но никто не запрещал людям выкрикивать проклятия, требовать от еретиков покаяния и вообще обличать ересь как таковую. «Родственники» инквизиции обыкновенно проявляли в этих выкриках наибольшее рвение.

Далее начиналось богослужение, которое проводил инквизитор. Впрочем, богослужением в чистом виде это назвать нельзя; скорее это была краткая проповедь, в которой осуждалась еретическая скверна и упоминались еретики, собранные на площади. В завершение проповеди инквизитор грозил отлучением от церкви всем, кто дерзнет воспротивиться деятельности Святого Официума. Далее выступали представители городской знати, а также сенешали, судебные приставы, магистраты и прочие должностные лица — все они клялись в верности церкви, обязывались преследовать еретиков и оказывать инквизиции всевозможную поддержку.

Лишь после того, как все речи были произнесены, внимание собравшихся переключалось на еретиков. Судя по исследованиям А. Мейкока, им заранее, за несколько дней до церемонии, сообщали о самом строгом варианте приговора. Тонкость состояла в том, что некоторым из них приговоры на *sermo generalis* иногда объявлялись более мягкие, а кое-кого из раскаявшихся вовсе отпускали на свободу. Почти всегда это воспринималось и толпой, собравшейся на аутодафе, и самими осужденными как проявление настоящей христианской доброты. «Так, на аутодафе, проводимом 30 сентября 1319 года, — пишет А. Мейкок в своей “Истории инквизиции”, — Бернар Ги выпустил из тюрьмы пятьдесят семь человек и освободил тридцать от наказания в виде ношения крестов. Третьего и четвертого июля 1322 года он выпустил из тюрьмы одного человека и одиннадцати отменил наказание в виде ношения крестов».

Приговоры зачитывал нотариус в порядке наращивания строгости. Если на *sermo generalis* присутствовали еретики, впавшие в ересь повторно, или еретики, отказавшиеся по-

каяться даже после признания своего преступления*, их чаще всего передавали светской власти, и та приговаривала их к казни через сожжение на костре или к пожизненному строгому тюремному заключению.

Приговор читали сначала на латыни, затем — на местном языке. В нем коротко перечислялись совершенные еретиком преступления и объявлялось наказание. Осужденные на тюремное заключение уходили в сопровождении городской стражи, а приговоренных к смерти отводили к месту казни.

Как правило, казнь редко происходила на том же месте, что и *sermo generalis*. Для этого обычно использовалась соседняя площадь, куда после церемонии торжественно переходили церковные и светские нотабли и горожане.

Казнь через сожжение

Итак, *sermo generalis*, или *auto da fé*, закончено, настал черед исполнить приговор, вынесенный смертникам. Тут заметим, что инквизиция, передавая еретиков светским властям, призывала тех быть милостивыми. Обыкновенно использовали форму: «Мы отпускаем тебя, имярек, с нашего церковного форума и передаем тебя в руки светских властей. Но мы умоляем светский суд вынести приговор таким образом, чтобы избежать кровопролития или угрозы смерти».

Слова эти носили характер проформы, потому что если бы светские власти всерьез решили бы вынести мягкий приговор или не выносить никакого, это тут же стало бы поводом для доклада понтифику и инквизиционного разбирательства. Как пишет А. Мейкок, «во всем, что касалось экзекуции, светский магистрат действовал как инструмент церкви. Еретик, переданный светской власти инквизитором, представал перед магистратом как осужденный преступник, чье преступление, заслуживающее смертной казни, было доказано».

* В эту же категорию входили люди вроде Жака де Моле, последнего магистра тамплиеров, который отказался от собственных признаний прямо на церемонии, что, по сути, обеспечило ему смертный приговор.

О втором суде, проводимом светскими властями, и речи не заходило*; больше того, магистрат иногда даже не узнавал о подробностях дела. Инквизитор говорил свое слово, так что светской власти оставалось только устроить экзекуцию».

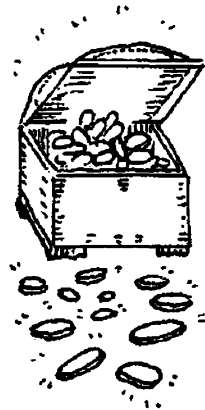
Возникает закономерный вопрос: зачем вообще нужна была такая формальность? Ведь после жестоких допросов, применяемых к арестантам, инквизиции, казалось бы, не следовало прибегать к помощи третьих лиц для исполнения приговора, с которым — пусть даже теоретически — при таком раскладе могли возникнуть сложности.

Все дело в католической доктрине «*Ecclesia non novit sanguinem*» — «Церковь не пятнается кровью». Исходя из нее, самостоятельно привести смертный приговор в исполнение служители Святого Официума не имели права. Но они вполне могли сделать это руками светских властей. Такой вот занимательный нюанс.

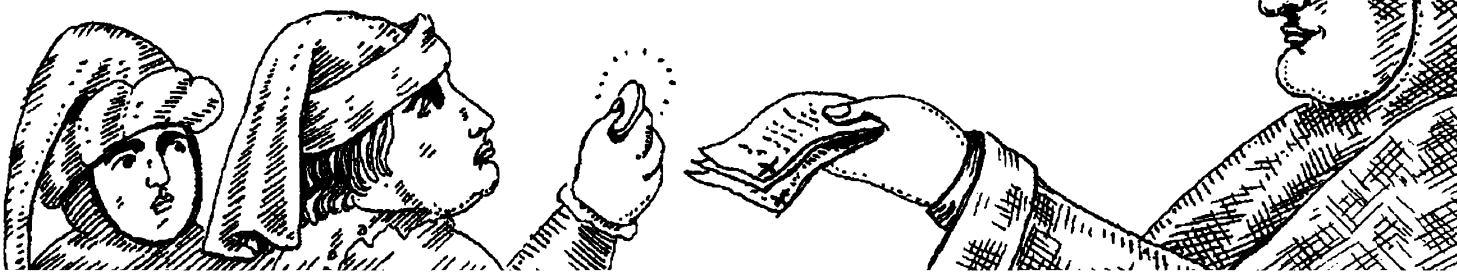
И еще один резонный вопрос: почему из всех возможных вариантов казней — именно сожжение? Ведь светские суды обычно приговаривали преступников к отсечению головы, четвертованию или повешению. Отчего же здесь все иначе?

На этот вопрос отвечает Брайан Лейн, приводя две цитаты из Ветхого и Нового Заветов: «Первая взята из книги Иисуса Навина (7:25): “И побили его все Израильтяне камнями, и сожгли их огнем, и наметали на них камни”. Вторая — из Евангелия от Иоанна (15:6): “Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают”. Очищающее свойство огня стало причиной того, что сожжение на костре считалось во всей Европе самым действенным средством борьбы с ересью».

Когда смертников переводили на площадь, где все уже было приготовлено для казни, туда же перебиралась и толпа зрителей. Здесь накануне сооружался эшафот, в центре которого обязательно стоял столб (или столбы, если готовились

* Впрочем, учитывая, что светские власти зачастую гораздо больше думали о том, как бы урвать себе кусок от имущества еретика, нежели о том, соблюдают ли они справедливость, противиться воле инквизиции они в большинстве своем не пытались.

казнить несколько человек). Дрова, иногда политые маслом, чтобы лучше горели, и солому также заготавливали заранее.

Пока смертников сопровождали к месту казни, «родственники» инквизиции и монахи, идущие рядом с ними, продолжали уговаривать их покаяться и отречься от ереси. И нередко достигали в этом успеха.

Наконец, смертников привязывали к столбам. Фиксировались зачастую руки, ноги и корпус: иногда с помощью веревок, иногда с помощью цепей — строгих правил на этот счет не существовало. После этого еретикам предоставлялся последний шанс отказаться от ереси. Покаявшимся жизнь не сохраняли, но в виде милости подвергали удушению и сжигали уже их мертвые тела, причем во времена более поздней инквизиции такая практика стала распространенной.

Тех же, кто отказывался принести покаяние, палачи сжигали живьем, и особо уважаемые прихожане (и, разумеется, «родственники») подбрасывали в пламя хворост. Иногда в костер также бросали еретическую литературу, найденную у осужденных.

Длительность мучения несчастных зависела от того, какие дрова подготовили для казни, сухие или сырые. Разница в том, что сырые дрова рождают значительно больше дыма, который поднимается густой завесой, и человек, привязанный к столбу, задыхается и умирает от отравления дымом и угарным газом раньше, чем начнет гореть заживо. На свое счастье — если тут о счастье можно говорить — он успеет ощутить только первую волну жгучей боли от ожогов, поражающих нервные окончания на коже.

Иным образом обстоит дело, когда дрова сухие. Пламенем они занимаются быстрее, а дыма рождают меньше. Пламя в этом случае более хищное, оно мгновенно перекидывается на одежду жертвы и начинает жечь тело, позволяя еретика в полной мере ощутить всю боль от ожогов и заставляя его корчиться от боли.

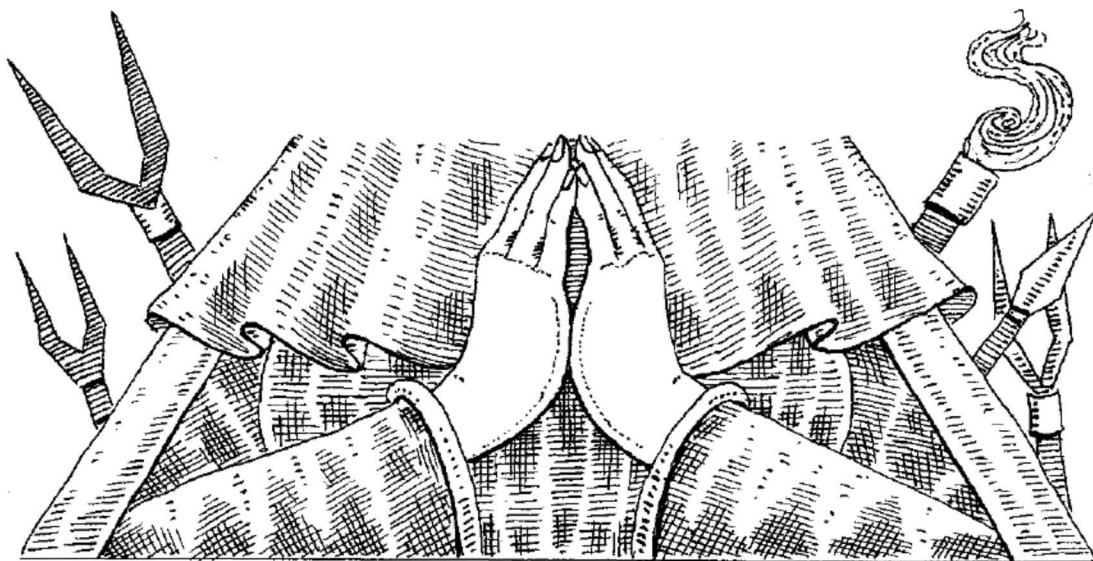
Момент, когда еретик начинал кричать и извиваться на костре, когда он превращался в живой — пока еще живой — факел, вызывал у средневековой толпы особый восторг. Некоторые, впрочем, умирали молча и стонали уже только тог-

да, когда переставали контролировать себя, в предсмертной агонии...

Костер горел еще долго после того, как еретик испускал последний вздох, и ветер разносил по городу запах сгоревшей плоти. Тело, как правило, не сгорало полностью, и толпа не расходилась, дожидаясь, когда палачи станут дробить обугленные кости и сжигать их по второму кругу.

Инквизиция твердо наказывала тщательно следить, чтобы от еретика не осталось ничего. Даже пепел собирали, чтобы потом развеять его где-нибудь над рекой или в поле. Это делалось из опасения, что последователи сожженного еретика подберут хоть какие-то его останки и будут поклоняться им, как поклоняются правоверные католики мощам святых.

Инквизиция и инквизиторы во Франции

Большинство историков, пишущих об инквизиции — в том числе французских, — рано или поздно, начав описывать причины возникновения инквизиции и начало ее деятельности во Франции, плавно переходят к тому, как обстояли дела по другую сторону Пиренеев, в Испании. Возможно, потому что кажется странным писать об инквизиции и не упомянуть Томаса де Торквемаду. Без его имени книга об инквизиции кажется неполной.

Однако здесь мы позволим себе обойти стороной деятельность испанской Супремы. Подробности ее работы можно найти в описаниях И.Р. Григулевича, С.Г. Лозинского, А. Арну, Т. Грина, А. Мейкока... — этот список можно продолжать и продолжать. О деятельности инквизиции в Испании сказано немало, тогда как инквизицию во Франции, где с Альбигойских войн все, собственно, и началось, историки (наши и зарубежные) вниманием не жалуют.

И это несмотря на то, что во Франции едва ли не каждый век ознаменовывался громкими делами, в которых инквизиция принимала активное участие.

В этой части книги мы попробуем хотя бы частично восполнить этот пробел и рассказать — разумеется, не претендуя на всестороннее исследование, — о деятельности французской инквизиции.

XIII век. Сто лет становления

Наша служба и опасна, и трудна

Тулузские и парижские отделения инквизиции быстро стали передовыми центрами борьбы с ересями. Задача их отчасти облегчалась тем, что еретики еще не успели понять, сколь страшную машину создал папский престол, поначалу весьма неохотно уходили в подполье и даже пытались оказывать инквизиторам вооруженное сопротивление. Вальденсы и катары, уже познавшие на себе гнев крестоносцев в период Альбигойских войн, но еще до конца не сломленные, готовы были, если придется, отстаивать свою веру самыми решительными мерами.

В 1233 году вышли две папские буллы, которые предписывали епископам оказывать инквизиторам всяческое содействие, а самих инквизиторов — наделяли почти непререкаемой властью. Это несколько улучшило условия их деятельности, но не сделало ее безопасной. В Лангедоке еретиков было невероятно много, поэтому инквизиторы Гийом Арно и Петер Селла, открывшие в 1233 году отделение в Тулузе, предпочитали бороться за веру, не покидая насиженного места. Они и без того находились в постоянном напряжении, хотя и имели довольно сильную охрану. Но в 1237 году в Лангедок явился папский легат, который выразил недовольство тем, как ведутся дела. Наделенный полномочиями выносить распоряжения от лица понтифика, он приказал, чтобы инквизиторы разъезжали по Лангедоку и особое внимание уделяли тем городам, где, по доносам, ереси укоренились наиболее крепко. Инквизиторы вынуждены были скрепя сердце подчиниться.

Правда, всерьез за еретиков взялись только в 1241 году, но зато с максимальным усердием: их хватали пачками, а кое-кого затащили на костер. Один лишь Петер Селла привел к покаянию в Каркасоне 742 человека.

Действовали инквизиторы, не стесняясь в методах. Но жестокость порождает жестокость, и в ночь с 28 на 29 мая 1242 года инквизитор Гийом Арно, его помощник Стефен де Сен-Тибери, а также бывшие с ними приор доминиканского монастыря, каноник из Тулузы, нотариус и несколько мелких служащих инквизиции были убиты еретиками в Авиньонете. Это была спланированная акция, еретиков был целый отряд, и за ними стояли влиятельные сеньоры.

Доминиканцы Тулузы воззвали к взошедшему в 1243 году на папский престол Иннокентию IV и даже стали просить его снять с них опасную обязанность, но натолкнулись на холодный отказ. Кадровая политика папского престола была проста: «Незаменимых нет. Инквизиторов убили? Назначим новых, людей хватает». Сказано — сделано, и в Тулузу на место погибшего Гийома Арно был назначен Бернар де Ко, а в помощники ему определили Жана де Сен-Пьера. Де Ко, если судить по его записям, был осторожнее и помягче своего предшественника: он не передавал еретиков светским властям для сожжения, а сажал их в тюрьму, предпочитая сохранять им жизнь.

Как бы то ни было, на юге Франции в середине XIII века инквизиторам приходилось крайне тяжело: противник был организован, он не только желал сдаваться, но и переходил в наступление.

День открытых дверей

Х.К. Цандер в книге под говорящим названием «Как святая инквизиция объявила забастовку» рассказывает о невероятном событии, произошедшем в 1249 году. Случилось то, о чем даже помыслить, казалось бы, невозможно, — инквизиция прекратила свою работу, причем «забастовал» главный центр преследования еретиков — ...святая инквизиция

в Тулузе. Вскоре после этого из солидарности с бастующими коллегами сложила полномочия инквизиция в Париже и на всей территории современной Франции. В Тулузе инквизиторы даже открыли ворота тюрьмы. Они выпустили многочисленных заключенных там еретиков, обосновывая это тем, что они не готовы преследовать даже одного-единственного вероотступника, пока не будут созданы нормальные условия для строго законной и свободной от коррупции инквизиции».

Эту ситуацию можно оценивать по-разному. Но в любом случае она лишней раз указывает на то, что сами инквизиторы ставили своей целью не террор, а именно борьбу с ересью — и многие из них вступали в эту борьбу с самыми чистыми намерениями.

Чтобы люди, чья карьера и благосостояние напрямую зависели от исполнения ими своих служебных обязанностей, решились на подобное — по сути, бунт (хотя Цандер, конечно, несколько преувеличивает), — у них должны были быть самые веские основания, а положение, в котором они оказались, поистине отчаянным. Как пишет Цандер, «с самого начала она (инквизиция. — *Н. М.*) попала в труднейшее положение. Коррупцированные местные чиновники, доселе преследовавшие вероотступников и не желавшие лишиться своих доходных мест, начали изо всех сил саботировать работу новых папских инквизиторов. Например, они отказывались использовать конфискованное имущество осужденных легальным образом, а именно для финансирования нужд самой инквизиции». То есть инквизиция во Франции осталась без средств к существованию, поскольку другого источника дохода у нее не было.

Разумеется, на ум приходит и другая трактовка происшедшего: местные чиновники мешали инквизиторам в полной мере вкушать мирские блага и удовлетворять свою жадность, и те пошли ва-банк, дабы вовлечь в дело папский престол и раз и навсегда решить вопрос в свою пользу. И эта трактовка прекрасно бы вписалась в устоявшееся мнение о сотрудниках Святого Официума, если бы не одно но. Тот же Цандер, ссылаясь на канцелярские книги тулузских домини-канцев, сообщает: «Для своих писарей новые инквизиторы

покупали сукно высшего качества, а для себя лишь грубое и дешевое сукно. Также и в продуктах питания: для кнехтов закупалось мясо и вино, для самих инквизиторов чаще всего “rotagium” — простые овощи. И хотя для инквизиторов было крайне опасно двигаться пешком по землям вероотступников, они обходились без лошадей. Одним словом, новые блюстители веры хотели быть бедными и бескорыстными, такими же бедными и бескорыстными, как сам Иисус. И такими же демократичными. Главой каждой местной инквизиции доминиканцы назначали не какого-то “великого инквизитора”, ставшего более поздним изобретением испанской инквизиции, а двух равнозначных “socii”, что значит “товарищи”, которые коллегиально принимали все решения для того, чтобы царил не произвол, а справедливость».

Но если самим инквизиторам много не требовалось, то для обеспечения работы инквизиционных трибуналов средства были необходимы. И можно понять возмущение бескорыстных монахов (допустим, что они были бескорыстны, когда доходило до борьбы с ересью), с которыми прикипевшие к кормушке чиновники не желали делиться. В протоколах тулузских доминиканцев есть записи, согласно которым они время от времени были вынуждены отпускать еретиков, так как их негде было содержать, а создалось такое положение, потому что инквизиционная тюрьма стояла недостроенной и не хватало денег, чтобы купить строительные материалы.

Возложенная папой на доминиканцев миссия по борьбе с ересью воспринималась ими (и не только ими, конечно!) как дело первостепенной важности. И немудрено, что они испытывали негодование, когда видели, что столь важную работу всячески саботируют.

Инициировав работу Святого Официума и вменив ему в обязанность блюсти чистоту веры и карать непокорных, верхушка католического духовенства, похоже, забыла о том, что этого «верного пса» надо кормить. Сложилась ситуация, которая хорошо описывается анекдотом из нашей жизни. Молодого оперативника спросили, почему он уже полгода за зарплатой не приходит, а он ответил: «Я думал, писто-

лет выдали, а дальше крутись, как хочешь». И инквизиторы первой волны крутились, как могли — прежде всего за идею, а не за деньги.

Конечно же, в инквизиции было немало людей, думавших в первую очередь о своей выгоде, однако, усматривая личный интерес в «борьбе с еретической мерзостью», они в то же время не сомневались, что творят добро — с той лишь оговоркой, что во время праведного боя не забывали что-нибудь урвать и себе.

Цандер утверждает, что тулузские инквизиторы в XIII веке «прекращали еще во время следствия девять из десяти дел, так как они находили улики и показания свидетелей ненадежными. Меньше одного процента обвиняемых в Тулузе и меньше двух процентов в Толедо были сожжены на костре — настолько добросовестно инквизиторы пытались ни в коем случае не допустить несправедливости». Сделаем, однако, тут ремарку: у инквизиторов и у тех, кого они преследовали, было разное понимание несправедливости.

Но в любом случае нельзя не отметить, что в период становления инквизиции сжигали людей относительно редко (что видно из процентного соотношения отпущенных и казненных арестантов), поскольку считали каждую казнь проигранной битвой за заблудшую душу еретика. К тому же отрекшийся от своих воззрений еретик был полезен еще и как средство контрпропаганды.

Но вернемся к «забастовке» инквизиторов, которая, если верить Цандеру, продолжалась целых шесть лет. Это, впрочем, не означает, что с 1249 по 1255 год инквизиционные трибуналы никак не функционировали. Инквизиция так или иначе продолжала работать и заваливала папу просьбами о деньгах. Понтифик, в свою очередь, выражал недовольство потоком жалоб и накладывал санкции на особо недовольных, но при этом ничего не менялось.

Не раз в это время казалось, что инквизиция близка к исчезновению, но весной 1255 года папа неожиданно пошел на уступки и дал инквизиции обширные права, в том числе в отношении способов добычи средств для своего существования, как того и требовали доминиканцы.

Штрафные взыскания от святой инквизиции

«Отбастовав» и добившись желаемого, инквизиторы принялись наверстывать упущенное. Несмотря на то что еретики время от времени брались за оружие, служащие Святого Официума твердо вели свою линию, и постепенно в сознании обывателей начал формироваться уже известный нам страх перед инквизицией. Народные массы хотя и испытывали отвращение к еретикам, с ужасом примеряли на себя епитимьи и прочие более суровые наказания, тем более что страдали от инквизиции, как выяснилось, не только еретики. Угроза доноса висела над каждым, и никто не чувствовал себя в безопасности.

Довольно быстро у добропорядочных французских католиков этот ужас приобрел иррациональные черты. Этому способствовало и то, что нельзя было выйти в город, чтобы не встретить человека с нашитыми на одежду спереди и сзади крестами цвета шафрана.

Дело в том, что в 1250-х годах ношение такого креста стало едва ли не самым частым наказанием, а кроме того крест служил дополнением ко многим епитимьям. Кем бы ни был раньше человек, с крестом на одежде он превращался в изгоя, обреченного на общественное поругание. Некоторым людям ношение позорных знаков казалось настолько тяжелой карой, что они были готовы променять его на любое другое наказание. «Так, 5 октября 1251 года инквизитор Каркасона освободил нескольких грешников от епитимьи в виде ношения крестов и вместо этого назначил им покаяние в виде паломничества» (А. Мейкок). Провинившиеся приняли это с большим облегчением, хотя паломничество почти всегда означало длительное, дорогостоящее и опасное путешествие. Но зато теперь они ничем не отличались от остальных людей и никто не показывал на них пальцем.

Правда, начиная с середины XIII века у наказанных имелась вполне легальная возможность избавиться от шафранового креста. Достаточно было выплатить штраф. Практика взимания денег с еретиков в обмен на снятие епитимьи

широко распространилась как раз после «забастовки» инквизиторов. И вообще в это время постепенно стала налаживаться целая система денежных санкций, которая, заметим справедливости ради, не касалась серьезных преступлений против веры. Но мелкие прегрешения служили инквизиции неиссякаемым источником денежных средств.

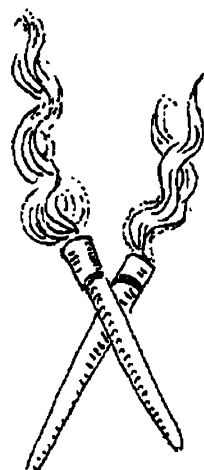
Оштрафовать могли, например, за отказ отправиться в паломничество или невыполнение по причине преклонного возраста и/или состояния здоровья любой другой епитимьи. Схема была проста: не можешь выполнить предписание инквизиции — плати штраф. Это во многих случаях устраивало обе стороны — как инквизицию, так и наказанного ею грешника.

Иногда, впрочем, наказание сразу сводилось к штрафу. При этом единой таксы не существовало; сумма штрафа могла зависеть, с одной стороны, от воли инквизитора, а с другой — от платежеспособности оштрафованного. Инквизиторы при всей своей ревностности были людьми практичными и полагали, что лучше получить с бедняка немного, чем ничего.

Учитывая, что «штрафные» деньги шли не только на содержание инквизиции, но и на постройку церквей, мостов и домов призрения, надо признать, что это было не самой худшей формой наказания. С другой стороны, некоторым инквизиторам настолько понравилось взимать штрафы, что в Риме стали опасаться, что за этим они могут позабыть о борьбе с ересью.

Дошло до того, что папа Иннокентий IV вынужден был наказать инквизиторов Лангедока за излишнюю склонность к назначению штрафов, заявив, что «штрафы не должны взыскиваться там, где возможна иная форма наказания». При этом было установлено, какие штрафы и за что следует налагать.

К концу века количество штрафов, по требованию папского престола, резко сократилось (правда, ненадолго). При этом провинившихся стали чаще сажать в тюрьму, приговаривать к ношению крестов, отправлять в далекие паломничества.

Кто на свете всех беднее?

В самом начале второй половины XIII века почти всю Европу — и в частности многие учебные заведения — охватило пламя новой ереси, а именно ереси «духовных францисканцев», или спиритуалов.

По мере того как нищенствующий орден францисканцев обретал силу, внутри него начинали возникать разногласия, и к концу 1230-х годов оформились две партии. Первая явно склонялась к мистицизму и к тому, чтобы сурово следовать правилам аскетизма, установленным основателем ордена Франциском Ассизским, вторая же, наоборот, стремилась хотя бы частично от этих правил отказаться и задавались вопросом, можно ли братьям владеть деньгами и землями?

«Червь раздора проник в орден францисканцев... — пишет Х.К. Цандер. — Когда святой Франциск в 1226 году скончался, его братство разбилось на две беспощадно враждующие фракции. На одной стороне были реалисты, которые хотели быть бедными по духу, но не материально... На другой стороне стояли фундаменталисты (спиритуалы. — *Н. М.*)... с весьма примечательным тезисом: если монах не беден материально, то значит он богат...»

В попытке угнаться за статусом самых бедных спиритуалы с пугающей быстротой дошли до абсурда. Самые радикальные из них — фратичелли* — укорачивали свои рясы, полагая, что бедность монаха по более короткой рясе и узнается. И в конце концов их рясы едва прикрывали ягодицы...

Впрочем, в споре внутри ордена это им не помогло. Верх брала то одна партия, то другая, пока наконец оказавшиеся в меньшинстве спиритуалы не были полностью разбиты и причислены к еретикам.

Началось все с широкого распространения в Париже в 1254 году книги «Вечное Евангелие». Некоторые историки приписывают ее авторство аббату-цистерцианцу Иоахиму Флорскому, умершему в начале XIII века (в этом, правда, сомневались даже младшие современники Иоахима). «Вечное

* Братцы (*ит.*).

Евангелие» представляет собой собрание апокалипсических излияний, снабженных пространными комментариями. Так, в нем говорится, что скоро окончится Царство Христа и начнется Царство Святого Духа, а Ветхий и Новый Заветы уступят место Вечному Евангелию, то есть тексту, который содержится в книге.

Все это подозрительно напоминало мистические прозрения спиритуалов, и именно на них — неизвестно, заслуженно или нет, — пало подозрение в сочинении «Вечного Евангелия». За куда меньшие ереси люди попадали на костер, и вряд ли стоит удивляться, что с этого момента инквизиция стала спиритуалов преследовать. Первым делом, конечно, их пытались «перевоспитывать», но некоторые упорствовали и оканчивали свои дни на костре. Особенно досталось фратичелли — по Цандеру, светским властям для сожжения было передано 114 человек.

Борьба со спиритуалами вышла за рамки XIII века и протянулась дальше, в век XIV. После 1316 года среди францисканцев разгорелся новый спор — имели или нет Иисус и апостолы кошельки или мешочки для денег. Особенно активно дискутировали в Провансе, где инквизитор Жан де Бельн счел своим долгом разрешить этот спор и авторитетно заявил: «Спаситель имел кошелек». Спиритуалам, однако, его авторитета не хватило, и они продолжили доказывать свои идеи о священной бедности Иисуса Христа и его апостолов.

Папа Иоанн XXII более не захотел этого терпеть. Он заказал известному теологу доминиканцу Хервеусу экспертизу, которая убедительно доказала, что «Иисус Христос не только обладал кошельком, но даже участвовал в торговле недвижимостью». Но это на спиритуалов опять никак не подействовало, и поэтому в 1323 году Иоанн XXII издал буллу «Cum inter nonnullos», где объявил: «Тот, кто упрямо утверждает, что Иисус Христос и апостолы не имели денег и имущества, стоит вне закона и подлежит проклятию».

Это был своего рода сигнал для ужесточения гонений на спиритуалов. С этого момента они окончательно вошли в базовый набор еретиков, заняв место рядом с катарами и вальденсами.

Великий брак по расчету: инквизиция и светская власть

Тем временем позиции инквизиции продолжали укрепляться, чему способствовало нахождение общего языка с местными властями. Во Франции, где церковные и светские власти относительно быстро установили баланс интересов, это было особенно заметно.

Пройдя через споры и даже через противостояние, они научились не только сосуществовать друг с другом, но и тесно взаимодействовать. Пример подала французская корона, которая, с одной стороны, демонстрировала верность папскому престолу, а с другой — извлекала из этого для себя материальную выгоду.

Главным, разумеется, был вопрос об имуществе, конфискованном у еретиков, и денежных штрафах, которые выплачивали как сами еретики, так и люди, обвиненные в пособничестве ереси. Стоило чиновникам и инквизиторам на самых разных уровнях договориться о дележе, как между ними установились отношения, близкие к гармонии. Так, например, в Альби местный епископ Бернар де Кастане и инквизитор Фульк де Сен-Жорж помогли королю провести обширные конфискации, значительно пополнившие казну как государства, так и церкви; часть этих денег пошла на строительство в городе нового собора.

Большую прибыль союз с инквизицией приносил местным сеньорам. Граф Альфонс Пуатье, как пишет А. Мейкок, обильно жертвовал на монастыри и больницы и не думал скрывать, что доходы получает благодаря конфискациям, которые инквизиция проводит по его желанию. В 1268 году он предложил инквизиторам обосноваться в своем замке Лаво, мотивируя это тем, что так будут снижены издержки на их содержание. Немаловажно, наверное, было и то, что после новоселья инквизиторы, в случае надобности, всегда находились у него под рукой.

Такое положение вполне устраивало инквизицию, тем более что она хотя и выполняла часто заказы местных властей,

вела вполне самостоятельное существование. Инквизиторы, оправдывая репутацию верных «сторожевых псов церкви», могли мертвой хваткой вцепиться и во владетельного сеньора, чьи интересы совсем недавно обслуживали, — если он вдруг чем-то не угодил Риму. Но основное их внимание по-прежнему было обращено на катарскую ересь, борьба с которой была, можно сказать, поставлена на поток.

Катары отчаянно сопротивлялись. В 1285 году они попытались захватить славящееся особой жестокостью отделение инквизиции в Каркасоне, дабы уничтожить хранящиеся в нем реестры, но их выдал агент инквизиции Жан Лагарригю, сам бывший катар, действующий по заданию инквизитора Жана Галанда.

Инквизиция ответила на это усилением жестоких мер, которые обращены были не только на еретиков, но и на все население. Арестовывались все, кто попадал под подозрение. Ни в чем не повинные люди, не выдержав пыток, оговаривали своих родственников, друзей и знакомых, те делали то же самое — и так далее, по цепочке.

Ужаснувшись происходящим, в 1290 году светские власти Каркасона пошли на конфликт с властями духовными и обратились с просьбой усмирить инквизиторов... нет, не к папе римскому, а к королю Филиппу IV.

XIV век. Время противостояний

«Крестовый поход» против инквизиции

Получив жалобу из Каркасона, Филипп IV потребовал от инквизиторов померить пыл, но зримых результатов это не дало. Инквизиция в Лангедоке продолжала зверствовать: тюрьмы были переполнены, вновь увеличились штрафы, обычным делом стала конфискация имущества.

Французский король был оскорблен таким пренебрежением к себе. И тут весьма кстати на авансцену вышел францисканский монах Бернар Делисье, который в конце июня

1300 года открыто выступил против инквизиции. Повод был не такой уж и значительный. Во францисканский монастырь в Нарбонне прибыл инквизитор доминиканец Николя д'Абвиль, чтобы провести следствие по делу умершего монаха Кастеля Фабри. Бернар Делисье, друг Фабри, пытался защищать его честь, утверждая, что он был истинным католиком, но инквизитор отмахнулся от его показаний, и Фабри посмертно был признан еретиком. Делисье, однако, не успокоился. На его удачу в это время в провинции действовали два королевских следователя, у которых с инквизицией были свои трения. Они с готовностью выслушали Делисье, и через них об этом деле стало известно королю, который принял эту историю близко к сердцу. Это, кстати, уберегло Делисье, который, закусив удила, бросился разоблачать злоупотребления инквизиции и на которого, как можно понять, у инквизиции вырос зуб.

В конце 1301 года Филипп IV принял Делисье. На аудиенции францисканец сказал, что ересь в Лангедоке давно побеждена и инквизиторы придумывают врагов церкви, чтобы сохранить свою неограниченную власть. По его словам, при существующих порядках инквизиция могла бы обвинить в ереси самих святых Петра и Павла, и те не были бы в состоянии оправдаться. Делисье заявил: «Каким же образом могли бы святые апостолы защищать себя, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси?»

Как можно догадаться, к этим речам король отнесся благосклонно. 8 декабря 1301 года Филипп IV пишет епископу Тулузскому об инквизиторе Фульке де Сен-Жорже: «В то время как его долг заключался в искоренении заблуждений и пороков, он употребил свою власть лишь на их поддержку; под прикрытием дозволенного подавления он осмелился на вещи целиком незаконные, под видом благочестия — на вещи кощунственные и бесчеловечные; наконец, под предлогом защиты католической веры он совершал ужасные и омерзительные дела». На этом король не остановился и отправил в Лангедок комиссию, во главе которой поставил Делисье. Комиссия должна была во всем разобраться и представить

его величеству отчет, но, учитывая то, кто ею руководил, о результатах ее деятельности можно было догадаться заранее.

Тут надо иметь в виду, что как раз в это время возник спор о власти между Филиппом IV и папой Бонифацием VIII, и обе стороны, как могли, усиливали свои позиции. Ставки были высоки, и противостояние возникло столь жаркое, что папа отлучил короля от церкви, а король совершил доселе немыслимое — посягнул на власть папы и сам сместил двух инквизиторов с занимаемых ими должностей, хотя это была прерогатива понтифика.

Делисье был буквально окрылен таким успехом. На волне его, как пишет А. Мейкок, он «начал настоящий крестовый поход против Святой палаты. В результате его действий в инквизиторские тюрьмы Каркасона ворвалась толпа и узники были выпущены на свободу. Население Альби было настроено столь решительно, что доминиканцы опасались выходить на улицу и даже появляться в церквях. На доминиканский монастырь напали, и огромное количество документов было уничтожено».

Деятельность инквизиции в Каркасоне остановилась. Однако в 1304 году Делисье совершил ошибку, ввязавшись в политическую авантюру, которую затеяли должностные лица Каркасона, начавшие переговоры с сыном короля Мальорки Хайме II о передаче провинции в его руки. Филиппу IV это, разумеется, понравиться не могло.

Как и инквизиция, французская корона легко меняла милость на гнев. К этому времени французский король уже победил Бонифация VIII, причем победил с помощью вооруженной силы: папа был пленен французским отрядом и, по одной из версий, не перенеся унижения, покончил жизнь самоубийством. Новый папа Бенедикт XI пробыл на папском престоле всего несколько месяцев, но за это время успел снять с Филиппа IV отлучение, а сменивший его Климент V уже не просто зависел от французского короля, но и фактически действовал по его указке. Климент V приказал арестовать Делисье, что означало поражение мятежа против инквизиции, которая довольно быстро возобновила свою деятельность в прежнем объеме.

Что же до Делисье, то вплоть до 1318 года он пробыл при папском дворе под строгим надзором, пока следующий понтифик, Иоанн XXII, подконтрольный, как и его предшественник, французской короне, не приказал его арестовать как спиритуала. Заодно Делисье припомнили борьбу против инквизиции и сговор с инфантом Мальорки. Его пытали, но, в отличие от четырех его товарищей, которых сожгли 7 мая 1319 года в Марселе, жизни лишать не стали. Инквизиционный трибунал в Каркасоне — тот самый, которому Делисье нанес, казалось бы, смертельный удар, — приговорил его провести остаток жизни в цепях на хлебе и воде.

Бернар Ги против альбигойской ереси

Мы уже несколько раз встречались с Бернаром Ги на страницах этой книги. Тем не менее стоит, пожалуй, сказать о нем еще хотя бы пару слов, чтобы читатель лучше понимал, с кем имеет дело.

Бернар Ги был монахом-доминиканцем, а кроме того историком, философом и писателем. В монастырь он попал мальчишкой, но уже успел к тому времени прочитать немало книг. Позже он говорил, что даже толком не понял, как оказался у ворот монастыря — словно его вело само Провидение.

В 1280 году Бернар Ги принял монашеский обет и начал двигаться по карьерной лестнице. В 1291 году он получил звания приора и лектора и занял достаточно значимое место в доминиканской иерархии. Он был последовательно приором доминиканских монастырей в Альби, Каркасоне, Кастре, Перигё и Лиможе. Его привлекала преподавательская деятельность, и он часто разъезжал с лекциями по различным городам.

К сорока годам Бернар Ги получил известность благодаря литературным трудам, среди которых были жизнеописание Фомы Аквинского, сборник житий святых и история доминиканского ордена. Как писатель он был весьма плодовит.

Жил Бернар Ги тихо, спокойно, читал и писал книги, руководил созданием первой в Тулузском графстве библиотеки

и вряд ли планировал круто менять свою жизнь. Но судьба в лице папы Климента V решила все за него. В 1306 году понтифик посетил монастырь в Лиможе, где Ги был приором, и долго говорил с ним с глазу на глаз. Подробности этого разговора остались между ними, но результат его мы знаем: в 1307 году Бернар Ги становится инквизитором Тулузы и остается им до 1323 года.

При нем была устроена массированная атака на альбигойскую ересь, и кроме того, он вошел в историю как теоретик инквизиции.

Обвинительных приговоров в его практике было 637, всего приговоров — 930. А. Мейкок в «Истории инквизиции» приводит следующую статистику. По приговорам Бернара Ги:

- посажено в тюрьму — 307 человек;
- выпущено из тюрьмы — 139;
- приговорено носить кресты — 143;
- освобождено от обязанности носить кресты — 132;
- приговорено к паломничеству без ношения крестов — 9;
- передано в руки светских властей и сожжено на костре — 42;
- осуждено посмертно с последующей эксгумацией и сожжением костей — 69;
- приговорено носить колодки или стоять у позорного столба — 2;
- отлучено от церкви скрывавшихся от правосудия — 40;
- лишено сана священников — 2;
- отправлен в ссылку — 1.

Также по его приговорам разрушено 22 дома, отозван один интердикт, сожжено две повозки (!) Талмуда.

В ходе следственных действий, которые вел Бернар Ги, умерли 20 арестантов, причем трое из них впоследствии были признаны невиновными.

В бытность свою инквизитором Бернар Ги провел 18 *sermo generalis*. После того, как он отошел на покой, подобные церемонии в Лангедоке почти прекратились: в последующие шестьдесят лет их насчитывается всего семь.

Бернар Ги был, пожалуй, единственным инквизитором, абсолютно соответствующим представлениям об этой должности, которые он проповедовал в своем наставлении инк-

визиторам. Неизвестно, каким образом Клименту V удалось рассмотреть в нем столь идеальное оружие против альбигойской ереси, но для папского престола это была настоящая находка.

За время, пока Бернар Ги находился на посту тулузского инквизитора, альбигойская ересь была почти полностью уничтожена. В Каркасоне последнее сожжение катарских еретиков датируется 1328 годом.

А. Мейкок замечает, что после 1330 года в Лангедоке даже перестали действовать за ненадобностью постоянные инквизиционные трибуналы и лишь временами проводились выездные суды над выявленными еретиками.

Жак Фурнье против Гийома Белибаста

После Вьеннского собора 1311–1312 годов помимо Бернара Ги в Лангедоке работали и другие известные инквизиторы. Одним из них был Жак Фурнье, известный под своим мирским именем как составитель «Реестра инквизиции» (в котором можно найти едва ли не последние сохранившиеся в истории высказывания катарских «совершенных»), но еще больше как третий папа периода Авиньонского пленения Бенедикт XII. В каркасонской инквизиции вместе с Жаком Фурнье также действовали доминиканцы Жан де Бон и Гийяр де Помье.

В инквизиторской практике Жака Фурнье особенно громким делом считается дело катарского «совершенного» Гийома Белибаста.

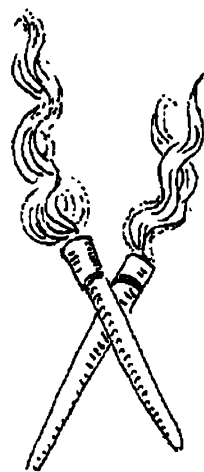
Белибаст, простой пастух, примкнул к катарскому движению, будучи совсем юным, можно сказать, случайно. Увлёк его на этот путь «совершенный» Пейре Отье, который считается последним влиятельным проповедником катаризма. Согласно «Реестру инквизиции» Жака Фурнье, Отье утверждал, что «после конца света весь видимый мир будет... уничтожен, и это он назвал адом. Но все души человеческие окажутся тогда в раю, и в небесах будет столько же счастья для одной души, сколько и для другой; все будут спасены, и каждая

душа будет любить другую, как любят своего отца, мать или своих детей».

До поры до времени Белибаст спокойно постигал катарскую истину, но тут в Лангедоке стараниями инквизиторов Бернара Ги (в Тулузе) и Жака Фурнье (в Каркасоне) раскрылся маховик инквизиционной машины. В 1309–1310 годах на катаров обрушилась очередная волна гонений. Инквизиция выловила и сожгла одного за другим всех подпольных проповедников. Угодил на костер и Отье. Белибасту, однако, удалось от инквизиции ускользнуть, и он отправился на другую сторону Пиренейских гор, где поселился «вместе с маленькой общиной окситанских верующих, тоже бежавших от инквизиции».

Обосновавшись в арагонском городке Морелья, он в качестве «совершенного» начал вести подпольные богослужения катаров, а на публике, чтобы обмануть местную инквизицию, поддерживал образ простого ремесленника и даже вступил ради маскировки в фиктивный брак с катарской верующей Раймондой Марти, которая так же, как и он, изображала добропорядочную католичку. Они жили под одной крышей и даже делили одну постель, из-за чего всегда спали одетыми. Но жизнь все-таки взяла свое, и однажды между ним и Раймондой случился грех. Тем самым был нарушен один из важнейших катарских обетов — обет целомудрия. Белибаст впал в тяжелое смятение, долго мучился и в конце концов исповедовался еще одному «совершенному» — престарелому Раймону, который, как и он сам, бежал в Морелью из Тулузы.

Раймон своими увещаниями стал помогать ему смирять бунтующую плоть. Но зимой 1317 года он умер, и Гийом Белибаст остался без наставника. Три года он держался, но затем вновь стал сожительствовать с Раймондой, скрывая это, разумеется, от остальных катаров. В 1321 году у них родился сын, однако Гийом сумел спасти свою репутацию среди единомышленников, уговорив друга Пейре Мори жениться на Раймонде и признать ребенка своим. После этого, ощущая себя великим грешником, он отправился на поиски других «совершенных», дабы исповедаться перед ними и получить новый шанс примириться с катарской верой.

К этому времени он тесно сблизился со шпионом инквизиции Арно Сикре, который прикидывался беглым катаром, якобы скрывавшимся под личиной католика. Когда Гийом наивно доверил ему свое горе, Сикре сказал, что знает, где найти «совершенных», которым удалось спастись от инквизиции, и отчаявшийся в своих религиозных терзаниях Гийом слепо бросился вслед за мнимой надеждой.

Сикре заманил Белибаста в Тирвию, где местная инквизиция арестовала его и затем передала в отделение инквизиции в Каркасоне, то есть в руки Жака Фурнье.

По тому, сколько высказываний Гийома Белибаста записано в «Реестре инквизиции» Жака Фурнье, можно предположить, что допросы были частыми, и вырвать отречение у катарского «совершенного» Фурнье пытался отчаянно, но сделать это ему не удалось. Впрочем, согласно катарской вере, Гийом Белибаст, нарушивший обет целомудрия, на момент ареста не был «совершенным», да и сам себя он таковым уже не считал. Но веру свою он не предал.

В конце лета 1321 года Жак Фурнье передал закоренелого еретика Белибаста светским властям, и он был сожжен живьем в Виллеруж-Терменез. Считается, что эта казнь знаменует собой конец окситанских катарских общин.

«Меня не заботит, что станется с моим телом, — говорил Гийом Белибаст, когда его вели на костер, — ибо мне нет ничего в нем: оно принадлежит другому. И сам Отец Небесный не нуждается в моем теле, Он не желал бы видеть его в Своем Царствии, ибо тело человека слишком зависит от князя мира сего, который его создал... Бог не имеет никакого отношения к судорогам, объятиям и воспроизведению тел, благодаря которым князь мира сего... улавливает души...» («Реестр инквизиции» Жака Фурнье).

Филипп IV против тамплиеров

Французский историк М. Мишле называет дело тамплиеров едва ли не самым громким из всех, что имели место в Средние века.

Орден тамплиеров (или храмовников — рыцарей Храма) был основан после Первого крестового похода в 1119 году в Иерусалиме небольшой группой французских рыцарей и пополнялся представителями знатных и богатейших родов Франции. Первым великим магистром тамплиеров стал шампанский рыцарь Гуго де Пейн. «Гуго де Пейн изобрел новую фигуру — рыцаря-монаха», — заметила автор «Истории ордена тамплиеров» М. Мельвиль.

Внутри ордена царил строгая дисциплина, построенная одновременно на монашеский и военный манер. «Святость и рыцарство — две радикально противоположные этики! Чтобы примирить их, потребовалась значительная духовная эволюция, которая положила начало и крестовым походам. Церкви пришлось трансформировать богословскую концепцию войны. Ей пришлось принять рыцарство, дав ему место в христианском обществе», — сказал по этому поводу французский историк А. Демурже. Глава ордена пользовался огромной властью, его приказы исполнялись неукоснительно.

Первичной целью, объявленной при учреждении ордена тамплиеров, была защита паломников, идущих в Святую землю, но с течением времени орден трансформировался и цель корректировалась. И хотя при вступлении в него рыцари давали обеты бедности, они оказывались втянутыми в тщательно отлаженную систему по накоплению мирских богатств. Тамплиеры «были широко награждены привилегиями; их избавляли от пошлин на съестные припасы, от десятины и от всяких налогов; их церквям и домам было предоставлено право убежища, сами они пользовались неприкосновенностью личности наравне с лицами духовного звания; они были освобождены от всяких феодальных повинностей и присяг и были подсудны одному только Риму; епископам было запрещено отлучать их от Церкви... Одним словом, папы не упускали ничего, чтобы помочь развитию ордена и прочно привязать его к кафедре св. Петра» (Г.Ч. Ли). Тамплиерам принадлежало огромное количество замков по всему христианскому миру, их щедро одаривали самые знатные люди, и в конце концов они превратились в один из самых богатых и могущественных орденов като-

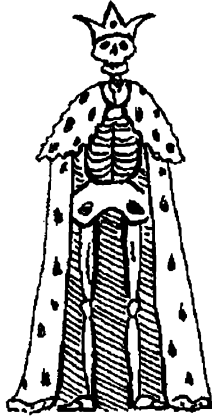
лической церкви. «Во Франции тамплиеры выполняли роль королевских банкиров, королевская казна хранилась в их резиденции — Тампле-Храме. В XIII веке орден владел 9 тыс. замков, ему принадлежал остров Кипр. Тамплиеров боялись и им завидовали церковные иерархи и светские правители» (И. Р. Григулевич).

После долгого существования на Ближнем Востоке, где тамплиерам принадлежали обширные земельные владения, они вынуждены были перебраться в Европу. Многие из них в начале XIV века оказались во Франции — как раз в правление Филиппа IV, который постоянно был озабочен пополнением своей казны. Стремление французского короля к укреплению собственной власти требовало денег: в начале XIV века он выпустил низкопробную монету, затем конфисковал имущество евреев, но все это не помогло выправить ситуацию. Расходы казны явно превышали доходы, и взор Филиппа IV упал на состояние ордена тамплиеров, которому он, к слову, задолжал к этому времени гигантскую сумму — более 500 тысяч ливров. Сначала король попробовал взять орден под свой контроль и посадить на место магистра одного из своих сыновей, однако попытка эта не увенчалась успехом. Тогда Филипп IV решился на рискованную аферу: обвинить тамплиеров в ереси, вырвать у них силой признания и на этом основании конфисковать их имущество в пользу короны.

Как мы знаем, Филипп IV и прежде активно вмешивался в дела инквизиции, а при зависимом от него папе Клименте V уже ничего не мешало ему использовать ее для достижения собственных целей. Используя как предлог донос двух бывших тамплиеров, обвиненных в смуте, король потребовал у папы начать расследование. После некоторых колебаний Климент V, понимавший непредсказуемые последствия этого шага, все-таки согласился, и генеральный инквизитор Гийом Эмбер получил указание найти любыми средствами сведения, которые могли бы скомпрометировать орден. Заметим, что в дополнение ко всему прочему Эмбер был личным исповедником короля, то есть и без того тесные отношения французской короны, с одной стороны,

и папского престола и инквизиции, с другой, становились еще теснее.

Эмбер энергично взялся за дело. Со стороны орден тамплиеров рисуется прочной рыцарско-монашеской структурой без единого слабого звена. Но в рядах тамплиеров были разные люди. Шпионы инквизиции обратились к рыцарям, изгнанным из ордена за различные провинности, и кое-кто из них, держа обиду на своих бывших товарищей, оказался не прочь дать нужные показания. В дело пошли и людские толки. Тамплиеры почти все свои церемонии, включая посвящение в орден, держали в строгой тайне, и многие поэтому подозревали их в непристойных действиях, еретических обрядах и проч.

Как бы то ни было, Эмберу удалось заручиться показаниями свидетелей, которые, как сообщает Г. Ч. Ли, под присягой сообщили, что:

«1) при вступлении в орден неопита наставник уединялся с ним за алтарем или в другом месте, где заставлял его три раза отречься от Спасителя и плюнуть на крест;

2) неопита раздевали донага, и наставник, по одной версии, три раза целовал его в заднюю часть, в пупок и в уста, а по другой — “во все восемь отверстий”;

3) неопиту внушали, что содомский грех достоин похвалы;

4) веревка, которую тамплиеры днем и ночью носили поверх сорочки как символ целомудрия, освящалась тем, что ее обвивали вокруг идола, имевшего форму человеческой головы с длинной бородой и почитаемого руководителями ордена;

5) священники ордена при совершении богослужения не освящали святых даров».

Этого оказалось достаточно, чтобы 22 сентября 1307 года Королевский совет принял решение об аресте всех тамплиеров на территории Франции. Советник Филиппа IV Гийом де Ногаре разослал от имени короля секретные письма сеньялам, бальи, прево с перечислением «преступлений тамплиеров», содержащие распоряжение о взятии их под стражу. Эти распоряжения были запечатаны в двойные конверты, которые разрешалось вскрыть лишь в пятницу, 13 октября,

и, следовательно, ни королевские чиновники и командиры военных отрядов, ни инквизиторы на местах до последнего момента не знали, что им предстоит совершить.

Тамплиеры были захвачены врасплох. Почти все члены ордена, включая магистра Жака де Моле, оказались в инквизиционной тюрьме. Им приписывались тяжкие преступления против религии и морали: богохульство, отречение от Христа, культ дьявола, распутство, мужеложство, скотоложество. Несколько человек покончили жизнь самоубийством, чтобы избежать ареста. На имущество тамплиеров, по приказу Филиппа IV, был наложен арест.

Филипп IV лично курировал допросы и давал инквизиторам указания, что обещать тамплиерам за признания, в каких камерах их держать и как наказывать за неповиновение.

Против тамплиеров началась мощная общественная кампания: де Ногаре мобилизовал трубадуров и прочих сочинителей, чтобы те разоблачили преступления ордена и показали их широкой французской публике. Сообщения об аресте тамплиеров в связи с обвинениями в ереси были разосланы во все уголки христианского мира. 22 ноября 1307 года папа издал буллу «*Pastoralis praeeminentiae*», в которой требовал от всех христианских монархов произвести аресты тамплиеров и конфискацию их земель и имущества. Эта булла положила начало судебным процессам в Англии, Испании, Германии, Италии, на Кипре.

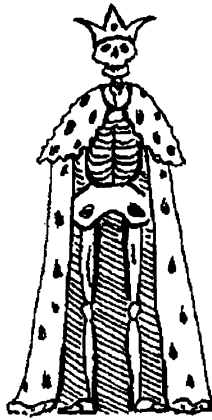
Меньше чем за месяц Эмбер и его помощники допросили 138 тамплиеров. Под пытками многие подследственные сознались в предъявляемых им обвинениях. Сдался, не выдержав допросов с пристрастием, и Жак де Моле: он написал обращение к членам ордена, в котором просил их сознаться в ереси. В Тампле — в бывшей штаб-квартире ордена — инквизиция заставила де Моле и других высокопоставленных членов ордена повторить свои признания.

Следствие тем временем продолжалось. Обвинения против тамплиеров развивались и обрастали поистине небывалыми подробностями, на противоречивость которых закрывали глаза. «Среди тех, которые говорили, что видели его (идола, которому якобы поклонялись тамплиеры. — *Н. М.*),

с трудом можно найти двух, описывавших его совершенно одинаково, и то благодаря данным обвинения, представлявшим его в виде головы. Иногда голова эта — белого цвета, иногда она — черная, то у нее черные волосы, то с проседью, а то вдруг у нее является длинная седая борода. Одни свидетели видели ее шею и ее плечи, покрытые золотом; один показывал, что это был злой дух, на которого нельзя было смотреть без содрогания; другой говорил, что у нее было нечто вроде глаз из карбункулов... Один свидетельствовал, что у нее было два лица, а другой, что — три; один показывал, что у него было четыре ноги: две сзади и две спереди, а другой говорил, что это была статуя о трех головах. То идол этот представляется в виде картины, то в виде раскрашенной металлической бляхи, то в виде небольшой женской статуи, которую наставник держал спрятанной у себя под одеждой и показывал только верующим; иногда это — статуя юноши, высотой в локоть... А один свидетель показал, что идол этот не имел человеческой формы, а изображал быка. Иногда его называют Спасителем, иногда *Vafomet* или *Maquineth* — испорченное *Магомет*, — и ему поклоняются под именем Аллаха... Иногда идол пророчествует; иногда его сопровождает или заменяет злой дух, принимающий форму черной или серой кошки или ворона и отвечающий на предлагаемые ему вопросы...» (Г. Ч. Ли)

Большинство тамплиеров поступали как среднестатистические жертвы инквизиции — отрекались от ереси и просили дать им возможность примириться с церковью. Но немало было и таких, кто держался до последнего. С ними не церемонились: 12 апреля 1310 года 54 тамплиера были сожжены в предместье Парижа, затем, в том же месяце, сожгли еще 16 человек.

Окончательно судьбу ордена должен был решить собор во Вьенне, начавшийся в 1311 году. Папа требовал упразднения ордена, говоря, что тамплиеры обесчестили себя ересью и потеряли право на существование. Многие прелаты, особенно за пределами Франции, были с ним не согласны. Беспokoясь за решения собора, Филипп IV явился во Вьенн в сопровождении внушительного военного отряда. Вкупе

с угрозой папы отлучить от церкви всех тех, кто выступит в защиту ордена, это сыграло свою роль. «Собор согласился с требованием Климента V и запретил дальнейшую деятельность ордена. Судьбу его членов должны были решать поместные соборы... одни тамплиеры закончили свою жизнь в тюрьмах инквизиции, другие — “рецидивисты” — погибли на кострах. Те же, кто остался на свободе, влачили жалкое существование, добывая себе пропитание милостыней» (И.Р. Григулевич).

Окончательный перечень обвинений против тамплиеров выглядел следующим образом:

- священники ордена не освящали Святых Даров и искажали формулу мессы;
- тамплиеры поклонялись коту, который иногда являлся им на их собраниях;
- в каждой провинции ордена имелись идолы — головы (трехликие, а некоторые с одним лицом) и черепа;
- тамплиеры поклонялись идолам, и особенно на своих собраниях;
- тамплиеры почитали идолов как представителей Бога и Спасителя;
- тамплиеры утверждали, что идолы могут спасти их и обогатить;
- идолы дали ордену все его богатства;
- идолы заставляли землю плодоносить, а деревья цвести;
- тамплиеры обвязывали головы идолов или просто касались их короткими веревками, которые затем носили на теле под рубахой;
- во время приема нового члена в орден ему выдавали вышеупомянутые короткие веревки (или одну длинную, которую можно было разрезать);
- все, что тамплиеры делали, они делали ради поклонения этим идолам.

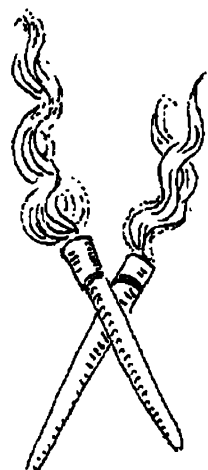
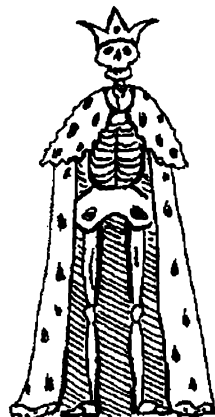
Суд долго откладывался и состоялся только спустя шесть с половиной лет после ареста тамплиеров, поскольку Климент V все выгадывал, дожидаясь подходящего политического момента. Жак де Моле, пока шло следствие, несколько раз менял свои показания. В октябре 1307 года он признал, что

в ордене существовал обычай отречься от Христа и плевать на крест, но спустя два месяца отказался от этих слов. Затем, после новых пыток, он вернулся к прежним показаниям.

На суде в марте 1314 года места рядом с ним на скамье обвиняемых заняли магистр Нормандии Жофруа де Шарне, визитатор Франции Гуго де Перо и магистр Аквитании Годфруа де Гонвиль. Ничто не предвещало неожиданностей. Поскольку все четверо раскаялись в ереси, суд приговорил их к пожизненному заключению в тюрьме. Однако не успели зачитать приговор, как Жак де Моле и Жофруа де Шарне вдруг заявили, что в ереси не признаются и стыдятся того, что в слабости изменили ордену, который по натуре своей «чист и свят».

Эти заявления вызвали настоящий переполох и вынудили прервать заседание. Де Моле и де Шарне не могли не понимать, что своими словами обрекают себя на смертный приговор. Так и случилось: 18 марта 1314 года оба были сожжены на костре.

По легенде, стоя у столба, уже объятый пламенем, Жак де Моле проклял Филиппа IV и Климента V, прокричав: «Не пройдет и года, как я призову вас на Суд Божий!» Совпадение или нет, но обоих смерть забрала в том же 1314 году...

Понтифики против Рима

В 1309 году произошло из ряда вон выходящее событие для католической церкви: папа Климент V покинул свою резиденцию в Риме и обосновался в Авиньоне. Здесь папскому двору предстояло провести почти семьдесят лет.

В 1348 году уже папа Климент VI выкупил город у прованских графов и официально сделал его своей резиденцией. В Авиньоне папы чувствовали себя в гораздо большей безопасности, чем в беспокойном Риме, где происходили острые конфликты между аристократическими родами. Тем временем Папская область приходила в полнейший упадок.

Хотя период пребывания пап в Авиньоне назван пленением, на реальный плен это, конечно, нисколько не походило.

Будучи в большинстве своем тонкими политиками, папы просто предпочитали находиться на стороне силы, которую олицетворяли французские монархи. К тому же Франция была ближе по духу папам этого периода, так как все они были окситанцами. Среди кардиналов в это время также преобладали уроженцы Франции.

Франция была одним из сильнейших государств Европы. Здесь установилось централизованное правление, и власть полностью сосредоточилась в руках короля Филиппа IV Красивого. Весьма амбициозный, в 1294 году он объявил войну Англии, а это требовало больших денег, и король обложил налогом духовенство, не согласовав свои действия с папой Бонифацием VIII. С этого момента между ними началась вражда, в ходе которой Бонифаций VIII и Филипп IV старательно вредили планам друг друга.

В 1300 году, который был объявлен «святым», Бонифаций VIII изобрел новый источник дохода — в течение этого года можно было получить «полную индульгенцию». Поднакопив денег, папа обрушился на Филиппа IV с удвоенной силой, а тот, в свою очередь, обвинил понтифика в симонии (то есть в торговле церковными должностями, священными таинствами и реликвиями) и, хуже того, в ереси. С этого времени началась прямая агитация за свержение папы. В 1303 году Бонифаций VIII умер, его преемник Бенедикт XI продержался на папском престоле недолго, и в 1305 году понтификом стал Климент V.

Новый папа благоразумно демонстрировал лояльность французскому монарху и, судя по всему, воспринимал как данность, что его правление проходит под неусыпным контролем короля Франции. Он не мог не понимать, что подчиненность французской короне роняет авторитет папского престола, — вот только поделаться с этим ничего не мог.

Для французской инквизиции этот период также ознаменовался переменами: теперь папский престол был ближе и непосредственно руководил борьбой с ересью на юге Франции. Некоторые инквизиторы даже становились впоследствии понтификами, как тот же Жак Фурнье.

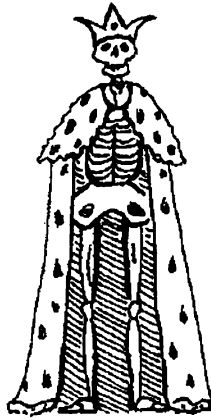
Понтифики всячески заботились о материальном положении инквизиции. Уже при Клименте V был создан Верховный церковный суд, на котором председательствовал сам папа в окружении доверенных кардиналов и прелатов, что ускоряло и всегда двигало в нужную папе сторону церковное судопроизводство.

Французские власти в отношении ереси хранили бдительность. Тем более что еретики не переводились. Не успели добить последние катарские общины, как на юго-востоке страны снова стало набирать силу движение вальденсов, на первый план борьбы с которыми в середине XIV века выдвинулся архиепископ Гийом де Борд.

Он вошел в историю не столько потому, что активно боролся с ересью (таких было несть числа), но и потому, что стремился действовать мирными методами, проявлял к вальденсам доброе отношение и, таким образом, многих убедил вернуться в лоно католической церкви. Де Борд считал, что еретика — как заблудшую душу — следует возвращать на путь истинный исключительно убеждением. При этом он, несколько опередив свое время, требовал жестоко преследовать тех, кого обвиняли в магии и колдовстве. В середине XIV века «колдовских» дел было еще куда меньше еретических, но, как видим, встречались инквизиторы, проявлявшие к ним особую нетерпимость.

Во время Авиньонского пленения понтифики, зависевшие от французской светской власти, почти утратили свою роль в политической жизни Европы, что, однако, мало сказалось на иерархии внутри церкви. Более того, характер власти авиньонских пап в церковной сфере можно смело называть монархическим: аббаты монастырей, кардиналы, епископы и архиепископы — все они, как правило, не избирались духовенством, а назначались папами лично.

Церковная жизнь была подвергнута всеобщей монетизации, что привело к существенному увеличению доходов папской казны. Большое распространение вновь получила торговля индульгенциями. Вовсю процветала симония, но теперь она куда меньше волновала французских королей, чем Филиппа IV в те годы, когда он соперничал с папой Бо-

нифацием VIII. Папский престол выдавал своим доверенным лицам определенное право — пребенду, — которое позволяло получать доход с церковной должности, и понтифик, в свою очередь, получал с наделенных пребендой лиц соответствующие сборы — аннаты. Папская курия также бдительно следила за уплатами церковной десятины. На содержание папского двора спускались немислимые средства, и авиньонский дворец папы буквально лучился роскошью.

Задумываться о том, чтобы вернуться в Рим, папы стали с конца 1350-х годов. Причин было две: во-первых, они осознали, что могут потерять Папскую область, и, во-вторых, — что не менее важно — спокойная жизнь понтификов в Авиньоне оказалась под угрозой. Францию ослабила война, которая шла уже три десятка лет и которой не было видно конца (она завершится только в следующем веке и позже получит название Столетней), и, кроме того, страну опустошила пандемия чумы. Когда денежная река, которая текла в папскую казну, вдруг обмелела, и папы стали снова поглядывать в сторону Италии.

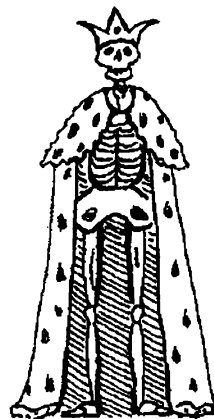
Шестой папа Авиньонского пленения Урбан V предпринял попытку перебраться обратно в Рим (1367), однако спустя три года вынужден был вернуться в Авиньон. К своему удивлению Урбан V обнаружил, что не пользуется авторитетом не то что в Италии, но и даже в Папской области. В Риме папу-француза не слишком жаловали.

Но в 1377 году сменивший Урбана V Григорий XI все же осуществил намерение своего предшественника. Французские кардиналы — родственники и приближенные французского короля, составлявшие две трети святой коллегии, препятствовали его возвращению в Рим всеми возможными способами, но папа был непреклонен. В Риме он избрал в качестве своей новой резиденции Ватикан (вместо Латеранского дворца, уничтоженного в 1308 году).

Через год после переезда в Вечный город Григорий XI умер. Римская толпа потребовала, чтобы новый папа был римлянином или, по меньшей мере, итальянцем, и кардиналы избрали Бартоломео Приньяно родом из Неаполя, который стал папой под именем Урбана VI. При этом из шестнадцати

кардиналов, находившихся на тот момент в Риме, одиннадцать были французами...

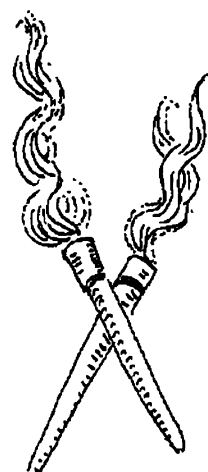
Характер этого человека, как пишут современники, крайне преобразился после вступления на папский престол, и в сентябре 1378 года оскорбленные его грубой политикой кардиналы объявили Урбана VI душевнобольным, признали выборы недействительными (на том основании, что они проходили под давлением толпы) и избрали нового папу. Им стал Роберт, сын графа Женева Амадея III, вошедший в историю как антипапа Климент VII. Он снова сделал своей резиденцией Авиньон.

Но загвоздка состояла в том, что Урбан VI никуда с папского престола не делся и остался в Риме. Он тут же обвинил авиньонского избранника в ереси и в ответ получил аналогичное обвинение.

Франция поддерживала Климента VII, и, соответственно, французская инквизиция стала подчиняться антипапе.

Таким образом, произошло событие, позже названное Великим западным расколом. Продолжался раскол почти сорок лет и завершился лишь с избранием XVI Вселенским собор в Констанце в 1417 году общего для всех католиков папы Мартина V.

Чума против населения

В 1347—1351 годах весь мир охватила пандемия чумы. Хронист XIV века Фруассар утверждал, что «от язв... умерла третья часть людей». По современным подсчетам, жертвами чумы в Западной Европе стали около 25 млн человек, что и в самом деле составляет как минимум треть ее тогдашнего населения. Целые города полностью обезлюдели и после уже не всегда восстанавливались.

Во Франции бушевала война. Войне нередко аккомпанирует голод, и середина XIV столетия — не исключение. Голод неизменно ведет к ухудшению иммунитета населения и соответственно упрощает задачу чуме. Наличие портовых городов, где хоть ненадолго бросал якорь корабль, на бор-

ту которого оказывались зараженные, делало пришествие в страну чумы почти неизбежным. Ситуацию усугубляло то, что на охоту за человечеством вышли сразу две формы чумы: бубонная и легочная. Бубонная чума поражала кровеносную систему, после чего вызывала появление гноящихся опухолей и внутренние кровоизлияния. Легочная чума вызывала тяжелое воспаление легких. При этом обе формы заболевания были крайне заразными.

В ноябре 1347 года чума проникла в Марсель, а в январе 1348 года добралась до Авиньона, который потерял больше половины населения. Людей не успевали хоронить, на кладбищах не хватало земли, священники разрывались между поминальными службами. Папа Климент VI даже освятил реку, куда с телег сваливали трупы умерших от чумы. Такой метод «дезинфекции», как можно предположить, не нес с собой ничего хорошего...

В тот же год чума поразила еще один крупный город Франции — Монпелье и продолжила двигаться по территории страны. К весне 1348 года она появилась в Бордо и Париже, к лету — в Кале и в Руане, полностью охватив Нормандию.

Простой народ искал виновников чумы, и гнев его разлетался в разные стороны. Кто-то винил в ее пришествии прокаженных и устраивал погромы лепрозориев, кто-то общее падение нравов, но особенно жестоким гонениям из-за чумы подверглись евреи. Атаки на еврейские общины по Франции распространялись, как и чума, с юга на север, следуя по пятам за самой болезнью.

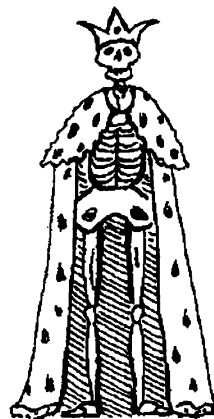
Ходили упорные слухи о сговоре евреев и мусульман с целью истребления христиан посредством отравления колодецев. Бытовало также мнение, что чума послана христианам в наказание за их прошлую терпимость к евреям.

Папа Климент VI издал указ, запрещающий предавать евреев смерти без суда, аргументировав это тем, что евреи тоже страдают от чумы. Вдобавок во Франции были города, где чума свирепствовала и без наличия еврейских общин. Поэтому в Авиньоне и Карпантра (центре папского графства Конта-Венессен), инквизиция в преследованиях евреев не

участвовала, и, пожалуй, даже можно сказать, что таких преследований там не было.

Но во многих других городах обезумевшие от страха перед страшной болезнью люди начали призывать городские власти судить еврейские общины целиком, а инквизиция, в согласии с местными властями, принимала в этом активное участие и, пользуясь уже известными нам методами, получала у обвиненных евреев признания.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, связанное в деятельности французской инквизиции с чумой, — фактически был отменен возрастной ценз, дающий право претендовать на должность инквизитора. Папская булла, позволявшая становиться инквизитором не ранее достижения сорокалетнего возраста, после разгула чумы практически потеряла свою актуальность, так как в церковных кругах ни у кого не было уверенности, что человек, метивший в инквизиторы, вообще доживет до сорока лет. И если в южных отделениях понтифик еще более или менее строго следил за соблюдением этого ценза, то на севере, в Нормандии, молодость уже не считалась препятствием для тех, кто метил на место инквизитора.

Флагелланты против самих себя

Чума способствовала распространению по территории Франции (да и всей Европы) движения «бичующихся» — флагеллантов, которые отличались почти патологическим фанатизмом и аскетизмом. Самобичевание было для них одним из средств умерщвления плоти. В 1349 году флагелланты объявились в Страсбурге, говоря, что самобичеванием берут на себя людские грехи, подобно Спасителю, и теперь Господь, возможно, смилостивится над родом человеческим и остановит «великий мор».

Они искренне верили в то, что действительно избавляют мир от чумы своим самоистязанием. В качестве орудия для умерщвления плоти и наказания каждый флагеллант всегда носил с собой бич или плетку с несколькими хвостами, не-

редко снабженную узлами или крючками, которые вонзались в плоть, и, чтобы их оттуда вырвать, требовался дополнительный рывок.

Пример страсбургских флагеллантов «распространился с еще большей скоростью, чем распространялась сама чума. Целые банды флагеллантов разбрелись по Европе; повсюду сияющие глаза тех, кто стал свидетелем их покаяния, говорили о том, что люди восхищаются ими и, разумеется, одобряют их действия. Люди предоставляли свои дома в их распоряжение; женщины вышивали для них знамена; церковные колокола начинали перезвон, когда группа флагеллантов входила в город» (А. Мейкок). Постепенно к флагеллантам начали присоединяться люди из богатых сословий.

Флагелланты привлекали к себе внимание не только образом жизни, но и тем, что собирались в большие группы — часто по двести-триста человек. Их торжественно-мрачные шествия вызывали у зрителей ужас и благоговение одновременно. Люди при их появлении впадали в экстаз: бросались им в ноги и марали одежду их кровью, а затем хранили ее, словно священную реликвию.

Иногда флагелланты устраивали представления, посвященные земной жизни Иисуса Христа, которые длились целыми сутками. Они вообще постоянно демонстрировали свою близость к Спасителю, и простые миряне в это верили.

В своей работе «Повальные увлечения в Средние века» историк Ф.С. Хекер пишет: «Они каялись дважды в день. Утром и вечером они выходили из домов парами и под звон колоколов распевали псалмы; прибыв к месту, где проводилось бичевание, они раздевались до пояса и снимали с ног туфли, так что на них оставалась лишь полоска одежды, прикрывающая их от пояса до лодыжек. Потом они ложились на землю кругом в разных позах, которые зависели от того, какое преступление они совершили, — виноватые в адюльтере ложились лицом в землю, лжесвидетели — на бок, подняв вверх три пальца, и так далее. Потом их порол специальный мастер; он же приказывал им произносить определенные слова. Затем они начинали заниматься самобичеванием под пение псалмов и громкие крики о ненависти к чуме. Иногда

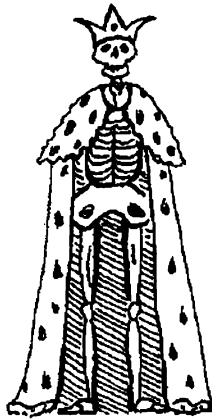
они совершали коленопреклонение и другие церемонии, которые по-разному описывались современниками. Все это время они, не переставая, хвалились своим покаянием, утверждая, что их кровь во время этой церемонии смешивается с кровью Спасителя»*.

Набравшись еще больше смелости, флагелланты начали врываться в церкви среди проповедей и срывать службы. Особенно разнузданно они вели себя на территории Германии, причем часто, явившись в какой-нибудь город, подбивали местных жителей на еврейские погромы, и, таким образом, разорялись целые еврейские кварталы.

Во Франции флагелланты также обрели большую популярность — люди верили в то, что они действуют под влиянием озарения, ниспосланного на них Господом. Здравые голоса тонули в хоре одобрения, и продолжалось это до тех пор, пока католическое священство не обнаружило, что слава флагеллантов слишком велика. При этом находились представители высшего духовенства, в том числе кардиналы, которые выступали против пресечения деятельности флагеллантов — либо потому, что тоже верили в их божественное предназначение, либо просто потому, что опасались народных волнений, которые могли последовать за радикальными действиями в отношении этих фанатичных аскетов.

Инквизиторам-доминиканцам, которые по собственной инициативе норовили урезонить флагеллантов и вмешиваться в их публичные церемонии, нешуточно доставалось от населения, с восторгом воспринимавшего самобичевание. Известна история, когда двух доминиканских священников, которые попытались остановить публичное самобичевание, забросали камнями, и один из них был убит.

Но постепенно антиклерикальный характер движения флагеллантов становился все ярче. И когда они во всеуслышание объявили себя посредниками между Богом и людьми, тем самым обесценивая церковь и предлагая себя ей на замену, папа Климент VI, какое-то время смотревший на действия флагеллантов сквозь пальцы, не выдержал. Осенью

* Цит. по: Мейкок А.Л. История инквизиции.

1349 года он издал буллу, в которой указал, что флагелланты не имеют на свои действия благословения Церкви, и поэтому епископы должны сделать все для подавления этого движения. В результате флагелланты были объявлены еретиками, и церковь взялась за них всерьез. Тут выяснилось, что влияние флагеллантов на народные массы не так уж и велико, и инквизиция довольно быстро расправилась с ними.

XV век. Под знаком колдовской ереси

Северные отделения французской инквизиции

До этого момента, говоря о французской инквизиции, мы имели в виду прежде всего деятельность ее отделений, расположенных на юге Франции — то есть там, где Святой Официум, по сути, родился.

А что же происходило все это время на севере страны?

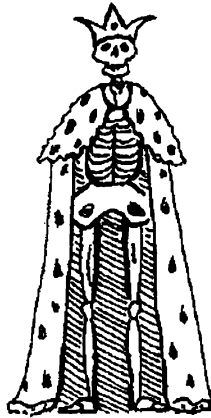
Сведений о деятельности здесь инквизиции, как ни странно, почти нет. Некоторые историки высказываются в том смысле, что инквизиторы сюда не добирались. Даже французский писатель Э.-Л. де Ламот-Лангон, который описывал историю инквизиции в своих мистификациях чуть ли не по годам, отделений инквизиции на севере Франции предпочел не касаться. По мнению И. Р. Григулевича, дело тут в том, что на севере еще в XIII веке «королевская власть взяла под свой контроль деятельность (инквизиции. — *Н. М.*), инквизиторы были подчинены парламентам, высшим королевским судам, к которым со временем перешли полностью функции инквизиторских трибуналов». То есть инквизиция полностью слилась с государственным репрессивным аппаратом.

Иногда отсутствие отчетов северных отделений инквизиции (хотя бы руанского) за XIV век объясняют тем, что они были уничтожены во время эпидемии чумы 1348–1351 годов либо в ходе народных волнений, охвативших Нормандию сначала в 1357 году, а затем попеременно вспыхивающих вплоть до 1382 года. Вдобавок с 1378 года начался Великий западный раскол, приведший к понтификату сразу двух пап,

Урбана VI в Риме и Климента VII в Авиньоне, что вызвало неразбериху в ведении документации.

Как бы то ни было, отрывочные упоминания о деятельности инквизиционного отделения в столице Нормандии Руане начинают появляться лишь по мере приближения к XV веку. Причем ясно, что с каждым годом работы у него было все больше и со временем она распространилась на весьма широкую область — вполне возможно, на всю Нормандию.

Проследить его деятельность в XV столетии уже довольно просто по различным делам. Самым громким из них было дело Жанны д'Арк.

Дело Орлеанской девы

Имя Жанны д'Арк как минимум слышал каждый. Многие знают и ее историю или хотя бы исход этой самой истории — то, что Жанна д'Арк была казнена через сожжение на костре. Произошло это в 1431 году, во время Столетней войны. Перед этим Жанна прошла через допросы инквизиции и была отдана для суда светским властям как еретичка-рецидивистка и колдунья.

Жанна родилась в деревне Домреми (Лотарингия, Восточная Франция). В тринадцать лет она, по ее собственным словам, услышала голоса архангела Михаила и святой Екатерины Александрийской, которые позже иногда являлись ей и в видимом облике. Они открыли Жанне, что ей суждено снять осаду с Орлеана, помочь дофину Карлу (будущему Карлу VII) взойти на французский престол и изгнать захватчиков из Французского королевства. В шестнадцать лет Жанна явилась к капитану города Вокулёр и объявила о предстоящей ей миссии. Ее подняли на смех, но она не успокоилась и через год повторила попытку. На этот раз капитан проникся ее рассказом: он дал ей сопровождающих, чтобы она без помех могла добраться до замка дофина, и снабдил, по ее просьбе, мужской одеждой, поскольку Жанна не хотела вызывать ненужного внимания к себе со стороны солдат.

Столетняя война, идущая с редкими перемириями с 1337 года, истощила Францию к этому времени настолько,

что англичане в союзе с бургундцами захватили бóльшую часть ее территорий. Париж также оказался в их руках, и парижские аристократы вкупе с местным духовенством подчинились захватчикам. До 1422 года правил страной Карл VI, неспроста получивший прозвище Безумный. После перенесенной лихорадки в 1392 году он периодически выходил из себя по поводу и без повода и мог впасть в агрессивное безумие, его раздражали громкие или слишком резкие звуки, он совершал странные движения, которые, как отмечали современники, были «несовместимы с королевским достоинством».

В стране при таком монархе царило уныние, Франция была подавлена, и армия не была исключением. После смерти Карла VI его сын не был коронован и, сохраняя титул дофина, ограничился управлением землями к югу от Луары.

Слава о видениях Жанны опередила ее. Дофин, ждавший чуда, ибо Францию, как казалось всем, могло спасти только чудо, был весьма воодушевлен ее появлением. Девушку тем не менее подвергли допросу советников короля, юристов и богословов на предмет колдовства, а затем и освидетельствованию на предмет девственности. Высокая комиссия была весьма довольна тем, как она ответила на вопросы, а матроны подтвердили ее непорочность. Последний факт был по тем временам удивительным, так как крестьянские девушки довольно рано выходили замуж и становились матерями, и в глазах людей сближал Жанну с Девой Марией.

Вскоре Жанна доказала на деле, что послана самим Богом. Явившись в Орлеан, последний оплот антианглийских сил, уже несколько месяцев находившийся в осаде, она за четыре дня вынудила англичан, находившихся в шаге от окончательной победы, уйти от города. После победы под Орлеаном Жанну повсюду стали называть Орлеанской девой.

Французы вдруг начали одерживать одну победу за другой. Был освобожден Реймс — место традиционной коронации французских королей, и дофин, наконец, смог возложить на себя корону и стать королем Карлом VII. После коронации Жанна убеждала его воспользоваться смятением англичан и начать наступление на Париж, но свежеиспеченный король промедлил. Наступление, правда, с опозданием началось, но

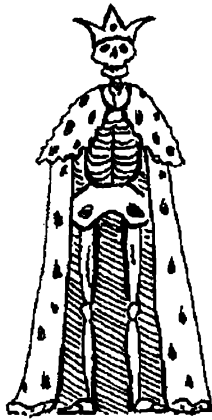
момент был упущен, и столица Франции осталась в руках неприятеля.

Слава и авторитет Орлеанской девы стремительно росли, ее деяния и успех воспринимались всей Францией как благоволение Господне. Англичане и их союзники были с этим, как водится, не согласны, поскольку считали, что Господь на их стороне, а, стало быть, Жанне помогает враг рода человеческого. Жанна была объявлена колдуньей и еретичкой, англичане и бургундцы принялись грозить ей жестокой расправой.

В мае 1430 года Жанна с небольшим отрядом прибыла на помощь Компьену, осажденному бургундцами, и здесь из-за предательства попала в плен. Уже через три дня после ее пленения генеральный викарий инквизиции в Париже Мартин Биллорини потребовал от герцога Бургундского: «Как подлинный католик, вы обязаны выкорчевать ошибки и покончить со скандалами против веры. Между тем из-за действий некоей женщины, именуемой Девственницей, было посеяно изрядно ошибок, вызвавших погибель множества душ. Поэтому данной нам римским Святым престолом властью мы призываем вас, под угрозой применения всех положенных наказаний, препроводить в наше распоряжение указанную пленницу Жанну, решительно подозреваемую в совершении многочисленных еретических преступлений, для привлечения ее к ответственности, как положено»*.

А что же король?

Увы, но слава боготворимой народом Орлеанской девы была ей плохой союзницей. На взгляд Карла VII, Жанна приобрела слишком много веса на политической арене, она превращалась в фигуру потенциально опасную, и ее пленение стало для короля весьма выгодным стечением обстоятельств. Поэтому Карл VII просто сделал вид, что ничего особенного не случилось. Хотя если вспомнить, сколь тесные отношения связывали инквизицию со светскими властями во Франции, то можно предположить, что на того же генерального викария инквизиции Биллорини король имел влияние. При всем том, что, напомним, Париж находился под контролем захватчиков,

* Цит. по: Григулевич И.Р. История инквизиции.

это могло сыграть свою роль, пожелай король спасти Жанну, но Карл VII предпочел наблюдать ситуацию со стороны.

Тем временем англичане, мечтавшие о мести за поражения, начавшиеся с битвы под Орлеаном, выкупили Жанну д'Арк у бургундцев за 10 тысяч ливров. В Париж к генеральному викарию инквизиции ее отсылать не стали, опасаясь, что парижане поднимут бунт и освободят ее (да и в самом Биллорини у англичан уверенности не было), а в конце 1430 года перевезли в Руан, где и состоялся инквизиционный процесс. Всегда отличавшимся своеобразным чувством юмора англичанам весьма импонировала мысль деморализовать своих врагов, низвергнув образ Орлеанской девы с помощью инквизиции в самые глубины ада.

О том, каков был суд, многое скажут некоторые детали биографии епископа Бове Пьера Кошона, которому доверили на нем председательствовать. Он обладал определенным авторитетом в церковных кругах и прежде числился ректором Парижского университета, но также был доверенным лицом и исполнителем особых поручений бургундского герцога Филиппа Доброго. Анонимный автор «Хроники Девы» не без оснований именовал его «ярким сторонником англичан, хоть и французом по рождению». Являясь епископом Бове, Пьер Кошон состоял в английском (sic!) королевском совете и состоял в числе опекунов английского короля Генриха VI, которому к этому времени не исполнилось еще и десяти лет. Появление на политической арене Жанны д'Арк нарушило личные планы амбициозного Кошона. Ему пришлось бежать из Бове, занятого французами, однако епископских полномочий с него не сняли. И инквизиторских полномочий тоже не отобрали, то есть этот человек одновременно выступал и как епископ, и как инквизитор (что лишний раз показывает нам, что не все, кто занял епископскую кафедру, слагали с себя обязанности инквизиторов).

Право Кошона на ведение дела Жанны д'Арк подтвердила коллегия богословов Парижского университета, заседавшая в оккупированной англичанами французской столице. Следовательно, среди церковных иерархов и теологов Париж-

ского университета нашлось немало противников Карла VII и соответственно Жанны д'Арк, приведшей его на трон.

Суд длился пять месяцев, всего в нем участвовало 125 представителей духовенства. Вторым председательствующим был инквизитор Руана доминиканец Жан Леметр. Он всячески пытался уклониться от участия в процессе, но вынужден был подчиниться приказу начальства. По окончании суда он бесследно исчез, и тут можно строить любые версии.

Жанну поместили в башне Руанского замка. Охраняли ее англичане, а допрашивали инквизиторы, применяя все уже перечисленные в предыдущих главах тактики запугивания, угроз, подсаживания сокамерников и унижений; ее опять вынудили пройти процедуру освидетельствования, чтобы доказать, что она девственница.

Поистине удивительным было то, как уверенно держалась неграмотная крестьянка из Лотарингии, не ломаясь под словесными уловками епископа Пьера Кошона и его помощников.

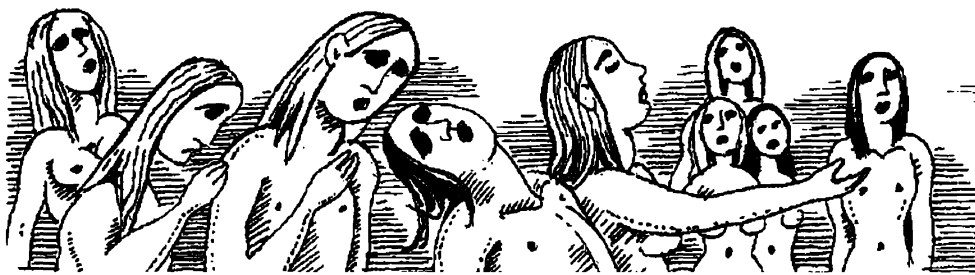
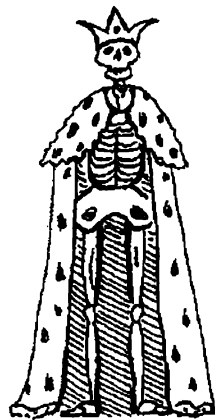
«Считаешь ли ты, что на тебе почиет Божья Благодать?» — спрашивали ее.

«Если на мне нет Благодати, да ниспошлет мне ее Бог; если же есть, да не лишит Он меня этой Благодати!» — отвечала Жанна.

«Как выглядел архангел Михаил, когда он появился перед тобой?» — «Я не видела у него нимба и не знаю, как он был одет». — «Он был голый?» — «Что же вы думаете, нашему Господу не во что его одеть?» — «Были ли у него волосы?» — «А почему же, скажите на милость, его остригли бы?»

23 мая 1431 года были оглашены двенадцать основных «заблуждений» Орлеанской девы:

- Жанна утверждает, что ей являлись ангелы и святые, — это либо выдумки, либо наущения дьявольских духов;
- явление ангела, принесшего корону королю Карлу, — вымысел и посягательство на ангельский чин;
- Жанна считает, что по благому совету можно распознать святых;
- Жанна суеверна и самонадеянна, считая, что может предсказывать будущее и узнавать людей, которых раньше не видела;

- Жанна нарушает божественный закон, нося мужскую одежду;
- Жанна утверждает, что следует воле Божьей, когда призывает убивать врагов;
- Жанна, покинув родной дом, нарушила завет о почитании родителей;
- попытка Жанны бежать, спрыгнув с башни Боревуар, была проявлением отчаяния, ведущим к самоубийству (в истории с неудавшимся побегом Жанны много неясного, что оставляет место для самых разных толкований);
- ссылка Жанны на заверение святых, что она неминуемо попадет в рай, если сохранит девственность, противоречит основам веры;
- утверждение, что святые говорят по-французски, ибо они не на стороне англичан, кощунственно по отношению к святым и нарушает заповедь любви к ближнему;
- Жанна — идолопоклонница, вызывающая демонов;
- Жанна не желает положиться на суд церкви, особенно в вопросах об откровениях.

С аутодафе не тянули — церемония состоялась уже на следующий день в Руане в присутствии высокопоставленных церковных властей и английских чиновников. Возле приготовленного костра Жанне было предложено признать себя виновной и покаяться. И Жанна, до этого стойко отвергавшая все увещания, вдруг заявила, что готова отречься от своих заблуждений, но только если ее переведут в церковную тюрьму, где не будет английских солдат, постоянно присутствующих при ней и не оставлявших ее одну даже ночью в камере. После того, как ей это было обещано, Жанна подписала отречение, тем самым признав среди прочего, что нарушила «божественный закон, святость Писания, канонические права, надевая одежду развратную, неестественную, бесчестную, противоречащую природному приличию и подстригая волосы кругом подобно мужчине, вопреки всякому приличию женского пола». После этого Кошон огласил приговор: вечное заточение «на хлебе страдания и воде скорби».

Но если для инквизиции покаяние Жанны д'Арк уже стало победой, то англичане жаждали кровавой мести. Они доби-

лись того, что данное Жанне обещание выполнено не было: ее вновь вернули в ту же камеру под надзор английских солдат. Теперь оставалось только спровоцировать ее на нарушение какого-либо пункта отречения и, значит, обречь на казнь.

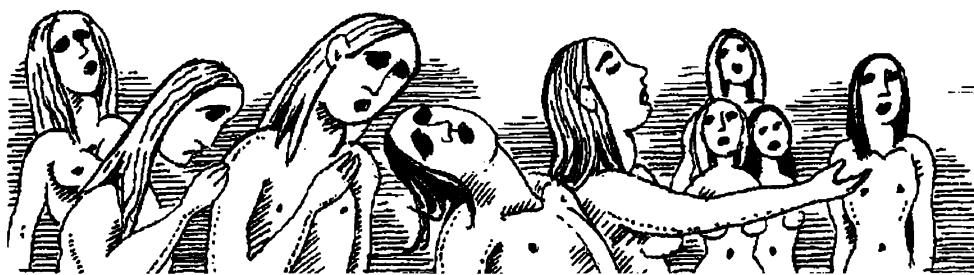
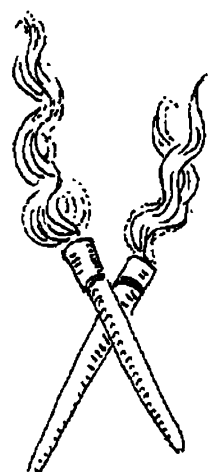
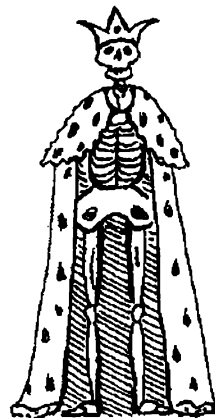
Вечером Кошон и Леметр явились в камеру Жанны и потребовали, чтобы она переделась в женское платье. Жанна подчинилась. Инквизиторы одобрили ее сговорчивость, но мужскую одежду, которую она сняла, почему-то из камеры не унесли. Возможно, это было частью плана, который задумали хитроумные англичане. Когда инквизиторы ушли, солдаты стали угрожать пленнице изнасилованием, и она вновь надела мужскую одежду, видя в этом защиту (признаюсь, весьма слабую). Так, во всяком случае, описывает происходившее доминиканец Мартен Лавеню, который был исповедником Жанны, а спустя годы в качестве свидетеля участвовал в процессе, посвященном пересмотру ее дела.

Когда инквизиторы посетили ее на следующий день, Жанна заявила им: «Я не совершила ничего греховного против Бога или против веры. Я буду, если вы желаете, снова носить женское платье, но во всем остальном — я останусь прежней». Рецидив был налицо. С этого момента спасти Жанну уже ничего не могло.

На заседании суда 29 мая 1431 года судьи подтвердили факт рецидива ереси и постановили передать Жанну светскому правосудию. На следующий день на площади Старого Рынка в Руане был оглашен смертный приговор, и вслед за этим последовала казнь.

О том, как вела себя сторающая заживо Орлеанская дева, показания свидетелей расходятся. Сторонники утверждают, что она мужественно взошла на костер, противники говорят, что она вела себя как жалкая вероотступница: плакала, кричала и молила о пощаде. Но все присутствующие понимали, что Жанна д'Арк погибает невиновной.

В 1452 году Карл VII велел собрать и изучить документы, относящиеся к процессу по делу Жанны, решив с опозданием снять ярлык колдуньи и еретички с той, которая помогла ему стать королем и ради освобождения которой из плена он не пошевелил и пальцем. Проведенное следствие при-

шло к выводу, что Жанну осудили незаконно. Но потребовалось еще три года, чтобы папа Каликст III распорядился организовать новый процесс, и еще год, чтобы был вынесен оправдательный вердикт.

Разгул колдовства в XV веке

Люди Средневековья верили в магию, не сомневались в ее действенности и далеко не обязательно связывали ее с силами зла. «По салическому закону^{*}, магия в преступление не вменялась, и никаких кар закон против нее не заключал. В позднейших списках этого закона упоминаются лишь денежные пени, налагаемые на тех, кто изобличался в околдовании людей; правда, если последствием колдовства являлась смерть его жертвы, то виновный сжигался живьем. В законах времен Карла Великого убийство посредством колдовства приравнивается ко всякому другому душегубству и наказуется в тех же мерах. Прочие своды законов того времени о колдовстве совсем умалчивают» (М. Орлов. «История сношения человека с дьяволом»).

То есть преследование колдовства существовало задолго до инквизиции, но определение того, что есть «полезная» магия, а что зловредное колдовство, всегда было тонким и неоднозначным процессом. Отношение духовенства к колдовству менялось на протяжении истории неоднократно, и серьезно оно воспринималось им далеко не всегда. Еще в XI веке папа Григорий VII порицал множество суеверий, выросших вокруг колдовства, и явно относился к нему скептически. С другой стороны, простой народ нередко устраивал самосуд над теми, кого считал повинными в колдовстве. Возможно, людям было проще обвинить в природных бедах какую-нибудь колдунью, чем принять утверждение церкви, что бури, голод и болезни посылаются роду человеческому в качестве Божьего наказа-

^{*} Салический закон, или Салическая правда (нач. VI века), — свод обычного права германского племени салических франков, один из наиболее ранних и обширных варварских кодексов.

ния. В различных странах мира задолго до учреждения инквизиционных трибуналов бывали случаи, когда обвиненную в бедах (голоде, засухе, болезнях) той или иной деревни ведьму (или колдуна) вытаскивали всем честным народом на площадь, мучили, до смерти избивали, а то и сжигали на костре.

Впрочем, нельзя ни в коем случае утверждать, что церковь в доинквизиционный период относилась к колдовству разумно и рационально: одни явления церковники объявляли карой Божьей, другие объясняли магическими действиями — часто в зависимости от того, какой из вариантов виделся им в данный момент предпочтительнее. Нередки были случаи, когда пастыри верили в колдунов столь же простодушно, как и их паства, и обрушивались на них с церковными карами. В том же XI веке епископам предписывалось налагать суровые епитимьи за колдовство и подробно расспрашивать о способах его применения.

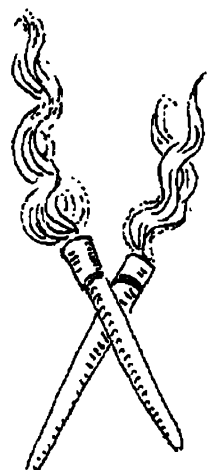
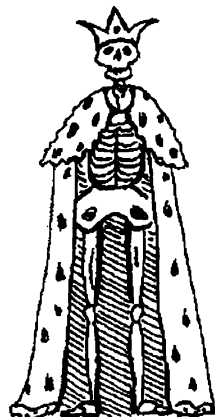
После учреждения инквизиционных трибуналов постепенно начало формироваться особое отношение инквизиции к ведьмам и колдунам — как минимум, потому что доносчики нередко упоминали в своих сообщениях о магии и колдовстве. Позднее возникла определенная нормативная база, на которую следователи инквизиции опирались в делах, связанных с обвинениями в ведовстве и магии. Нормы эти менялись и по-своему совершенствовались на протяжении нескольких веков.

Можно выделить основные вехи на этом пути.

В 1258 и 1260 годах папа Александр IV в буллах, адресованных орденам доминиканцев и францисканцев, предупредил о необходимости различать несхожие между собой разновидности колдовства:

- колдовство как предрассудок и мошенничество;
- колдовство как ересь, то есть искажение католической догмы и ритуала.

«Классическими примерами ранних “колдовских судов” могут быть расследования в отношении князя Ульмского (в 1308 году в Париже) и епископа Кагорского Гуго Жеро (в 1317 году в Авиньоне). В первом случае обвиняемый пытался путем колдовства и отравления избавиться от опосты-

левой супруги, что в конечном счете привело любовницу князя и колдунью, готовившую яд, на костер... Во втором случае осужденный епископ предпринял попытку умерщвления посредством колдовства папы римского Иоанна XXII и некоторых лиц из его окружения. Кстати, процесс Гуго Жеро был не инквизиционным; епископа судила коллегия кардиналов. В обоих случаях, как и во многих других «колдовских процессах» того времени, обвинение выглядит достаточно обоснованным. Если бы в наше время кто-то вздумал повторять подобные эксперименты, то такого «колдуна» тоже отправили бы за решетку» (А.И. Ракитин. «Загадочные преступления прошлого»).

В 1437 году папа Евгений IV издал буллу, адресованную инквизиционным трибуналам, в которой квалифицировал колдовство как разновидность ереси.

В 1478 году папа Сикст IV отнес к ереси «черную» магию.

В 1500 году папа Александр VI в своей булле впервые упомянул о реальности перемещений по воздуху ведьм и колдунов и допустил возможность «шабаша».

Таким образом, до XV столетия гонения на ведьм и колдунов со стороны инквизиции носили ограниченный характер — инквизиция интересовалась ими лишь тогда, когда усматривала в их действиях ересь*. Светская же власть и вовсе обращала на них внимание только в тех случаях, когда они проходили по уголовным делам.

Но затем колдовство и ведовство сами по себе стали считаться ересью, а за сомнения в том, что ведьмы способны по воздуху перемещаться на шабашах, можно было серьезно

* Из письма папы Александра IV, направленного инквизиторам в 1260 году, ясно следует отношение понтифика к охоте на ведьм: «Порученное вам дело веры настолько важно, что не следует отвлекаться от него преследованием другого рода преступлений. Поэтому дела о гаданье и колдовстве надобно вести инквизиционным порядком только в тех случаях, когда они определенно отзываются ересью». Только к середине XIV века все чаще стали звучать обвинения в колдовстве, но лишь с выходом «Молота ведьм» (1487) охота на ведьм развернулась во всю ширь. Причем «Молот ведьм» к этой охоте подстегнул, скорее, светскую власть, нежели инквизицию.

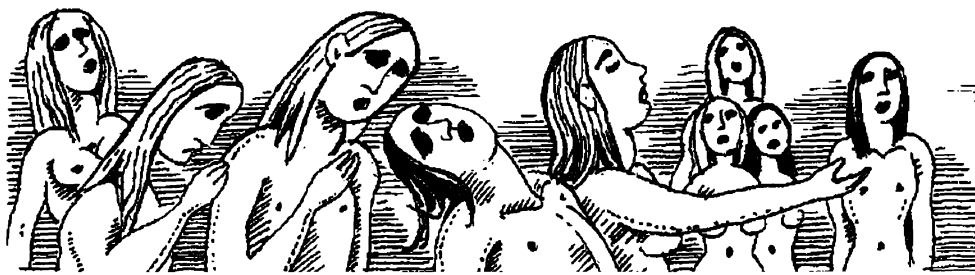
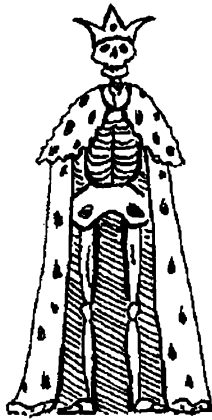
пострадать. В 1453 году Вильгельма Эделина, настоятеля монастыря Клерво, привлекли к суду за то, что в своих проповедях он отрицал полет ведьм на поленьях, метлах, помелах и палках. Заметим, что произошло это почти за полвека до только что упомянутой буллы Александра VI, из чего можно сделать вывод, что папа всего лишь узаконил борьбу, которую давно уже вели на местах.

Эделину вменили в вину, что проповеди внушались ему дьяволом. На допросе, который вел следователь Святого Официума Ролан Лекози, Эделин во всем сознался, а также сообщил, что прибегнул к содействию дьявола, чтобы досадить своему неприятелю. Сатана якобы пригласил Эделина на шабаш, поставив перед ним в качестве условия своей помощи отречение от Бога и христианской веры и т. п. Эделин согласился и сделал все, что просил дьявол. После этого дьявол несколько раз являлся к Эделину в разных обличьях, склонял его ко всякого рода непристойностям и поставил перед ним задачу проповедовать людям о том, что колдовство и ведовство — не более чем вымысел. «По разумению дьявола», такая позиция должна была искоренить из людей страх перед колдовством и наделить смелостью любопытных, тем самым привлекая на сторону зла все больше адептов. Суд, на котором председательствовал епископ Эврё Гийом Дефлок, признал Эделина виновным и приговорил к пожизненному тюремному заключению на хлебе и воде.

«Якшавшийся с сатаной колдун» продержался в условиях этого режима четыре года. В 1457 году тюремщик нашел Эделина мертвым — как утверждается, тело находилось в молитвенной позе.

Дело Эделина было только одной из «первых ласточек». Вторая половина XV столетия почти во всей Европе отмечена процессами против колдунов и ведьм. Франция не стала исключением. Особенно ожесточенные формы гонения приняла на юго-востоке страны.

Удивительно, однако, то, что с ростом гонений на колдунов интерес к ведовству у простого люда Франции не угасал. Связано это было среди прочего и с тем, что инквизиция, начав жестоко преследовать колдунов после папских булл 1437

и 1478 годов, по сути, открыто признала их силу. Как пишет М. Орлов, «иному нищему мужику, бабе, поденщику было и лестно, и в то же время выгодно сделаться, то есть прослыть колдуном или ведьмой; он становился предметом боязни, его старались задобрить, к его услугам прибегали в болезнях, пропажах, при разделке с недругами, при затруднениях по любовной части, а все это хорошо оплачивалось. А народ обращался к колдунам с величайшей охотой во всяком таком случае, где, по его представлению, пахло чертовщиной, зная, что духовенство в этих случаях далеко не располагает всегда и во всех случаях действительными средствами для борьбы со злом». Орлов приводит в пример процесс в Нормандии в 1455 году, основной фигурант которого некий Югенен, по его собственным показаниям, принадлежал к семейству, уже сорок лет рождавшему ведьм и колдунов.

К концу XV столетия у служителей церкви окончательно сформировалось резко негативное и агрессивное отношение к ведовству, даже к еретикам некоторые инквизиторы относились более снисходительно. Случалось и такое, что теперь, наоборот, уже еретиков приравнивали к ведьмам и колдунам, тем самым усугубляя тяжесть их преступления. Началась настоящая истерия, протянувшаяся почти на три столетия.

Malleus Maleficarum.

Так ли страшен черт, как его малюют?

О «Молоте ведьм» слышал, должно быть, каждый. Вокруг этой книги построено великое множество легенд и мифов, которые множатся и претерпевают изменения по сей день. Что же это за зверь такой — «Молот ведьм»?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется ненадолго отправиться на родину «Молота ведьм», в Германию.

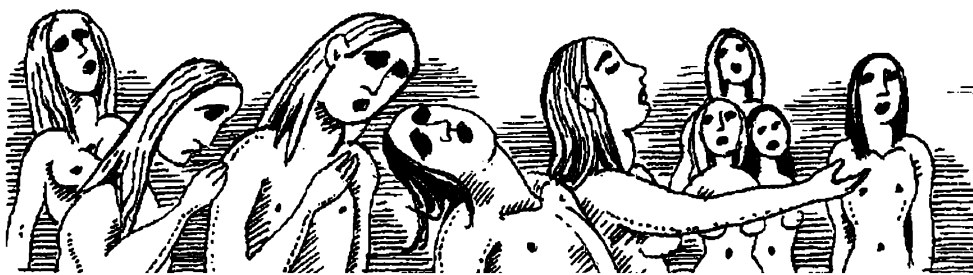
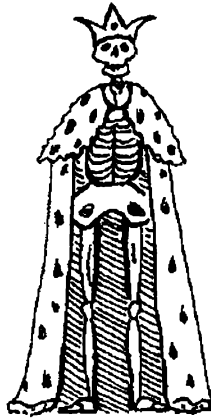
Завершенный в 1486-м и изданный в 1487 году этот труд принадлежит перу — точнее, перьям, ибо авторов было двое — инквизиторов, членов доминиканского ордена Якоба Шпренгера и Генриха Крамера (он же Генрикус Инсти-тор).

Генрих Крамер с самого начала своего теологического пути, который начался в 1445 году, слыл фигурой неоднозначной. Он был смел на околополитические выпады и, как бы сказали об этом в наше время, скандально известен. Например, в 1474 году он прочел проповедь, пронизанную нескрываемой антипатией к королю Германии Фридриху III, за что побывал под арестом. Позже, в 1482 году, он снова угодил в тюрьму — на этот раз за растрату денег, полученных от продажи индульгенций, но вскоре был освобожден, оправдан и восстановлен во всех правах.

Место инквизитора Крамер выхлопотал себе в 1479 году после недолгого пребывания в Риме. Тогда же он провел свое первое расследование в итальянском городке Триенте по делу об убийстве двухлетнего мальчика и пришел к выводу, что оно совершено в ритуальных целях девятью иудеями. Обвиненные в человеческих жертвоприношениях, каннибализме и совершении темных ритуалов, они были переданы светскому суду для осуществления смертного приговора. Уже с этого момента прослеживается крутой нрав Крамера и его желание быстро и решительно расправляться с еретиками, особенно если в их действиях замечен ритуально-колдовской подтекст.

В 1482 году он становится настоятелем доминиканского монастыря в своем родном городе Шлеттштадте (ныне Селеста́ на северо-востоке Франции) и сохраняет при этом должность инквизитора. В 1484 году он председательствует на суде в Равенсбурге и приговаривает к сожжению двух женщин, обвиненных в ведовстве. Тогда же он составляет для папы Иннокентия VIII текст буллы «*Summis desiderantes affectibus*», которая в подкрепление папских булл 1437 и 1478 годов обязывала власти германских государств помогать инквизиции в борьбе с ведьмами.

Современники отмечают, что Крамер был настоящим фанатиком, но славы жаждал ничуть не меньше, чем победы над ересью. При этом он слыл женоненавистником, поскольку уже в самом существовании женщин видел мерзость. Он преследовал их с параноидальным упорством, как только мог и где только мог. Явившись в Бриксенское епископство (тогда суверенное образование в составе Священной Римской

империи, ныне территория Австрии), он устроил в Инсбруке процесс, на котором планировал обвинить десятки женщин. Но это вызвало столь явное противодействие горожан, что местный епископ, испугавшись бунта, потребовал, чтобы он покинул город.

Крамер вынужден был подчиниться, но, чтобы оправдать свои действия, приступил к написанию «Молота ведьм». Таким образом, бóльшая часть этого труда принадлежит именно ему.

Что до Якоба Шпренгера, то о нем до нас дошло не так уж много сведений. Известно, что он был деканом Кёльнского университета, профессором теологии и демонологом. Судя по всему, он ограничился сочинением «Апологии» — пролога к «Молоту ведьм», а в остальном отвечал скорее за продвижение книги «в массы», поскольку обладал большим количеством влиятельных знакомых.

Кстати, заботился Шпренгер прежде всего о положительных отзывах в отношении «Апологии», а то, как будет воспринят основной текст, его не особенно волновало. Это, собственно, и понятно. В сферу «научных интересов» Шпренгера входило разъяснение сомнений, которые существовали вокруг магии. Он горел желанием основательно теоретизировать данный вопрос и донести свои воззрения до людей, чем и занимался в «Апологии».

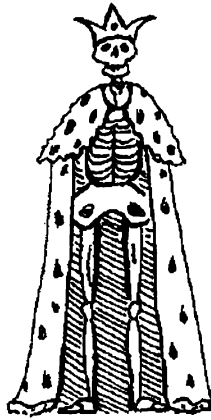
Что же касается основной части «Молота ведьм», которая была написана Крамером, то это, по сути, руководство по распознаванию дьявольских методов и советы, каким образом избежать их воздействия. Все это густо приправлено описанием многочисленных случаев из практики инквизиции, собственными измышлениями и свидетельствами «очевидцев». В завершение приведены формальные правила для возбуждения судебного иска против ведьмы, обеспечения ее осуждения и вынесения приговора, причем о пытках нет ни слова.

Признаться, по части содержательности наставления, которые Крамер дает дознавателям, значительно уступают тем, что они могли найти у Бернара Ги или даже у Николаса Эймерика. Так что вряд ли ему удалось удивить выдавших виды следователей Святого Официума.

Таким образом, особое место «Молота ведьм» среди трудов подобного рода в гонениях на ведьм определяется не столько его содержанием, сколько тем, что он вышел весьма вовремя. И не случайно прологу в нем предшествовала та самая булла «Summis desiderantes affectibus» Иннокентия VIII, к сочинению которой приложил руку Крамер. Если публикация «Молота ведьм» была, возможно, личным делом авторов, то распространение его уже превратилось в дело общецерковное.

К слову, во Франции процессы инквизиции против колдунов и ведьм начались еще до выхода в свет труда Крамера и Шпренгера.

Если же говорить о влиянии «Молота ведьм», то стоит отметить, что ему подверглись не столько инквизиторы, сколько светские власти. Собственно, к ним и был обращен призыв авторов никоим образом не только не препятствовать, но и споспешествовать судам над ведьмами. И за ничтожным исключением светские власти ответили на этот призыв положительно, даже с энтузиазмом. Они ничего против этих судов не имели, тем более что по-прежнему им доставалась часть конфискованного имущества осужденных. Для многих из них «Молот ведьм» сделался настольной книгой и часто использовался как истина в последней инстанции; к ней обращались, если возникало сомнение в том, «достаточно ли колдовское» дело передано инквизицией светскому суду.

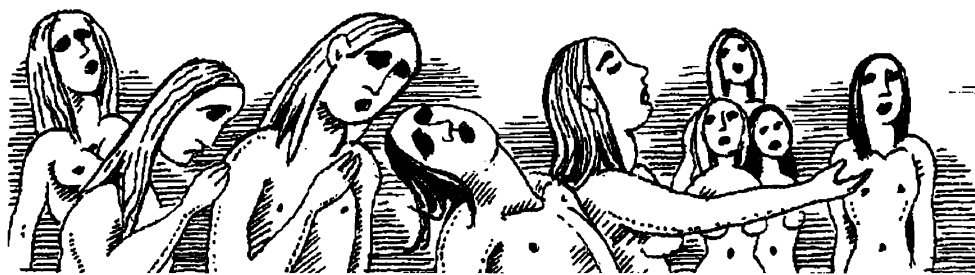

XVI век. Великая Реформация

Гугеноты как новый объект гонений

XVI век ознаменовался Реформацией — охватившим Европу широким движением, направленным на глубокие преобразования в католической церкви. Историки отмечают, что анализировать французскую Реформацию даже сложнее, чем немецкую, так как в ней сложно переплелись религиозные и политические мотивы.

К началу XVI века католическая церковь заметно отделилась от изначального, апостольского христианства, что часто

отмечали различные слои общества. В XII — XIII веках похожее отношение к церкви привело к возникновению ересей катаров и вальденсов. В XVI веке на передовую арену вышли протестанты, ставшие новыми противниками для постепенно отмирающей французской инквизиции.

Почему отмирающей? Дело в том, что в начале существования инквизиции именно во Франции (главным образом в ее южных регионах) по еретикам был нанесен массивный удар, призванный устранить угрозу для католической церкви, которую видели в катарах, вальденсах и сочувствующих их ересях. Инквизиторы поработали на славу, и так хорошо, что надобность в них фактически отпала, хотя, разумеется, в связи с этим деятельность Святого Официума во Франции не прекратили. Во-первых, потому что локальные вспышки ереси еще случались, и, во-вторых, потому что у людей сохранялся страх перед инквизицией, а страх — неплохое средство контроля населения. Можно отметить, пожалуй, лишь то, что инквизиторские функции по большей части передали епископам и активировались эти самые функции по требованию короля или понтифика.

В XVI веке Францию терзали война за войной. Все началось еще в предыдущем веке, когда она вступила в борьбу с Испанией за Италию. В дележ итальянского пирога ввязались также Священная Римская империя и другие государства Западной Европы. Начались бесчисленные войны — несколько так называемых Итальянских, Война Камбрейской лиги, Война Коньякской лиги, четыре войны Франциска I и Карла V... Завершились они Като-Камбрезийским миром только в 1559 году. Святой престол во время этих войн попеременно менял свои приоритеты, отдавая предпочтение и одобряя действия то французов, то испанцев.

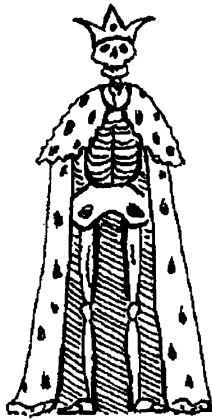
А так как человеческое сознание в любых беспокойных условиях способно порождать революционные мысли, то можно себе представить, как много этих мыслей скопилось у христиан XVI века. Проблема заключалась в том, что «за распрями ревнителю веры было почти позабыто нравственное содержание христианства... Старое обветшалое здание государства, расшатанное изнутри борьбой религиозных не-

согласий, было бессильно дать кров и защиту своим чадам... Ощущение непрочности всех существующих устоев, мрачное предчувствие грядущих страшных событий возбуждали кругом глухое брожение умов» (Г. Шустер «История тайных обществ, союзов и орденов»).

Деятельность церкви давала к этому немало поводов. Особенно сильны антицерковные настроения были в Германии, где недовольны церковью были практически все сословия, и прежде всего крестьяне и ремесленники: первых разоряла церковная десятина, а продукция ремесленников проигрывала конкуренцию не облагаемой налогом продукции монастырей. Все это, а также огромные суммы денег, которые Ватикан вывозил из Германии, и моральное разложение духовенства, не могло не вызвать противодействия.

18 октября 1517 года папа Лев X выпустил буллу об отпущении грехов и продаже индульгенций в целях «Оказания содействия построению храма св. Петра и спасения душ христианского мира». Менее чем через две недели после этого немецкий богослов Мартин Лютер сформулировал свои «95 тезисов» и отправил их письмом к архиепископу Майнцскому (по легенде: прибил к дверям виттенбергской Замоквой церкви). В них он выступил против продажи индульгенций и власти папы над отпущением грехов. Эти идеи упали на благодатную почву и довольно быстро обрели в Германии множество сторонников, гонения против которых не замедлили себя ждать.

Во Франции, где сложилась сильная королевская власть, ситуация была несколько иной, поскольку католическая церковь здесь была ограничена в своих претензиях. Однако и сюда проникли идеи Реформации, приобретя свой, французский колорит. Так, «уже в 1520 году в небольшом городе Мо на реке Марне, поблизости от Парижа, существовала группа богословов-радикалов, которые переводили Новый Завет и преподавали вызывавшее тревогу учение. Правительственные борцы с ересью вскоре разогнали этих несчастных вольнодумцев» (У.С. Дэвис. «История Франции с древнейших времен до Версальского договора»).

Вскоре во Франции появились и собственные теоретики протестантизма — Жак Лефевр, Жерар Руссель* и Гийом Фарель. Им обязаны возникновением первые гугенотские общины, которые существовали под покровительством Маргариты Наваррской, сестры французского короля Франциска I. Изначально, кстати, слово «гугенот» употреблялось применительно к протестантам их противниками в оскорбительном, насмешливом ключе. Оно произошло от слова «гуго» — пренебрежительного прозвища швейцарцев, но со временем, когда Реформация распространилась во Франции, оно прижилось и среди самих французских протестантов.

Святой престол, когда понял, сколь опасны для него протестанты, решил применить в борьбе с ними проверенный метод и натравил на них инквизицию. Из инквизиции попытались сделать даже более действенное орудие, чем она была прежде. «21 июля 1542 г. папа Павел III учредил буллой “Licet ab inicio” “священную конгрегацию римской и вселенской инквизиции, ее священное судилище” с правом действия “во всем христианском мире, по сю и по ту сторону гор” (Альп. — Н. М.), во всей Италии, и подчиненную римской курии» (И.Р. Григулевич).

Светские власти тоже не дремали, и если вести речь о Франции, даже трудно сказать, кто нанес протестантам больший урон — они или инквизиция. Сначала — после периода относительной веротерпимости — король Франциск I приказал конфисковать все протестантские сочинения и запретил гугенотам под угрозой смертной казни устраивать свои богослужения. Затем, в 1555 году, король Генрих II

* Судьба Жерара Русселя (1500—1550) весьма показательна. Будучи духовником Маргариты Наваррской и оставаясь формально католиком, он склонился к Реформации, поскольку она звала к «исправлению жизни посредством живой и теплой веры, которая восстанавливает сердца и порождает милосердие». В Риме на это поначалу смотрели сквозь пальцы, и в 1536 году Руссель получил епископский сан. Но постепенно отношение к нему стало меняться, в том числе и со стороны папства. Один из прихожан подрубил кафедру, Руссель упал с высоты и вскоре умер. Местный суд оправдал его убийцу, а затем и Рим сделал красноречивый жест, назначив сына убийцы «в награду за благочестивое и прекрасное деяние отца» на место Русселя.

издал эдикт, который грозил гугенотам сожжением. При Франциске II, в 1559 году, была учреждена особая комиссия — «Огненная палата», следившая за исполнением эдиктов о еретиках.

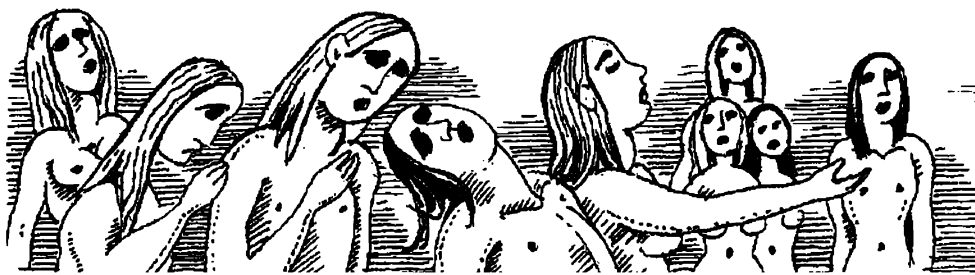
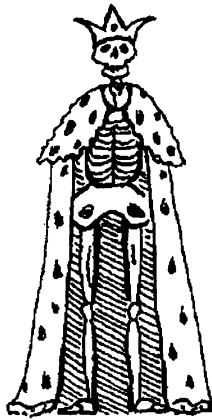
Однако несмотря на драконовские меры, к середине XVI века во Франции существовало почти 5 тысяч гугенотских общин. Точнее их следует называть кальвинистскими, поскольку наибольшую популярность среди французских протестантов приобрело учение Жана Кальвина. Первое издание его труда «Наставления в христианской вере» датируется 1536 годом. Если Мартин Лютер действовал по принципу «убрать из церкви все, что явно противоречит Библии», то Кальвин пошел дальше — он убрал из церкви все, что в Библии не требуется. Кальвинизм характеризуется склонностью к рационализму и недоверием к мистицизму.

Тут надо заметить, что Кальвин и его сторонники действовали в отношении своих противников столь же жестоко, как и католическая церковь. В Женеве, где они захватили власть, только в 1546 году было вынесено 58 смертных приговоров. Особенно поражает расправа над личным врагом Кальвина антитринитарием* Мигелем Серветом, которого заживо сожгли на медленном огне. Так что слухи, которые католики распространяли о зверствах протестантов, тоже выросли не на пустом месте.

По мере того, как кальвинизм укреплял свои позиции, противодействие ему католической церкви росло. Все это вылилось в серию гражданских войн между католиками и гугенотами. «Боевые действия велись беспорядочно — то в одном месте, то в другом, почти во всех частях Франции, где гугенотам удавалось создать себе хотя бы несколько опорных пунктов» (У.С. Дэвис).

Одним из самых громких событий религиозных войн была резня в Варфоломеевскую ночь (с 23 на 24 августа 1572 года), когда в одном только Париже было убито около 2 тысяч гугенотов, а во всей Франции — более 20 тысяч. И.Р. Григулевич

* Антитринитаризм — общее название течений в христианстве, основанных на вере в Единого Бога и отвергающих Троицу.

в своей «Истории инквизиции» в привычном для него обличительном тоне сначала высказывается о том, как папская инквизиция вдохновляла людей на религиозные войны, а после упоминает Варфоломеевскую ночь, создавая впечатление, что инквизиция повинна в ней больше кого-либо другого.

Однако к Варфоломеевской ночи инквизиция не имела никакого отношения. Массовая резня была спровоцирована даже не папой римским, она была санкционирована французским королем Карлом IX и его матерью Екатериной Медичи и носила, скорее, политический, нежели религиозный характер. Впрочем, во Франции религия и политика были переплетены в столь тесный клубок, что при натяжении одной нити сразу натягивалась и вторая.

Игнатий Лойола как мессия контрреформации

Важным этапом и для инквизиции, и для католицизма в целом было появление на исторической арене детища Игнатия де Лойолы — ордена иезуитов, или Общества Иисуса. Иезуиты сыграли в XVI — XVII веках самую активную роль в контрреформации, то есть в движении, ставящем своей целью восстановление престижа и авторитета католической церкви в христианском мире.

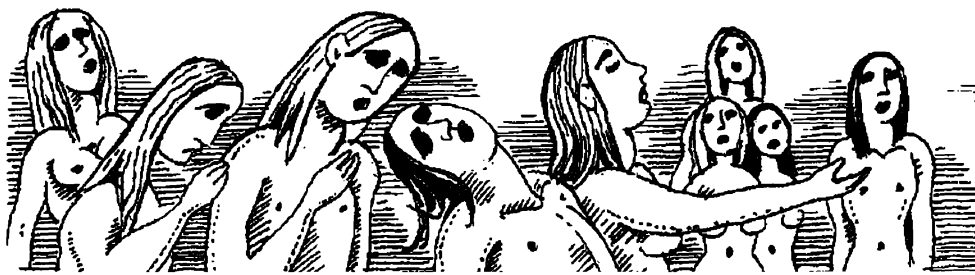
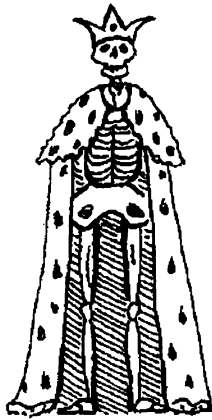
Игнатий Лойола изначально не собирался становиться церковным деятелем — свой жизненный путь он собирался связать с воинской службой и даже начал делать военную карьеру, но был вынужден ее оставить. В 1521 году во время итальянских войн Лойола участвовал в обороне Памплоны, осаждаемой французскими и наваррскими войсками. Как он позже рассказывал сам, «приступ длился уже порядочное время, когда я был задет снарядом, который проскочил между моими ногами и ранил одну и сломал другую». Это ранение, после которого Лойола так до конца и не восстановился, повернуло его судьбу в совершенно ином направлении.

Находясь на лечении в фамильном замке и борясь за жизнь после нескольких мучительных операций, Лойола в конце

концов начал выздоравливать и думал, как бы скоротать время. Он хотел погрузиться в чтение рыцарских романов, однако таковых в замке не оказалось, но религиозная литература — «Жизнь Иисуса Христа» и «Жития святых» — в наличии имелась. Выбирать не приходилось, и Лойола погрузился в изучение религиозных книг. Религия увлекла его настолько, что он задумал, когда поправит здоровье, совершить паломничество в Иерусалим. И через год осуществил это намерение, несмотря на все трудности такого путешествия.

Современники вспоминали Лойолу как человека, который горел религиозным пылом, а в своих проповедях был искренен до фанатизма. Вскоре после возвращения со Святой земли в Испанию эти проповеди стали причиной разбирательства в местной инквизиции, куда на Лойолу поступил донос. «В апреле 1527 года инквизиция даже посадила Игнатия в тюрьму, намереваясь возбудить против него формальный процесс по обвинению в ереси. Следствие заинтересовалось не только странными явлениями, которые имели место среди благочестивых последовательниц Лойолы, но и своеобразными утверждениями обвиняемого о чудодейственной силе, которую сообщает ему его целомудрие, и его странными теориями о различии между смертными и искупимыми грехами, которые, кстати, обнаруживают поразительное сходство с известными определениями иезуитских моралистов позднейшей эпохи» (Г. Бёмер. «История ордена иезуитов»). Ему вынесли приговор, запрещающий проповедовать под страхом отлучения от церкви; затем, правда, церковный суд полностью его реабилитировал. Но проведший 42 дня в заключении Лойола решил более не оставаться в Испании и отправился в Париж, где, как считается, и основал в 1534 году орден иезуитов.

Изначально это было обычное студенческое общество, в которое входили семеро друзей-единомышленников, давших обеты нестяжания, целомудрия и миссионерства в Святой земле. В случае невозможности выполнения последнего обета до наступления 1538 года было решено отправиться в Рим и предоставить себя в распоряжение Святого престола.

Что удивительно, в Париже на неистового проповедника снова донесли — сначала высшим чинам Парижского университета, где он приступил к обучению, а затем и инквизиции — уже французской. Последовала новая серия допросов, однако и на этот раз Лойола вышел сухим из воды.

Тем временем из-за войны Венеции с Турцией путь в Палестину оказался перекрыт, и не сумевшие добраться до Святой земли Лойола со товарищи, выполняя обет, явились в Рим. Здесь в 1539 году Игнатий добился аудиенции у папы Павла III и представил ему проект устава Общества Иисуса, где в дополнение к трем стандартным обетам послушания, целомудрия и нестяжания был добавлен четвертый: обет непосредственного послушания самому папе. Это не могло не понравиться понтифику, и 27 сентября 1540 года устав нового ордена был утвержден папской буллой «*Regimini militantis ecclesiae*».

«Лойола вопрошал: “Лютер требует реформы церкви?” И отвечив: “Отлично, мы ему противопоставим нашу контрреформу. Враги истинной веры противопоставляют науку церкви? Хорошо, церковники в ответ сами станут заниматься наукой, которая как была, так и останется служанкой богословия. Слуги дьявола хотят просвещения? Прекрасно, иезуиты откроют школы и университеты, которые будут служить церкви. Наши противники просят книг? Превосходно, они их получают, но это будут книги, в которых будет низвергаться ересь и прочая крамола”» (И.Р. Григулевич).

Именно по совету Лойолы Павел III решил учредить в 1542 году папскую инквизицию, которая получила право проводить следствие и над церковными чинами, и над еретиками, и над простыми верующими. При этом сам основатель ордена иезуитов тоже не собирался стоять в стороне и молча смотреть, как Реформация охватывает католический мир. По большому счету, иезуиты на пару со священной конгрегацией римской и вселенской инквизиции стали основными орудиями папского престола, с помощью которого понтифики боролись с ересями.

На волнах Реформации — в натурфилософию

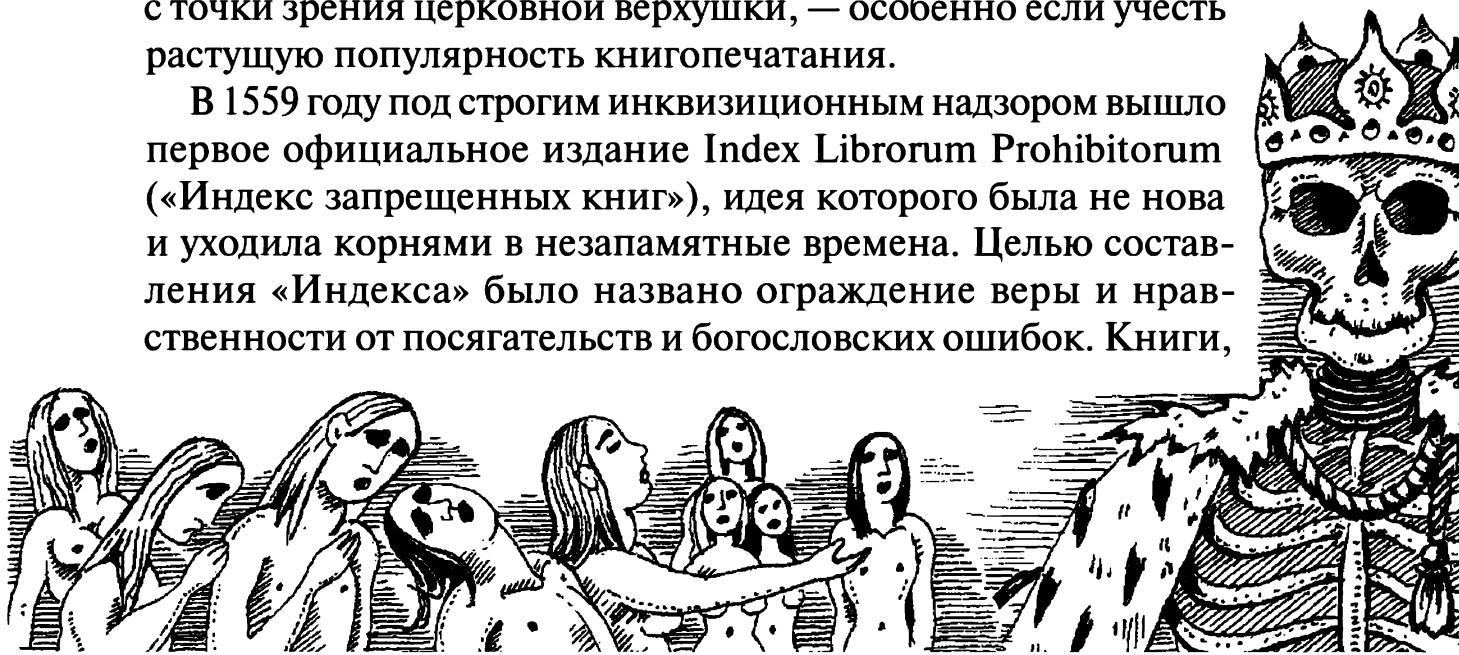
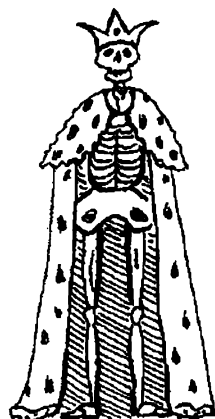
Как водится, в периоды, когда религия приносит людским душам боль и страдание, а верить во что-то хочется и надо, ум побуждает своих носителей обратиться или к мистике, или к науке. XVI век характеризуется тем, что разочарованные правящей католической верхушкой и погружившиеся с головой в болезненный поиск веры люди обратились к натурфилософии.

Безусловно, свою роль здесь сыграли и инквизиционное преследование Галилео Галилея и чуть позже (в начале XVII века) осуждение труда Николая Коперника «Об обращении небесных тел». Едва ли не все, что осуждалось церковными иерархами, вызывало бурный интерес у населения христианского мира. Воистину черный пиар был лучшим пиаром во все времена!

Натурфилософия ставила «мудрость выше знания и науки, а чувство гуманности, дух прощения, сострадание любви, добродетели, имеющие своим источником мудрость, — выше веры, предписанной церковью с ее окостеневшим в бездушном формализме учением. Таким образом, свою жизненную задачу натурфилософы видели в том, чтобы обратить на пользу воспитания человека всю совокупность человеческого знания, “всемудрость”, чтобы вести род человеческий культом всеобщего просвещения к высшей ступени развития, к той безмятежности духа, которая возвышается над всеми заботами будничной жизни» (Г. Шустер).

При этом труды натурфилософов были пронизаны глубокой религиозностью, что автоматически делало их опасными с точки зрения церковной верхушки, — особенно если учесть растущую популярность книгопечатания.

В 1559 году под строгим инквизиционным надзором вышло первое официальное издание *Index Librorum Prohibitorum* («Индекс запрещенных книг»), идея которого была не нова и уходила корнями в незапамятные времена. Целью составления «Индекса» было названо ограждение веры и нравственности от посягательств и богословских ошибок. Книги,

прошедшие цензуру, печатались с грифом *Nihil obstat* («Никаких препятствий») и *Imprimatur* («Да будет напечатано») на титульном листе.

Неугодные церкви сочинения и прежде подвергались либо политической, либо церковной цензуре. Но с 1559 года эта практика была поставлена на поток.

В 1572 году была сформирована специальная конгрегация, которой вменили в обязанность выявлять запрещенную литературу, вносить дополнения в новые издания «Индекса», а также давать указания по исправлениям в случаях, если книгу в целом можно было не запрещать, но требовалось внести в нее какие-либо изменения.

Во Франции «Индекс запрещенных книг» применялся неукоснительно на протяжении всего периода его существования. Среди книг, с которыми боролась инквизиция, можно встретить не только труды Жана Кальвина, Рене Декарта, Шарля Монтескье, Николя Мальбранша, Вольтера, Жан-Жака Руссо, но и, скажем, сочинения Оноре де Бальзака, Жорж Санд...

Какие именно книги запрещались церковью?

«1. Все тексты Священного Писания, изданные не католиками.

2. Книги любого автора, защищающие ересь и раскол или стремящиеся любым способом разрушить самые основы веры.

3. Книги, специально направленные против церкви или христианских обычаев.

4. Книги всех не католиков, посвященные вопросам религии, если не указано, что в них нет ничего противоречащего католической вере.

5. Книги и брошюры, в которых говорится о новых видениях, явлениях, пророчествах, чудесах или которые пропагандируют новых святых, если таковые были опубликованы без соблюдения канонических правил.

6. Книги, оспаривающие или высмеивающие любой католический догмат; защищающие ошибки, осужденные папским престолом; низвергающие авторитет божественного культа; стремящиеся разрушить церковную дисциплину;

умышленно оскорбляющие церковную иерархию или клир и церковь.

7. Книги, поучающие или рекомендующие любые суеверия, колдовство, гадание, предсказания, магию, вызов духов и тому подобное.

8. Книги, провозглашающие законными дуэль, самоубийство, развод и доказывающие, что масонство и им подобные организации не только не вредные, но и полезные для церкви и гражданского общества.

9. Порнографические книги.

10. Литургические книги, апробированные папским престолом, если в них имеются изменения.

11. Книги, распространяющие апокрифические, или запрещенные, или отмененные папским престолом индульгенции.

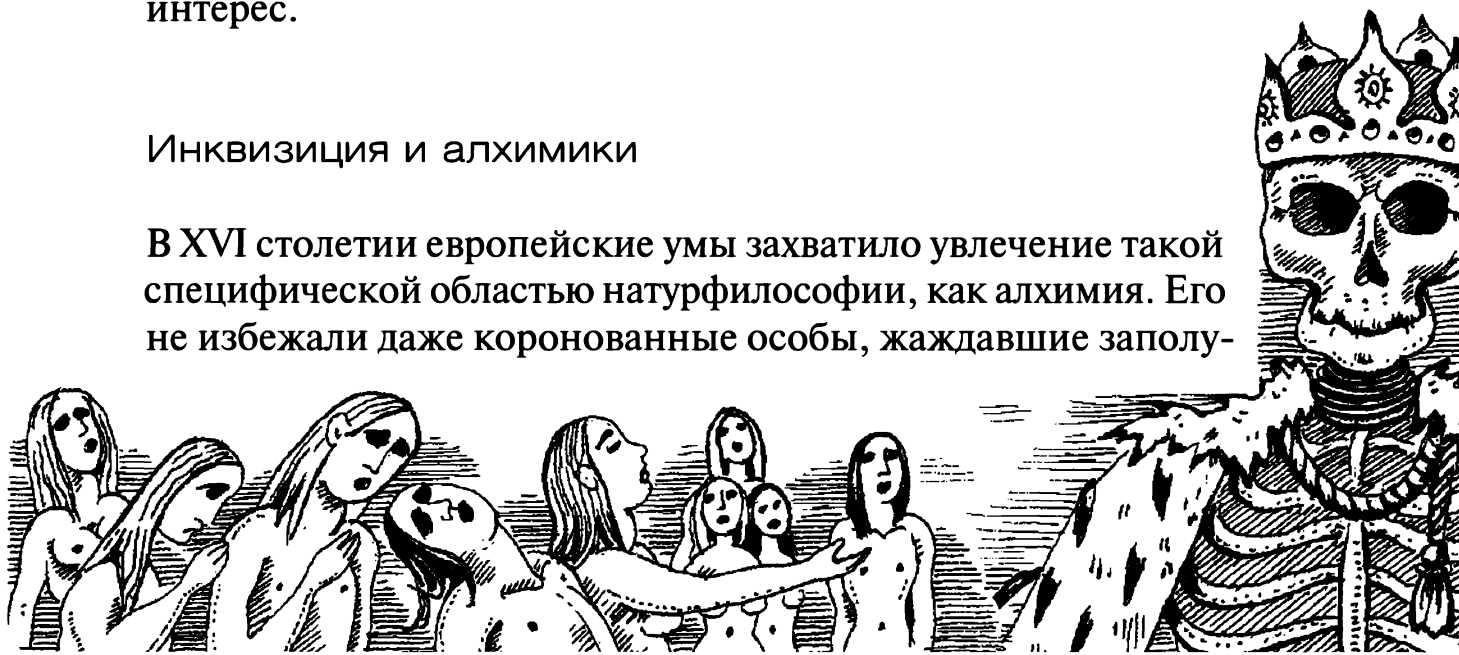
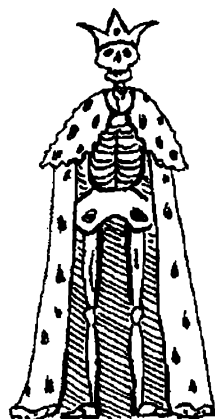
12. Любого рода изображения Христа, Девы Марии, ангелов, святых и других “божьих слуг”, если они не отвечают духу и наставлениям церкви.

Канонический кодекс запрещал пользоваться “отлученными” книгами всем верующим и церковникам, за исключением кардиналов, епископов и других высших церковных чинов, без особого на то разрешения соответствующих церковных властей. Получавшие разрешение ими пользоваться обязывались не передавать их третьим лицам» (И.Р. Григулевич).

Однако несмотря на запреты, натурфилософские учения продолжали развиваться. Соответственно сочинения натурфилософов продолжали встречать препятствия в виде новых изданий «Индекса запрещенных книг», что, впрочем, только возбуждало к ним, как ко всему запретному, все больший интерес.

Инквизиция и алхимики

В XVI столетии европейские умы захватило увлечение такой специфической областью натурфилософии, как алхимия. Его не избежали даже коронованные особы, жаждавшие заполу-

читать философский камень, необходимый для превращения неблагородных металлов в золото и создания эликсира бессмертия.

С точки зрения инквизиции алхимию следовало осуждать как ересь, так как многие относились к алхимическим учениям с особой, глубокой религиозностью и черпали в ней смысл своего бытия. Философия алхимиков не придавала особой значимости смерти Христа во имя искупления человеческих грехов и учению о рае. Она учила, что божественный дух, заложенный в Иисусе Христе, содержится во всяком человеке, являя собой зерно вечной жизни, и познание этой истины доступно всем, кто живет чистой духовной жизнью, полон любви и мудрости.

В этом, безусловно, можно было усмотреть признаки ереси, и еще в первой половине XIV века папа Иоанн XXII запретил алхимию в Италии, что, впрочем, не уменьшило число искателей философского камня. Среди них, кстати, было немало монахов, которые производили свои опыты в монастырских стенах.

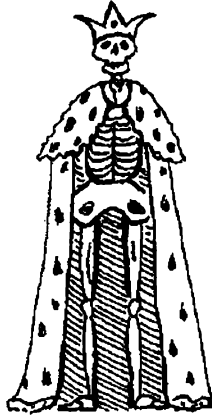
Пожалуй, массовый захват умов подобным учением был бы для церкви не менее опасным, чем распространение в Лангедоке альбигойской ереси в XIII веке. Но среди алхимиков не наблюдалось централизации: они действовали, скорее, поодиночке, предпочитая не сбиваться в группы — а следовательно, не представляли угрозы как секта. Алхимия была делом избранных, она требовала образования и немалых денежных вложений. К тому же ею занимались многие сильные мира сего, а взять их в оборот инквизиции не всегда было под силу. Это происходило только в исключительных случаях, и, во всяком случае, во Франции до преследований высокопоставленных алхимиков дело никогда не доходило.

Что же касается людей рангом ниже, то их могли привлечь к ответственности, например, по обвинению в мошенничестве (инквизиция, как ни странно, иногда занималась и такими делами), или, как это ни парадоксально, в случае прямо противоположном, если возникали предположения, что им удалось добиться успеха в своих опытах. За секретами таких алхимиков велась настоящая охота, их мечтали заполу-

чить короли. А так как адепты алхимических учений, прямо скажем, не горели желанием делиться своими тайнами, то инквизиция привлекалась, чтобы принудить их к диалогу. К занятиям алхимией всегда можно было при желании при- мешать обвинение в колдовстве, что часто и делалось.

Впрочем, и это помогало не всегда, но вовсе не потому, что, как пишет Г. Шустер, «адептам не разрешалось открыто говорить о тайных учениях, даже если они сами проникли и постигли их смысл, ибо считалось несомненным, что разглашение тайны о приготовлении философского камня влечет за собою мгновенную смерть. Самыми страшными пытками невозможно было вынудить признание у убежденных алхимиков». Мы знаем, как инквизиция умела развязывать языки, и, следовательно, можем предположить, что причина невозможности выведать секрет философского камня даже с помощью методов инквизиции совсем в ином — в отсутствии этого секрета.

Вокруг алхимии существовало множество мифов. Те, кто ею занимались, жаждали наживы, но так как неблагородные металлы не спешили превратиться в золото, да и вечная жизнь не стучалась в двери алхимических лабораторий, интерес к алхимии уже к концу XVI века стал стремительно угасать.

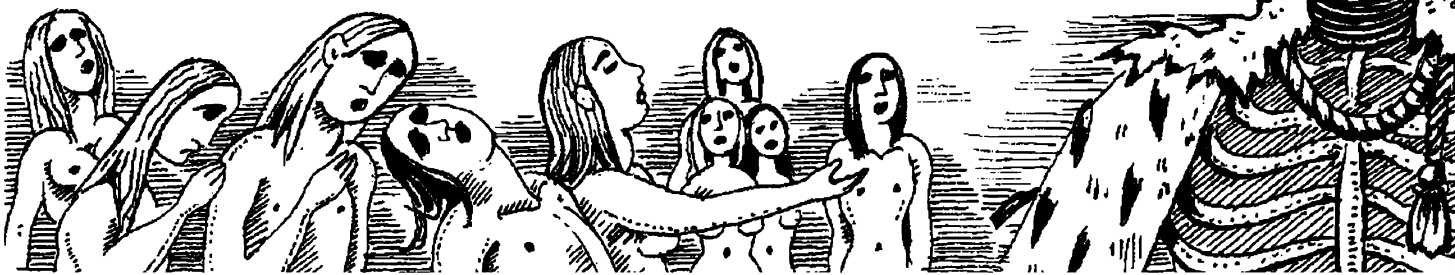

XVII век. Одержимость входит в моду

Бесы в Экс-ан-Провансе

XVII столетие в самом своем начале встречает нас интересным феноменом — одержимостью бесами. Отмечен этот феномен был церковью, разумеется, раньше, борьба с ним велась постоянно, но именно в XVII веке он заставил обратить на себя особое внимание.

Даже в XXI веке возможность одержимости бесами/демонами католической церковью не отрицается. Стоит ли удивляться тому, что в XVII веке в этом мало кто сомневался.

По сей день различают и степени одержимости, и ее признаки и проводят обряды экзорцизма. Считается, что одержимость следует предполагать при совокупности в поведении человека следующих признаков:

- внезапная, нехарактерная для него ранее агрессивность;
- вспышки ярости, сопровождающиеся ругательствами, богохульством, проклятиями в адрес Бога, церкви, святых и всего, относящегося к религии;
- эпилептические припадки и/или судороги;
- галлюцинации, видения часто пророческого характера, кошмарные сны;
- беспокойное поведение при виде религиозной атрибутики, в присутствии священнослужителей, при прочтении молитв и при совершении религиозных обрядов;
- непереносимость воды, общие признаки гидрофобии;
- внезапно обнаруживающиеся сверхспособности: влияние на окружающее пространство телепатически, телекинетически и пр.;
- появившаяся способность разговаривать на языках, которых человек прежде не знал (ксеноглотия);
- вещание от лица демонических существ;
- навязчивые мысли об убийстве и самоубийстве.

Одна из самых знаменитых историй, связанных с одержимостью, произошла в городе Экс-ан-Прованс, в женском монастыре Ордена святой Урсулы. Главными ее действующими лицами были Луи Годфриди, монах-бенедиктинец из аббатства Сент-Виктор-де-Марсель, и две монахини — Мадлен де ля Палю и Луиз Капо, заявившие, что по вине упомянутого Годфриди попали под влияние дьявольских сил.

Луи-Жан-Батист Годфриди родился в семье пастуха в деревне Бовезе недалеко от Кольмара (Верхний Прованс, Франция) в 1572 году, обучился чтению и письму, а также латыни, литургическим ритуалам и церковным таинствам. Особенно привлек его внимание старинный трактат о каббале, возбудив его интерес к тайным знаниям. В восемнадцать лет Годфриди, уже обучившийся не только чтению и письму, но и латыни, а также благодаря дяде-кюре литургическим

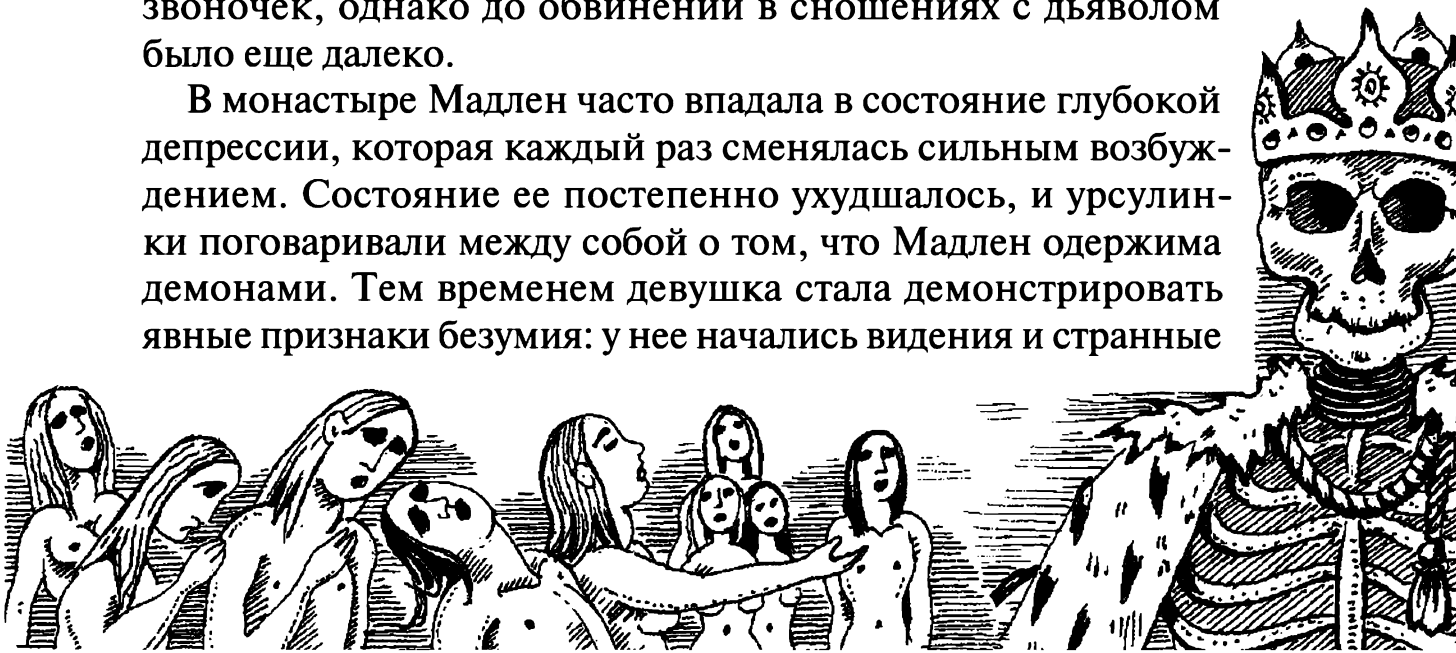
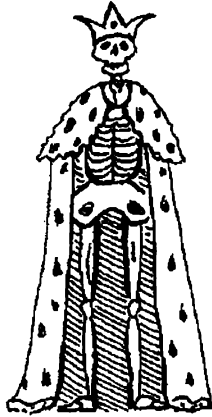
ритуалам и церковным таинствам, отправился в Арль с целью изучить теологию и принять сан священника.

В аббатстве Сент-Виктор-де-Марсель, где он устроился, царили не самые строгие нравы, и Годфриди погрузился в мирские соблазны. Современники вспоминают его как человека азартного, увлекающегося, острого на язык, любящего хорошую еду и не упускающего возможности промочить губы вином. Все это уживалось в широкой натуре молодого священника с красноречием и пылкой верой.

Последнее его качество привлекло семейство де ля Палю, и вскоре Годфриди получил предложение заняться религиозным воспитанием их младшей дочери Мадлен. Он подошел к этой задаче весьма ревностно и проводил со своей воспитанницей много времени, но добился совсем не того, к чему стремился. Юная Мадлен прониклась к нему отнюдь не платоническими чувствами. Признаться, это польстило Годфриди, и некоторое время он находился на грани падения, но все-таки сумел взять себя в руки и убедил родителей Мадлен отправить дочь в монастырь урсулинок. По другой версии, священник все-таки не устоял или даже сам соблазнил девушку, а потом решил отделаться от нее, дабы не рушить себе карьеру и жизнь. Как бы то ни было, Мадлен оказалась в монастыре, где, как предполагалось, Годфриди будет ее навещать, а мать-настоятельница Катрин де Гоме станет новой наставницей и будет поддерживать ее духовными разговорами.

В один из таких разговоров Мадлен честно рассказала о своих чувствах к Годфриди, и настоятельница, до которой уже дошли кое-какие слухи, потребовала, чтобы он больше не появлялся в монастыре. Для Годфриди это был первый звоночек, однако до обвинений в сношениях с дьяволом было еще далеко.

В монастыре Мадлен часто впадала в состояние глубокой депрессии, которая каждый раз сменялась сильным возбуждением. Состояние ее постепенно ухудшалось, и урсулинки поговаривали между собой о том, что Мадлен одержима демонами. Тем временем девушка стала демонстрировать явные признаки безумия: у нее начались видения и странные

припадки — иногда посреди богослужений и молитв. Мать-настоятельница пыталась найти этому причины вместе с духовником девушки, и, наконец, Мадлен сообщила им, что некто, она не знает — кто, лишил ее девственности и наслал на нее целый легион демонов.

Если истории о лишении девственности мать-настоятельница и духовник поверили — де Гоме, похоже, предполагала это, — то к заявлению о демонах они отнеслись с изрядной долей скепсиса. Поняв, что ей не верят, Мадлен впала в неистовство. У нее начался сильнейший припадок, тело выгнулось и перекрутилось несколько раз до хруста суставов, ею овладела невероятная ярость, в приступе которой она уничтожила распятие.

После этого в одержимости Мадлен не возникло сомнений, и было принято решение провести обряд экзорцизма, чтобы изгнать демонов из ее тела. Обряд, точнее обряды — они продолжались целый год, — проводил отец Бомийон...

Никаких результатов старания отца Бомийона не принесли, если не считать того, что в ярости девушка стала кричать, что лишилась девственности из-за какого-то неизвестного ей священника, который околдовал ее. Из подробностей было сообщено то, что Мадлен тогда исполнилось семнадцать лет и что священник был сатанистом.

Надо представить себе, какая напряженная и гнетущая атмосфера царила в обители урсулинок. Казалось, хуже быть не может, но хуже стало: вскоре еще три монахини начали выказывать признаки одержимости дьяволом, а к концу года одержимых было уже восемь. Особенно ярко признаки одержимости выражались у монахини по имени Луиз Капо — тело несчастной скручивало во время страшных припадков даже сильнее, чем у Мадлен. В связи с этим было высказано предположение, что Луиз пострадала от демонов больше остальных, потому что была рождена в семье еретиков...

Ситуация в монастыре постепенно выходила из-под контроля, и тогда за дело урсулинок взялся инквизитор Себастьян Михаэлис, которому помогали другой инквизитор, рангом пониже, брат Домптий и фламандский экзорцист Билле. Они провели совместно еще один обряд изгнания

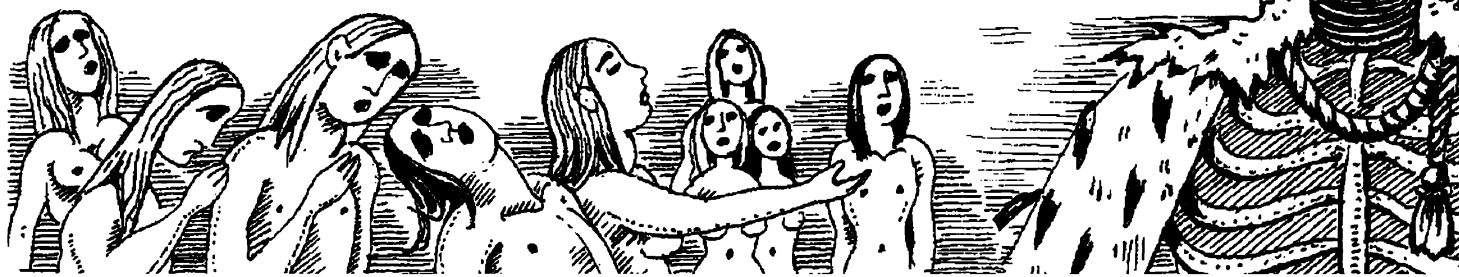
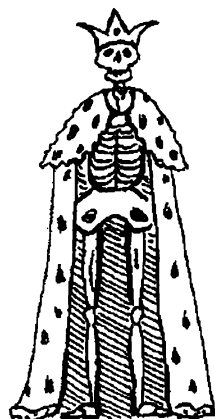
демонов и обнаружили их в Мадлен целую толпу, причем некоторые из них называли свои имена — Вельзевул, Астарот и т. д. «Во время заклинания, — показывал позже Михаэлис, — Вельзевул продолжал терзать Мадлен, то с силою бросая ее на живот, то опрокидывая на спину; до трех или четырех раз он принимался душить ее за горло. За обедом демоны продолжали истязать ее постоянно, пригибая ей голову к земле, а за ужином они ее пытали в течение целого часа, выворачивая ей руки и ноги с такой силой, что у нее кости трещали и все внутренности переворачивались; окончив истязания, они погрузили ее в такой глубокий сон, что она казалась мертвой».

Затем выяснилось, что множеств различных демонов за село и в Луиз Капо.

19 декабря 1610 года один из демонов, обнаруженных в теле Луиз, после неясных мычаний указал на Мадлен и возопил: «Луиз одержима, и она страдает из-за тебя! Луиз — твой залог!» Этот демон, идентифицированный как Веррин, оказался весьма разговорчив. Устами одержимой монахини он обвинил во всем... Годфриди, сказав, что тот занимается колдовством. Это заявление удивило всех присутствующих, потому что Годфриди ни в чем подобном на тот момент не подозревали. Мать-настоятельница была уверена, что пресекла его общение с Мадлен намного раньше, чем ее воспитанница была захвачена демонами. Да и сама Мадлен его имени не называла.

Но теперь инквизитор Домптий, насчитавший в Луиз аж 666 демонов, решил вызвать Годфриди, чтобы тот дал соответствующие разъяснения.

При виде священника Луиз Капо впала в истерику, назвала его колдуном и не только подтвердила, что это он лишил Мадлен невинности, но и рассказала, как это произошло. Будто бы они спустились в погреб дома отца Мадлен, и там Годфриди призвал демонов, которых назвал своими хорошими друзьями. Демоны отметили его безымянный палец своей сатанинской силой, и этим пальцем он обесчестил Мадлен, сделав ее королевой шабаша. Один из демонов прошептал

Годфриди на ухо заклинание, которое помогло ему закрепить одержимость Мадлен.

К несчастью для себя, Годфриди отреагировал на эти обвинения слишком легкомысленно, неосторожно бросив в воздух: «Если б я был колдуном, я бы непременно отдал свою душу тысячам чертей!» Он не учел, что у инквизиции плохо с чувством юмора.

Неуместная шутка немедленно привела горе-священника в тюрьму инквизиции. Теперь уже Годфриди всерьез считали причиной одержимости Мадлен и, как следствие, одержимости Луиз.

Пока инквизиция работала с Годфриди, демоны, завладевшие телом Луиз Капо, продолжили откровенничать. Среди прочего они рассказали, что Годфриди до отвала наедается мясом маленьких детей, которых откапывает из могил.

Все это пополнило список обвинений, но выглядело столь абсурдно, что инквизиторам мало кто поверил. Нашлись люди, которые стали открыто оспаривать линию обвинения. Инквизиция приняла решение обыскать дом кюре на предмет запрещенных колдовских книг или других предметов, способных подтвердить показания монахинь. Поиск ничего не дал. Опрашиваемые свидетели характеризовали Годфриди с самой лучшей стороны.

На дворе, напомним, был XVII век, и в отношении инквизиции уже не бытовало прежних страхов. В дело вмешались городские власти, и особо свирепствовавшего на допросах инквизитора Домптия даже заключили в тюрьму...

Чаши весов, как видим, колебались, и перед Годфриди мелькнул лучик надежды. Но всего через несколько Домптий уже был на свободе и с еще большим жаром настаивал на виновности Годфриди перед комиссией, в которую входили два архиепископа — Авиньона и Экса, теолог Этьен Дульчи и генеральный викарий Поль Юро де л'Опиталь. Комиссия выслушала его весьма благосклонно.

Инквизитор Михаэлис тоже времени зря не терял. Его стараниями Мадлен на два дня поместили в подвале собора Сент-Совер рядом со святыми мощами. Инквизитор ставил

важный эксперимент, желая увидеть, как демоны будут реагировать на присутствие мощей.

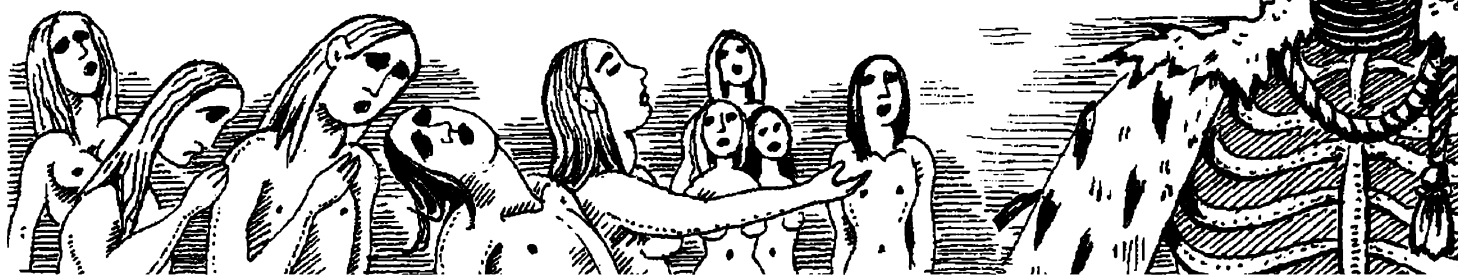
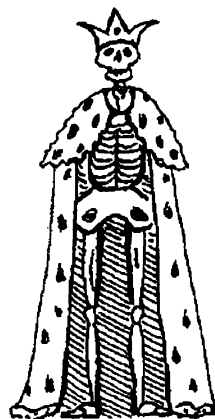
24 февраля для осмотра Мадлен был приглашен доктор медицины Антуан Мериндоль, который должен был сделать заключение о ее состоянии здоровья. Он дотошно осмотрел истощенную монахиню и заключил, что она... одержима демонами. Неплохой медицинский диагноз, не правда ли?

5 марта инквизиция решила провести очную ставку между Мадлен и Годфриди, хотя такой практики прежде не было. Девушка заявила следующее: «Есть четыре вещи, которые вы не можете отрицать. Сначала вы обесчестили меня в подвале дома моего отца. Затем увлекли на шабаш. Затем пометили меня своими колдовскими отметинами. И, наконец, послали демонов, чтобы овладеть мной, чтобы я принесла этих дьяволов в монастырь урсулинок». Что касается дьявольских отметин, то их в своем отчете зафиксировали освидетельствовавшие Мадлен профессора университета Экса. Считалось, что именно через эти места демоны проникают в тела своих жертв.

Годфриди пытался отрицать сказанное. Он запротестовал: «клянусь Богом Отцом, Богом Сыном, Девой Марией, Святым Иоанном...», но Мадлен перебила его: «Я знаю эту клятву: клянусь Богом Отцом, то есть Люцифером, клянусь Сыном, Вельзевулом и Святым Духом Левиафаном, Девой-Матерью Антихриста и Святым Иоанном, предшественником Антихриста. Это клятва вашей колдовской синагоги».

Вечером того же дня Годфриди также освидетельствовали на предмет колдовских отметин и зафиксировали их целых три. Это дало повод пытаться его. Ходят легенды, что, когда инквизиторы допрашивали Годфриди, над местными лесами носилась музыка ада и выли демоны. Тем не менее смелые инквизиторы продолжили добиваться от кюре признания в том, что он обесчестил Мадлен на шабаше, и в конце концов Годфриди сдался.

Он признался, что заключил пакт с дьяволом и подписал его собственной кровью. Годфриди сообщил, что дьявол посещал его часто, что он обыкновенно поджидал его у дверей церкви и заразил до тысячи женщин ядовитым дыханием,

которое дьявол сообщил ему. «Признаюсь и в том, — добавил он, — что когда я желал отправиться на шабаш, я становился у открытого окна, чрез которое являлся ко мне Люцифер, и вмиг переносился на сборище, где я оставался два, три, а иногда и четыре часа». 11 марта, обессиленный и окончательно сломленный, он подтвердил данные накануне показания.

Теперь Годфриди уже ничто не могло спасти. Состоялся суд, который признал его виновным и передал светским властям для сожжения на костре, что и случилось 30 апреля 1611 года.

Как это ни удивительно, после его смерти урсулиники начали постепенно исцеляться от своей одержимости. Правда, демон Веррин еще долго отказывался покидать Луиз, но и эта проблема в конце концов была решена.

Мадлен и Луиз после выздоровления были изгнаны из монастыря урсулинок и остались под наблюдением инквизиции. Мадлен поместили под домашний арест в резиденции Шатовьё недалеко от Кастеллана, и там она жила в аскезе, достойной святых.

Примечательно, однако, то, что через десять лет после казни Годфриди уже ее саму обвинили в колдовстве. Она энергично защищалась, но в 1652 году на ее теле обнаружили новые колдовские знаки и приговорили ее к долгому тюремному заключению. Лишь в преклонном возрасте она была освобождена и умерла в Шатовьё в 1670 году.

Ходят легенды, что пепел священника-колдуна, развеянный по ветру, заразил одержимостью еще многих девушек Прованса. У них отмечались судороги, а по ночам из окон домов, где они жили, слышалась ругань, будто там полно демонов...

Славный город Луден

Еще более громкое дело имело место чуть позже, в середине 1630-х годов, в Лудене. Историки связывают его с охотой на

католического священника Урбана Грандые, начатой кардиналом Ришелье в 1630-х годах.

Чем же провинился Грандые перед властным кардиналом?

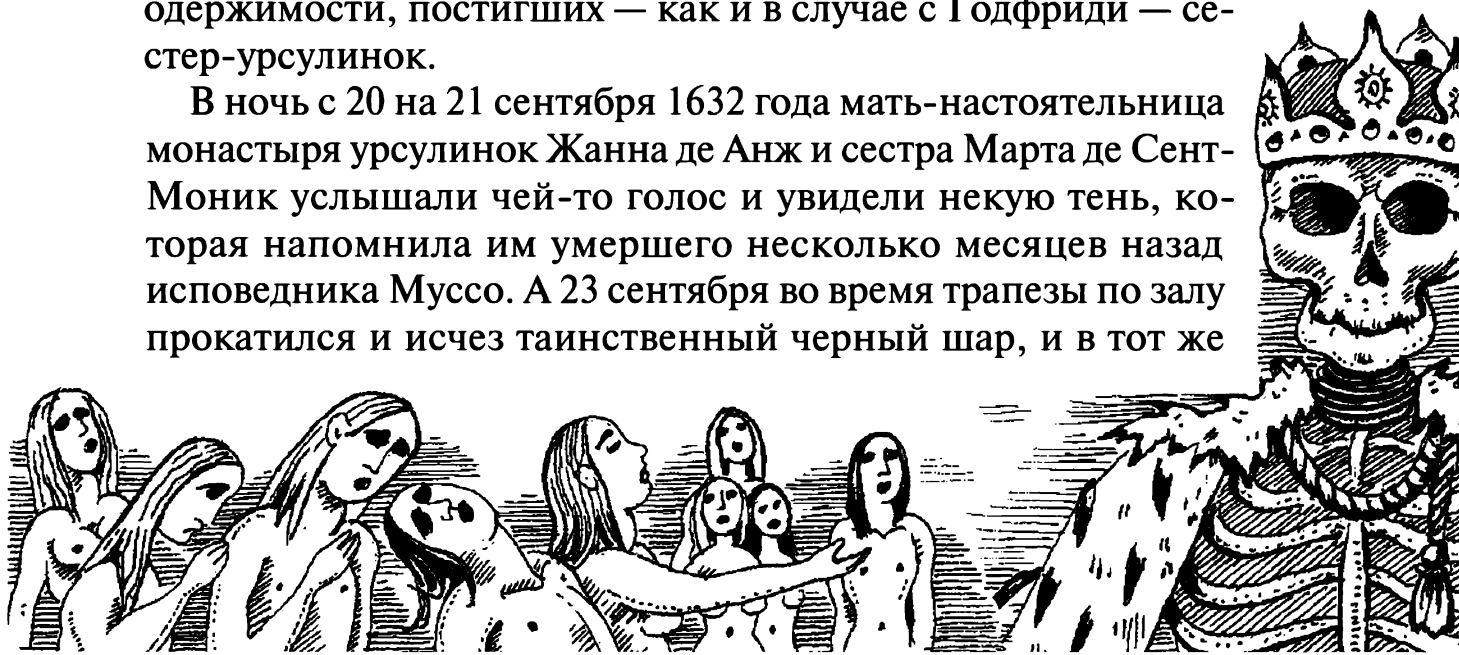
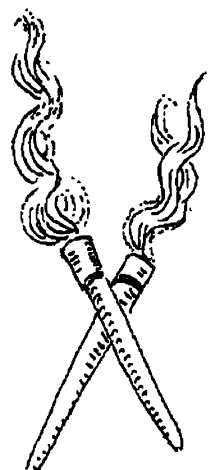
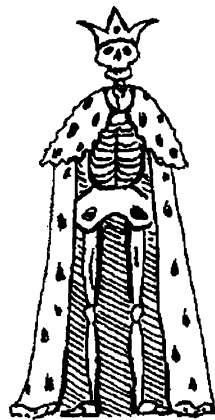
Оставаясь формально в лоне католической церкви, он публиковал скандальные памфлеты, в которых слишком уж явно выказывал свои прогугенотские симпатии. А кроме того решительно выступал против разрушения крепостных стен Лудена, противореча воле Людовика XIII и Ришелье. Стены же решено было снести на всякий случай, так как среди городского населения было полно гугенотов, и Ришелье резонно предполагал, что, если дело дойдет до военных действий против гугенотов, город может стать для них надежным убежищем.

При этом Грандые слыл человеком просвещенным и проницательным, обладал писательским и ораторским талантами, был привлекателен внешне. Прибыв в Луден из Бордо, он довольно быстро заручился симпатией местных женщин и, как водится, антипатией местных мужчин. Как утверждает, он соблазнил дочь королевского прокурора. На его проповеди собиралась такая толпа, что можно было задохнуться. Он обожал ораторствовать на улицах, собирая вокруг себя народ, и не отказывал себе в удовольствии насмеяться над монахами.

Все это раздражало Ришелье, которому о деятельности Грандые доносили шпионы. Грандые, конечно, должен был это предполагать, но оставался беспечен и ни в чем не менял своего дерзкого поведения — словом, активно рыл себе могилу и в конце концов вырыл ее.

Так же, как и Годфриди, Грандые был обвинен в заключении пакта с дьяволом, и выяснилось это во время приступов одержимости, постигших — как и в случае с Годфриди — сестер-урсулинок.

В ночь с 20 на 21 сентября 1632 года мать-настоятельница монастыря урсулинок Жанна де Анж и сестра Марта де Сент-Моник услышали чей-то голос и увидели некую тень, которая напомнила им умершего несколько месяцев назад исповедника Муссо. А 23 сентября во время трапезы по залу прокатился и исчез таинственный черный шар, и в тот же

день на мессе три монахини, в том числе и сама настоятельница, зашлись страшными криками и начали биться в судорогах, выкрикивая ругательства и богохульства.

Через несколько дней в такое же безумие впали уже четырнадцать монахинь. Днем с ними происходили приступы одержимости, а ночами они видели призрак своего бывшего исповедника. Они теряли сон, отказывались есть, затем некоторые из них, все более поддаваясь безумию, стали полуобнаженными, невзирая ни на темноту, ни на плохую погоду, выбираться на крышу монастыря или забираться на деревья. О новом нашествии демонов говорили повсюду — даже в Париже, при дворе. 11 октября несколько монахинь заявили, что признали в призраке Урбана Грандые.

Вслед за этим к «несчастливым одержимым» явился отец Миньон — монах-капуцин, близкий к отцу Иосифу, тайному советнику кардинала Ришелье. В помощь ему был придан кюре прихода Сент-Жак-де-Шинон Пьер Барре. Не мешкая, они принялись искать дьявольские отметины на телах «одержимых» сестер, и отметины, разумеется, были найдены. Их проверили на нечувствительность, что, согласно указаниям, данным еще в 1580 году, свидетельствовало о касании когтя демона. Если игла, которой кололи в этом месте, не приносила страданий, это служило самым верным доказательством одержимости.

Опыты Миньона и Барре принесли успех: им удалось отыскать монахиню с отметинами дьявола и даже выяснить, что она одержима демоном Астаротом. Именно этот демон и назвал священникам имя Урбана Грандые.

Тут же на Грандые посыпались обвинения в распутстве и колдовстве. Особенно усердствовала преподобная Жанна де Анж, которая до этого Грандые сама ни разу не видела. Другие монахини говорили, что Грандые околдовал их, дав понюхать магические розы.

После этого, по сути, взяв на себя функции инквизиторов, хотя формально таковыми они не являлись, Миньон и Барре начали расследование и организовали многочисленные обыски, пытаясь отыскать договор с дьяволом, подписанный рукой Урбана Грандые. И договор был найден!

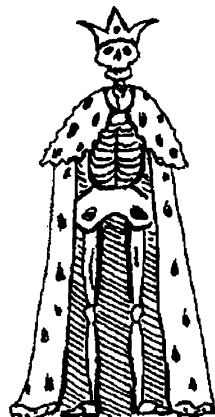
В дело включился также королевский советник барон Жан-Мартен де Лобардмон, у которого, на беду Грандые, была интрижка с мадемуазель де Дампьер, жившей в то время в монастыре (совсем не обязательно на положении монахини — обстоятельства бывали разные) и тоже впавшей в одержимость. Лобардмон, которому в прошлом уже доводилось на практике наблюдать, как выстраиваются дела по колдовским случаям, быстро составил дело против несчастного священника. Он же возглавил коллегия из двенадцати судей, решения которой, по идее, не подлежали обжалованию даже в королевском суде.

Грандые апеллировал к самому Людовику XIII, однако Ришелье убедил короля, что прелюбодею и колдуну Грандые верить нельзя, и Людовик решил в эту историю не вмешиваться.

6 декабря 1633 года Грандые был арестован по личному приказу Ришелье и до середины лета содержался в жутких условиях. Допрашивал его лично отец Миньон, уже успевший ощутить себя инквизитором. Доподлинно не известно, сознался ли Грандые под пытками или же улики против него были полностью сфабрикованы. Главным, на что опирался суд, заседавший в июле 1634 года, был «договор с дьяволом», найденный при непосредственном участии Миньона. На суде Грандые все отрицал, но его все равно признали виновным в колдовстве, дьяволопоклонничестве и участии в шабашах, на которых он приносил человеческие жертвы.

Наказание за это могло быть только одно — казнь через сожжение. 18 августа 1634 года приговор привели в исполнение на Рыночной площади Лудена. У Грандые была возможность избежать столь мучительной смерти, примирившись с церковью (в этом случае его сначала задушили бы, а затем сожгли труп), но, когда Грандые попытался заговорить, монахини не дали ему воспользоваться ею, подняв гвалт и начав плескать водой ему в лицо, а руководители экзекуции, исполнявшие заказ Ришелье, предпочли не давать ему даже такого шанса.

Интересный нюанс заключается в том, что со смертью «колдуна» на этот раз одержимость монахинь не исчезла. Демоны продолжали мучить их аж до 1637 года, и все это время

с демонами храбро бились иезуиты-экзорцисты. Одного из них звали Жан-Жозеф Сурин, и, похоже, он подходил к обрядам изгнания бесов из урсулинок с искренним усердием. По наставлению Ришелье или по собственной воле — он подробно описывал в своих мемуарах натиск демонов, с которым ему пришлось столкнуться во время проведения обрядов экзорцизма.

К концу 1637 года Жанна де Анж стараниями отца Сурина уже перестала богохульствовать и плевать. В 1638 году ее даже возили на аудиенцию к Людовику XIII и Анне Австрийской, на которой также присутствовали Ришелье и Жан-Мартен де Лобардмон, впоследствии прославившийся убийством множества гугенотов. Ходили слухи, будто Жанна де Анж после пережитого кошмара даже творила чудеса...

Современные исследователи до сих пор задаются вопросами об обстоятельствах этого дела. Могла ли впадшая в одержимость Жанна де Анж питать какие-то чувства к Грандье, слыша о нем лишь от других? А другие монахини? Что им было до этого дела? А если дело было полностью сфабриковано, отчего одержимость длилась так долго после смерти Грандье?..

Однозначных ответов, как водится, нет, и каждый волен судить по своему разумению.

Стоит, впрочем, отметить то обстоятельство, что религиозная община, в которой официально признавали наличие случаев одержимости, получала на восстановление репутации финансовую помощь...

В этом, может быть, и следует искать разгадку этого дела. Монастырь урсулинок в Лудене был очень беден и располагался в здании прежней гугенотской школы. А после дела Урбана Грандье он расцвел и стал знаменит. Как, впрочем, и город Луден. И даже сегодня множество туристов посещают его именно благодаря той давней истории.

Одержимость приходит в Нормандию

Случаи одержимости были зафиксированы и на севере страны, в Нормандии. Особенно примечательна история, слу-

чившаяся в городе Лувье. Здесь с 1643 по 1647 год местный монастырь урсулинок также терзали демоны.

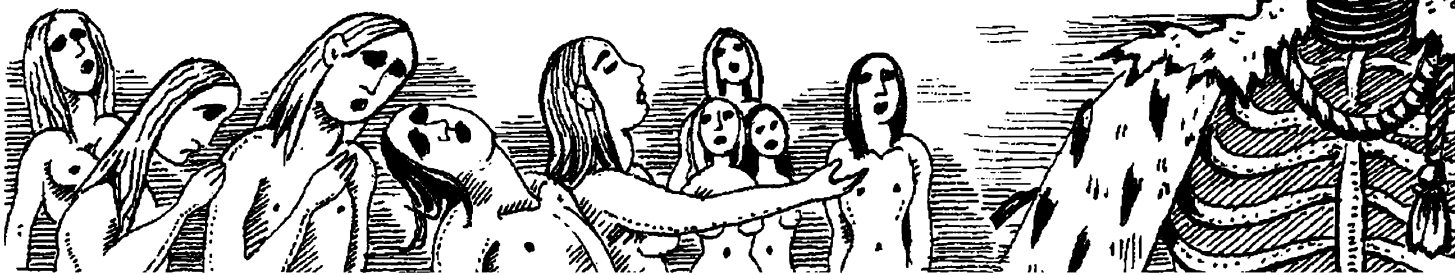
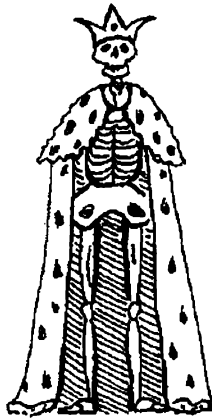
Главной героиней в Лувье выступает монахиня по имени Мадлен Бавен. Она поступила в монастырь в возрасте двадцати лет и, похоже, довольно быстро приобрела не самую лучшую репутацию, поскольку прониклась далекими от целомудрия чувствами к местному исповеднику Пьеру Давиду. Чувства эти были взаимны, но Давид внезапно умер, и историю замаяли. Однако следующий исповедник монастыря, явившийся на смену умершему Пьеру Давиду — Матурен ле Пикар, также проникся симпатией к Мадлен Бавен.

Вообще-то неизвестно, какая атмосфера на самом деле царил в монастыре. В городе ходили слухи, будто и Пьер Давид, и Матурен ле Пикар практиковали всякого рода сборища, напоминавшие по своей природе шабашы... или оргии, если по-простому. Говорили также, что в этих оргиях принимал участие отец Тома Булле, викарий из Лувье. И якобы он продолжил устраивать их после смерти Матурена ле Пикара в сентябре 1642 года.

Всему этому вполне можно поверить. Католическая церковь в это время была поражена распутством. Известны случаи, когда духовник — единственный мужчина, посещавший женский монастырь, — заводил здесь множество любовниц, и монахини соперничали между собой за его внимание.

Как бы то ни было, в 1643 году Мадлен Бавен и еще восемнадцать монахинь начали выказывать знакомые нам по предыдущим историям признаки одержимости. Они обвиняли в сговоре с сатаной уже почившего исповедника Матурена ле Пикара и еще покамест живого викария Тома Булле.

Функцию инквизитора и экзорциста взял на себя епископ Эврё Франсуа де Перикар, причем он и его подручные получили инквизиторские полномочия. Мадлен Бавен рассказала де Перикару, что ле Пикар и Булле брали ее с собой на шабаш, где она стала женой демона Дагона и совершала с ним половые акты прямо на алтаре. Она рассказывала, что во время сатанинских месс они душили и поедали младенцев, а двоих мужчин, которых заманили на шабаш, мучили, а затем выпотрошили.

После этого Тома Булле был арестован, допрошен со всем пристрастием и, как следовало ожидать, во всем сознался.

Дагон не побрезговал и остальными монахинями — все они после общения с ним выказывали классические признаки одержимости: кривлялись, говорили на неизвестных им языках и проч. Во время обряда экзорцизма, которые проводились в Лувье при большом стечении народа, согласно записи, сделанной очевидцем, одна монахиня «бежала, производя такие сильные резкие движения, что ее трудно было остановить. Один из ее духовников, присутствовавших при изгнании, поймал ее за руку и с удивлением заметил, что это не помешало ее телу выворачиваться еще и еще, будто рука была прикреплена к плечу одной только веревкой...»

Следствие свежеиспеченные инквизиторы вели неспешно и, судя по всему, наслаждаясь доставшейся им ролью, растянув допросы Булле до 1647 года. В конце концов по их представлению городские власти Руана вынесли викарию приговор — казнь через сожжение. Вместе с живым Булле предали огню извлеченные из могилы останки Матурена ле Пикара. А Мадлен Бавен отправили в поземную темницу, где она и умерла в скором времени.

XVIII век. Конец инквизиции во Франции

Демономания, принявшая характер эпидемии в XVII веке, к середине следующего столетия сошла на нет. В людских умах появилось слишком много скепсиса в отношении похожих один на другой, картинно обставленных публичных обрядов изгнания демонов, вслед за которыми обычно следовало обвинение в колдовстве какого-либо неугодного человека, чаще всего священника.

Заказной характер всех этих процессов, ведущих к истреблению «провинившихся» в протестантизме представителей французского духовенства, стал особенно ясен после так называемого эдикта Фонтенбло (1685), которым король Людовик XIV отменил принятый в 1598 году Нантский эдикт, гарантировавший гугенотам свободу вероисповедания. Эдикт

Фонтенбло был подписан после двух десятков лет гонений на гугенотов. Тем самым Людовик XIV дал понять, что Нантский эдикт, который его предшественник Генрих IV составил с намерением присоединить гугенотов к католической церкви, более неактуален, так как желаемое уже свершилось — «лучшая и самая многочисленная часть подданных перешла в католичество» (У.С. Дэвис).

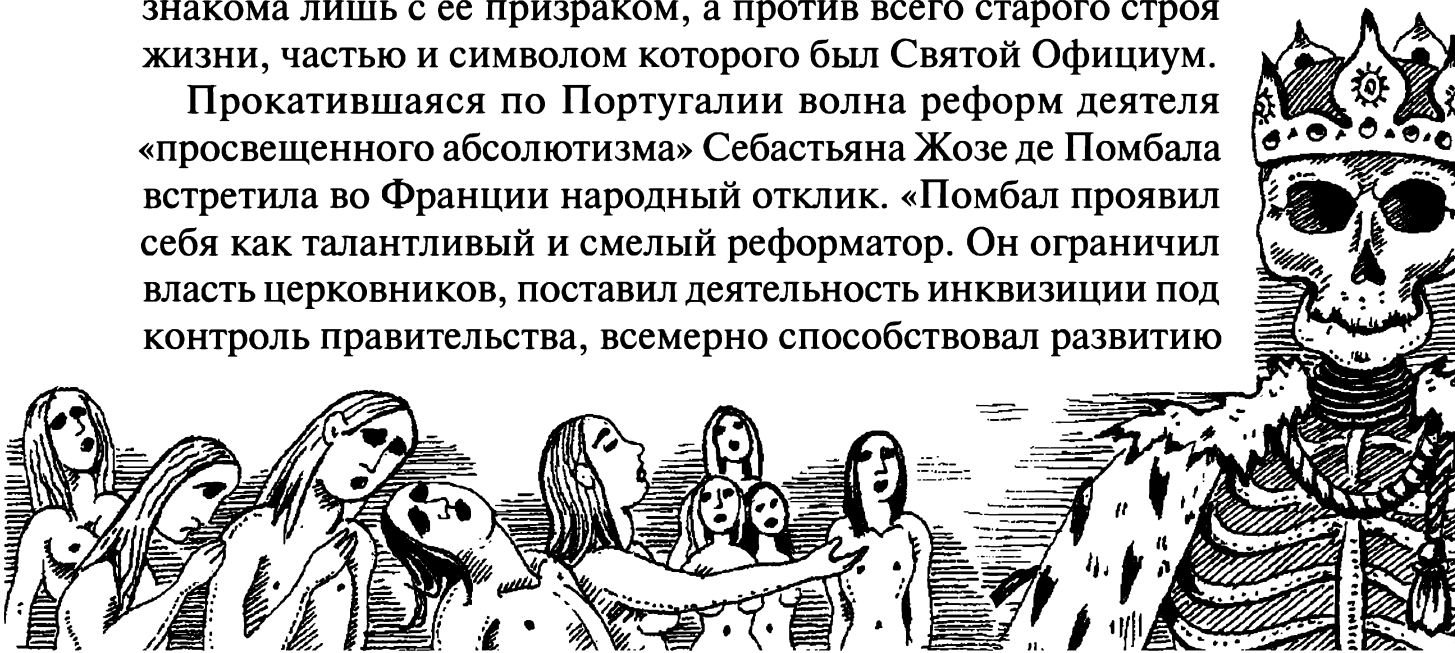
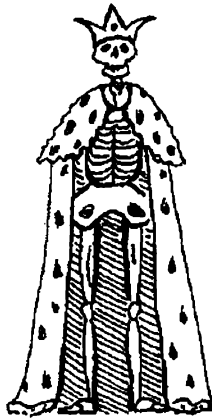
После этого протестанты тысячами хлынули прочь из страны, отток населения был таким сильным, что торговля во Франции пришла в полнейший упадок. Среди бежавших было множество хороших — даже лучших — ремесленников, и они, покидая Францию, с готовностью предоставляли свои услуги Англии, Дании, Голландии...

Тем не менее французское духовенство ликовало, осыпая Людовика XIV похвалами и благодарностями. Франция очищалась от протестантской ереси, и вместе с тем окончательно отмирала надобность в инквизиции, которая и в ушедшем XVII веке проявляла себя довольно редко и лишь тогда, когда это нужно было правительству.

Упадок Святой Официум ощущал и в других странах, но во Франции его закат начался раньше — в конце XV столетия.

В начале XVIII века в странах Европы еще вспыхивали единичные инквизиционные преследования, объектами которых становились чаще всего умалишенные или фанатики, объявлявшие себя возрожденным Иисусом Христом перед «ближним концом света». Но костры, на которых их сжигали, горели по большей части в Португалии. Во Франции же все чаще раздавались голоса, призывавшие упразднить инквизицию в принципе. Причем борьба велась уже не против инквизиции как таковой, ибо Франция в XVIII веке была знакома лишь с ее призраком, а против всего старого строя жизни, частью и символом которого был Святой Официум.

Прокатившаяся по Португалии волна реформ деятеля «просвещенного абсолютизма» Себастьяна Жозе де Помбала встретила во Франции народный отклик. «Помбал проявил себя как талантливый и смелый реформатор. Он ограничил власть церковников, поставил деятельность инквизиции под контроль правительства, всемерно способствовал развитию

промышленности, осуществил реформу просвещения, помог развитию наук» (И.Р. Григулевич). Помбал использовал методы, которыми обыкновенно пользовалась инквизиция, против нее самой. И хотя он не упразднил ее полностью, своими реформами и своей политикой он почти свел ее деятельность в Португалии к нулю.

К моменту, когда Помбал в 1777 году был отправлен в отставку, Франция уже стремительно шла к своей великой Революции.

Создатель французской тайной полиции Эжен Франсуа Видок, описывая события конца XVIII — начала XIX века, говорит о том, что хотя попасть в тюрьму во Франции времен Революции было проще, чем добыть себе пропитание, никого уже не наказывали за преступления религиозного характера.

В июле 1791 года, спустя два года после начала Великой французской революции, был принят закон, согласно которому всех «одержимых бесами» следовало отправлять на лечение.

Так официально была поставлена точка в истории инквизиции во Франции.

Заключение

В 1965 году инквизиция, которая на деле перестала существовать задолго до этого, исчезла уже официально — Святой Официум был переименован в Священную конгрегацию доктрины веры (с 1983 года Конгрегация доктрины веры), которая и поныне занимается внутрицерковными расследованиями. В апостольской конституции Иоанна Павла II от 28 июня 1988 года говорится: «Обязанность, надлежащая для Конгрегации доктрины веры, состоит в том, чтобы продвигать и охранять доктрину веры и морали повсюду в католическом мире: по этой причине все, что любым способом касается таких вопросов веры, находится в пределах ее компетентности». То есть карательной функции у Конгрегации нет. Впрочем, и возможности у церкви уже не те...

Историки, рассматривающие деятельность инквизиции, любят приводить пугающие цифры — сколько людей она обвинила в ереси и обрекла на смерть. Но инквизиция была детищем своего времени, и в отрыве от этого времени ее рассматривать нельзя.

В 1790 году во Франции карались смертной казнью 89 видов преступлений, которые не имели никакого отношения к религии. Среди них были: создание тайных обществ и союзов; незаконная вербовка на военную службу; заговор и недонесение на заговорщиков; дезертирство; литье артиллерийских орудий или их хранение; изготовление поддельных монет, обрезание краев монеты и покупка обрезанных

краев монет; растрата государственных денег; оскорбление и поношение судей, судебных чиновников или судебных приставов во время исполнения ими своих служебных обязанностей; предоставление крова преступникам, приговоренным к смертной казни; предумышленное убийство; разбой; ограбление церквей; членовредительство галерных рабов; изготовление ядовитых составов и торговля ими; участие в дуэли; поджог; отцеубийство; кровосмешение по прямой линии; изнасилование; аборт; половые извращения; подделка государственных печатей; подделка королевских указов; лжесвидетельство, несущее угрозу жизни обвиняемого; контрабанда табака, крашенных тканей и соли группой в составе более пяти человек; издание, печать и продажа книг без надлежащего на то разрешения; передача капитаном своего судна врагу; подстрекательство к бунту на корабле; кража канатов, якорных цепей или корабельных инструментов, если в результате этого гибнет корабль или человек и т. д.

При этом существовало всего 10 преступлений против религии, за которые могли приговорить к смертной казни, но, как мы знаем, в конце XVIII века уже никого не приговаривали. Менялось время, менялись люди, устаревали и менялись законы.

Так была ли инквизиция воплощением ужаса в Средневековье и в более позднее время? Надо ответить честно: если стать на точку зрения ее современников, то нет, не была. А если и была, то, по крайней мере, страх перед ней был не более чем перед светскими законами.

Тем не менее инквизиция осуждается современным человеком едва ли не в исключительном порядке, и вместе с тем ее критика медленно, но верно перерастает в нападки на католическую веру как таковую, обесценивая все то, что она делала для людей и возводя в абсолютную степень один только ужас инквизиционных допросов. Методы инквизиции действительно были страшны, но, увы, они мало чем отличались от тех, которые применялись в светских тюрьмах.

Еще раз повторим: на все необходимо смотреть через призму времени.

Католическая вера в Средние века была единственной силой, которая так или иначе объединяла жителей Европы. Люди совершенно искренне стремились жить по христианским заветам, искали духовной чистоты — порой куда больше, чем чистоты телесной. Приходя в церковь, они оказывались в мире великолепия и наделяли это место огромной значимостью (порой забывая, что создали его сами), и это помогало им жить и надеяться.

Многие хрупкие оплоты средневековой добродетели строились на страхе Божьем. Приходские священники в любую погоду и в любое время отправлялись исповедовать умирающего или больного человека в самые дальние уголки своего прихода, невзирая на собственное состояние, потому что таков был их священный долг. Церковь утешала, врачевала и защищала людей в их повседневной жизни, сплачивая их вокруг себя, и нельзя не признавать важность ее заслуг в этой области. «О бедняках — нуждающихся, больных, сиротах, калеках, прокаженных, слепых, слабоумных — заботилась церковь, а не правительство, раздавая им подаяния и уверяя, что скромная, скудная жизнь — гарантия благодати на небесах» (Б. Такман «Загадка XIV века»).

Было бы это в суровое Средневековье возможным, если бы разброд в религиозных убеждениях общества породил не только мысли, отличные от католических канонов, но и приводил бы рано или поздно к атеистическим или агностическим убеждениям?

Отвечая на этот вопрос отрицательно, мы тем не менее не будем тешить себя иллюзиями, что правящая верхушка католической церкви уничтожала ересь лишь потому, что заботилась о сохранении христианских добродетелей. Нет, ересь — как минимум поначалу, на том этапе, на котором ее обычно пресекали, — была опасна лишь тем, что подрывала авторитет церкви

Именно ради защиты и сохранения этого авторитета была создана инквизиция. По этому принципу всегда и везде, в любом государстве и в любую эпоху создается и действует репрессивный аппарат.

Пример словесного допроса, рекомендованный Бернаром Ги

Когда приводят еретика на суд, то он принимает самонадеянный вид, как будто он уверен в том, что невинен. Я его спрашиваю, зачем привели его ко мне. С вежливой улыбкой он отвечает, что он ожидает от меня объяснения этого.

Я: «Вас обвиняют в том, что вы еретик, что вы веруете и учите несогласно с верованием и учением святой Церкви».

Обвиняемый (поднимая глаза к небу* с выражением энергичного протеста): «Сударь, вы знаете, что я невиновен и что я никогда не исповедовал другой веры, кроме истинной христианской».

Я: «Вы называете вашу веру христианской потому, что считаете нашу ложной и еретической, но я спрашиваю вас, не принимали ли вы когда-либо других верований, кроме тех, которые считает истинными римская Церковь?»

Обвиняемый: «Я верую в то, во что верует римская Церковь и чему вы публично поучаете нас».

Я: «Быть может, в Риме есть несколько отдельных лиц, принадлежащих к вашей секте, которую вы считаете рим-

* Ныне это движение принято трактовать как выражение отчаянья и усталости. В Средневековье, по Яну Мортимеру, человек, поднимающий взгляд к небу, давал понять: «Господь со мной».

ской Церковью. Когда я проповедую, я говорю многое, что у нас общее с вами, например, что есть Бог, и вы веруете в часть того, что я проповедую; но в то же время вы можете быть еретиком, отказываясь верить в другие вещи, которым следует веровать».

Обвиняемый: «Я верую во все то, во что должен веровать христианин».

Я: «Эти хитрости я знаю. Вы думаете, что христианин должен веровать в то, во что веруют члены вашей секты. Но мы теряем время в подобных разговорах. Скажите прямо: веруете ли вы в Бога-Отца, Бога-Сына и Бога — Духа Святого?»

Обвиняемый: «Верую».

Я: «Веруете ли вы в Иисуса Христа, родившегося от Пресвятой Девы Марии, страдавшего, воскресшего и восшедшего на небеса?»

Обвиняемый (быстро): «Верую».

Я: «Веруете ли вы, что за обедней, совершаемой священнослужителями, хлеб и вино Божественной силой превращаются в тело и кровь Иисуса Христа?»

Обвиняемый: «Да разве я не должен веровать в это?»

Я: «Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы веровать, а веруете ли?»

Обвиняемый: «Я верую во все, чему приказываете веровать вы и хорошие ученые люди».

Я: «Эти хорошие ученые принадлежат к вашей секте; если я согласен с ними, то вы верите мне, если же нет, то не верите».

Обвиняемый: «Я охотно верую, как вы, если вы поучаете меня тому, что хорошо для меня».

Я: «Вы считаете в моем учении хорошим для себя то, что в нем согласно с учением ваших ученых. Ну, хорошо, скажите, верите ли вы, что на престоле в алтаре находится тело Господа нашего Иисуса Христа?»

Обвиняемый (резко): «Верую этому».

Я: «Вы знаете, что там есть тело и что все тела суть тела нашего Господа. Я вас спрашиваю: находящееся там тело есть истинное тело Господа, родившегося от Девы, распятого, воскресшего, восшедшего на небеса и т. д.?»

Обвиняемый: «А вы сами верите этому?»

Я: «Вполне».

Обвиняемый: «Я тоже верую этому».

Я: «Вы верите, что я верю, но я вас спрашиваю не об этом, а о том, верите ли вы сами этому?»

Обвиняемый: «Если вы хотите перетолковывать все мои слова по-своему, а не понимать их просто и ясно, то я не знаю, как еще говорить. Я человек простой и темный и убедительно прошу вас не придирайтесь к словам».

Я: «Если вы человек простой, то и отвечайте просто, не виляя в стороны».

Обвиняемый: «Я готов».

Я: «Тогда не угодно ли вам поклясться, что вы никогда не учили ничему несогласному с верою, признаваемой нами истинной?»

Обвиняемый (бледнея): «Если я должен дать присягу, то я готов поклясться».

Я: «Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы дать присягу, а о том, хотите ли вы дать ее».

Обвиняемый: «Если вы приказываете мне дать присягу, то я присягну».

Я: «Я не принуждаю вас давать присягу, ибо вы, веря, что клясться запрещено, свалите грех на меня, который принудил бы вас к нему; но если вы желаете присягнуть, то я приму вашу присягу».

Обвиняемый: «Для чего же я буду присягать, раз вы не приказываете этого?»

Я: «Для того, чтобы снять с себя подозрение в ереси».

Обвиняемый: «Без вашей помощи я не знаю, как приступить к этому».

Я: «Если бы мне пришлось приносить присягу, то я поднял бы руку, сложил бы пальцы и сказал: “Бог мне свидетель, что я никогда не следовал ереси, никогда не верил тому, что несогласно с истинной верой”».

Тогда он бормочет, как будто не может повторить слов, и делает вид, что говорит от имени другого лица так, что, не принося настоящей присяги, он в то же время хочет показать, что дает ее. В других случаях он обращает присягу в своего

рода молитву, например: «Да будет мне свидетелем Бог, что я не еретик».

И если его после этого спрашивают: «Поклялись ли вы?», то он отвечает: «Разве вы не слушали?»

Прижатый к стене, обвиняемый обращается к милосердию судьи и говорит ему: «Если я согрешил, то я согласен покаяться; помогите мне смыть с себя несправедливое и недобросовестное обвинение». Но энергичный инквизитор не должен позволять останавливать себя подобным образом, он должен неуклонно идти вперед, пока не добьется от обвиняемого сознания в заблуждениях или, по меньшей мере, открытого отречения под присягой, так что если позднее обнаружится, что он дал ложную клятву, то его можно будет, не подвергая новому допросу, передать в руки светской власти. Если обвиняемый соглашается клятвенно подтвердить, что он не еретик, то я говорю ему следующее: «Если вы собираетесь дать присягу для того, чтобы избежать костра, то ваша присяга меня не удовлетворит ни десять, ни сто, ни тысячи раз, ибо вы взаимно разрешаете друг другу известное число клятв, данных в силу необходимости. Кроме того, если я имею против вас, как думаю, свидетельства, расходящиеся с вашими словами, ваши клятвы не спасут вас от костра. Вы только оскверните вашу совесть и не избавитесь от смерти. Но если вы просто сознаетесь в ваших заблуждениях, то к вам можно будет отнестись со снисхождением».

Выдержки из «Альбигойской истории» Пьера де Во-де-Серне

Как поступили с еретиками в Кастре
в сентябре 1209 года

Мы не можем предать забвению чудо, свершившееся в этой крепости в присутствии графа*. К нему подвели

* Симон IV де Монфор (1160/1165 — 1218) — граф Тулузский, военный лидер крестового похода против альбигойцев.

двух еретиков; один из них имел в этой секте сан «совершенного», другой же был еще новообращенным или учеником первого. Посоветовавшись со своими людьми, граф решил предать обоих огню. Однако второй еретик, тот, что был, по-видимому, учеником первого... принялся каяться и пообещал отречься от ереси и во всем повиноваться Римской Церкви. Из-за этого среди наших возникло великое несогласие: одни говорили, что его не следовало предавать смерти, другие, наоборот, доказывали, что его необходимо казнить, ибо было ясно, что он еретик, а что до его обещаний, то можно было предположить, что они скорее продиктованы страхом близкой смерти, чем любовью к христианской вере. И что же? Граф согласился, что его следует сжечь — на том основании, что если он и в самом деле раскаялся, то огонь послужит искуплению его грехов, если же он солгал, то он будет наказан за свое вероломство. И вот их обоих крепко-накрепко связали, пропустив толстые и прочные веревки вокруг ляжек, живота и шеи, а руки связали за спиной. Затем у того, кто казался покаявшимся, спросили, в какой вере он хочет умереть; и он ответил: «Я отрекаюсь от безбожной ереси и хочу умереть с верою в Святую Римскую Церковь, и молюсь, дабы огонь сей послужил мне чистилищем». Тогда вокруг столба был разведен большой костер. Тот, кто был «совершенным» в среде еретиков, сгорел в одно мгновение; другой же вышел из огня невредимым, связывавшие его весьма крепкие узы мгновенно расторглись, и он вышел из огня без малейшего следа ожогов, слегка пострадали лишь кончики пальцев.

Из крепости вывели Эмерика, бывшего сеньором Монреала, и примерно восемьдесят других рыцарей. Благородный граф предложил их всех повесить; но когда повесили Эмерика, бывшего крупнее других, виселица обрушилась, так как из-за большой спешки ее стойки были недостаточно глубоко врыты в землю. Граф, видя, какая из этого может выйти задержка, приказал перебить тех, кто еще остался. Паломники набросились на них с превеликим усердием и всех перебили в мгновение ока. Владелицу укрепленного замка, приходившуюся Эмерику сестрой и бывшую закоренелой

еретичкой, бросили в колодец, и граф приказал забросать ее сверху камнями. Несметное число еретиков наши паломники с великой радостью сожгли на костре.

Мы нашли там (в Морлоне, вблизи Роде) семь еретиков из секты вальденсов; их тотчас же привели к легату, они вполне определенно сознались в своем неверии и были схвачены нашими паломниками, которые их с великой радостью предали огню.

Как поступили с еретиками в Минерве
в июле 1210 года

...Итак, аббат (Пьер де Во-де-Серне говорит о себе в третьем лице. — *Н. М.*) приказал, чтобы сеньор укрепленного замка и все, кто находился внутри, даже посвященные еретики, если они желают примириться с Церковью и отдать себя в ее руки, вышли наружу и оставили замок на попечение графа; даже «совершенные» члены секты, число которых было весьма велико, могли выйти, если они согласны были обратиться в католическую веру. При этих словах один благородный рыцарь из ревностных католиков, по имени Робер Мовуазен, узнав, что еретики, ради чьей гибели и пришли сюда паломники, могут быть отпущены, и, опасаясь, как бы страх не заставил их выполнить то, что от них требовали наши, — ведь они были уже пленниками — принялся возражать аббату. Он сказал, что наши ни в коем случае не последуют за ним, на что аббат ответил: «Ни о чем не беспокойтесь, я думаю, что очень немногие обратятся».

После того, как это было сказано, наши, неся впереди процессии крест, а позади — знамя графа, вошли в город с пением *Te Deum laudamus* («Тебя, Бога, хвалим») и направились к церкви; освятив ее по католическому обряду, они воздвигли на ее вершине крест Господа, а в другом месте подняли знамя графа: ведь это Христом был взят город, и по справедливости его символ должно было установить на самом высоком месте, в ознаменование победы христианской веры. Граф же еще не вошел в город.

Свершив это, почтенный аббат де Во-де-Серне, бывший вместе с графом во главе осаждавших и с великим рвением служивший делу Иисуса Христа, узнав, что в одном из домов собралось множество еретиков, направился туда со словами мира и спасения и с желанием обратить их к добру; те, однако, оборвали обращенную к ним речь, вскричав как один человек: «Что вы нам проповедуете? Мы не принимаем вашей веры. Мы не признаем Римской Церкви, ваши старания напрасны. Мы верны братству, от которого нас не отторгнет ни жизнь, ни смерть». Услышав это, досточтимый аббат тотчас покинул этот дом и пошел к женщинам, собравшимся в другом жилище, дабы обратиться к ним со словом проповеди. Но как ни были тверды и упрямы в своем заблуждении еретики-мужчины, он нашел женщин еще более упрямыми и еще глубже погрязшими в ереси. Затем в укрепленный город вошел наш граф и, как добрый католик, желающий, чтобы каждый получил спасение и приобщился к знанию истины, он пошел туда, где были собраны еретики, и принялся уговаривать их обратиться в католическую веру; но поскольку не последовало никакого ответа, он приказал вывести их за укрепления; там было сто сорок еретиков в са-не «совершенных», если не больше. Был разведен большой костер, и их всех в него побросали; нашим не было даже необходимости их туда бросать, ибо, закоренелые в своей ереси, они сами в него бросались. Лишь три женщины избегли огня, спасенные одной благородной дамой, матерью Бушара де Марли, которая вернула их в лоно Церкви.

Об орудиях пытки

Железная дева

«**К**огда французские войска вошли в Толедо во время войны в Испании (1808–1814), генерал Ласаль посетил дворец инквизиции. Многие инструменты пыток поразили воображение даже видавших смерть французских солдат.

Один из этих инструментов, единственный в своем роде по изошренности смерти, которую он нес своим жертвам, заслуживает отдельного разговора.

В подземном зале, примыкавшем к камере пыток, в нише в стене стояла статуя, сделанная руками монахов и изображавшая Деву Марию. На голове у нее был позолоченный нимб, а в правой руке — знамя. С плеч ее ниспадали складки шелкового одеяния, однако под ними была видна кираса. При ближайшем рассмотрении можно было обнаружить, что вся передняя часть фигуры была утыкана шипами остриями внутрь. Ее руки имели шарниры, и их движение обеспечивалось механизмом, расположенным за перегородкой, в теле железной девы. Одному из слуг инквизиции было приказано показать статую в действии (*en manoeuvre**, как выразился генерал).

Дева медленно раскрыла объятия, будто бы собиралась нежно прижать кого-нибудь к груди. Вместо человека ей подсунули до отказа набитый ранец польского гренадера. Статуя прижала его к груди, и когда по приказу генерала слуга инквизиции разомкнул ее руки, все увидели, что шипы прокололи ранец на глубину двух-трех дюймов, и тот так и остался висеть на груди железной девы из Толедо» (Р. и Ш. Перси «Случаи из служения Перси»)**.

Железная дева — поистине страшное устройство!

Конструкция ее представляла собой саркофаг высотой чуть более двух метров, внутри которого размещалось множество шипов длиной до 20 сантиметров, доставлявших человеку нестерпимые страдания. Расположены они были так, чтобы не задеть жизненно важные органы.

Запертый в железном ящике человек разом получал десять колотых ран: две в плечах, две в пояснице, три в груди, по одной в ягодицах и одну в животе. Некоторые особо изошренные конструкции Железной девы выкалывали глаза.

Человек не мог даже упасть — шипы держали его достаточно крепко.

* В действии (*фр.*).

** Цит. по: Лейн Б. Энциклопедии пыток и казней.

Нередко палачи несколько раз открывали и закрывали двери саркофага, углубляя и без того жестокие раны.

Обычно такая пытка заканчивалась летальным исходом.

Груша страданий

Это орудие пытки было изобретено в XVI веке французским разбойником Гошеру. Оно состояло из железного корпуса грушевидной формы, разделенного на сегменты, которые могут раздвигаться поворотом винта.

Грушу страданий применяли при допросах богохульников и лжецов, гомосексуалистов и женщин, совершивших аборты. В зависимости от того, в каком преступлении обвинялся человек, выбирался и тип применяемой груши, которую вводили в ротовую полость, в анальное отверстие или во влагалище. Вагинальная груша была самой большой по размеру, ротовая и анальная по габаритам были сопоставимы с современными лампочками накаливания.

Чисто внешне груша, в отличие от Железной девы, ужаса не вызывала. Но выживали после ее применения единицы, да и они оставались калеками на всю жизнь.

При закручивании винта сегменты груши раскрывались подобно цветку, впиваясь в носоглотку (стенку прямой кишки, шейку матки), что приводило к разрыву тканей и кровотечению. Оральная груша также ломала зубы арестанта.

Пытка грушей считалась одной из самых суровых. Однако палачи находили способы умножить муки жертвы. Например, иногда грушу сильно нагревали.

Библиография

- Арну А.* История инквизиции. М., 2018.
- Бёмер Г.* История ордена иезуитов. М., 2012.
- Болье М.-А. П. де.* Средневековая Франция. М., 2014.
- Будур Н.* Инквизиция. Гении и злодеи. М., 2006.
- Видок Э.Ф.* Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. В 2 т. М., 2016.
- Вульфюис А.Г.* Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. Пг., 1916.
- Григулевич И.Р.* История инквизиции. М., 1985.
- Грин Т.* Инквизиция: царство страха. М., 2011.
- Данем Б.* Герои и еретики. М., 1967.
- Демурже А.* Жизнь и смерть ордена тамплиеров. 1120–1314. СПб., 2017.
- Дэвис У.С.* История Франции с древнейших времен до Версальского договора. М., 2018.
- Дэниел М.* Тайные тропы носителей смерти. М., 1990.
- Згурская М.П.* 50 знаменитых загадок Средневековья. Харьков, 2013.
- Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.
- Каратини Р.* Катары. Боевой путь альбигойской ереси. М., 2010.
- Карсавин Л.П.* Вальденсы. Пг., 1914.
- Корнуэлл Б.* Скиталец. М., 2006.
- Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании. М., 2001.
- Лейн Б.* Энциклопедия пыток и казней. М., 2018.
- Ли Г.Ч.* Возникновение и устройство инквизиции. М., 2017.

- Ли Г. Ч.* История инквизиции в Средние века. СПб., 1911.
- Лозинский С. Г.* История инквизиции в Испании. СПб., 1914.
- Льоренте Х. А.* Критическая история испанской инквизиции. М., 1999.
- Мейкок А. Л.* История инквизиции. М., 2002.
- Мортимер Я.* Заложники времени. М., 2018.
- Мортимер Я.* Средневековая Англия: путеводитель путешественника во времени. М., 2014.
- Орлов М. А.* История сношений человека с дьяволом. М., 1992.
- Паевский А., Хоружая А.* Вообще Чума! История болезней от лихорадки до Паркинсона. М., 2018.
- Ракитин А. И.* Загадочные преступления прошлого. М., 2007.
- Средневековье в его памятниках. М., 1913.
- Такман Б.* Загадка XIV века. М., 2013.
- Фо Г.* Дело тамплиеров. СПб., 2004.
- Цандер Х. К.* Как святая инквизиция объявила забастовку. СПб., 2013.
- Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб., 2004.
- Шустер Г.* История тайных обществ, союзов и орденов. М., 2017.
- Bizouard J.* Des Rapports de l'Homme Avec Le Démon. Vol. 1–2. Paris, 1863.
- Brenon A.* Le petit livre aventureux des prénoms occitans au temps du catharisme. Toulouse, 1992.
- Brenon A.* Le vrai visage du catharisme. Toulouse, 1990.
- Brenon A.* Les cathares: Pauvres du Christ ou apôtres de Satan? Paris, 1996.
- Carmona M.* Les Diables de Loudun. Sorcellerie et politique sous Richelieu. Paris, 1988.
- Clébert J.-P.* Guide de la Provence mystérieuse. Paris, 1998.
- Dane J. A.* Inquisitorial Hermeneutics and the Manual of Bernard Gui // Tenso. 1989. Vol. 4. № 2.
- Dedieu J. P.* L'Inquisition. Paris, 1987.
- Dedieu J. P.* Les mots de l'Inquisition. Toulouse, 2002.
- Doncoeur P.* Paroles et lettres de Jeanne la Pucelle. Paris, 1960.
- Dumas F. R.* Dossiers secrets de la sorcellerie et de la magie noire. Paris, 1971.
- Duvernoy J.* Le Catharisme: la Religion des cathares. Toulouse, 1976.
- Fabre J.* Les bourreaux de Jeanne d'Arc et la fête nationale. Paris, 1915.
- Foreville R.* Latran I, II, III, et Latran IV. Paris, 1965.
- Grisel R.* Presence de Jeanne d'Arc. Paris, 1997.
- Gui B.* Manuel de l'Inquisiteur. V. 1–2. Paris, 1927.

- Guidonis B.* Practice Inquisitionis heretice pravitatis. Paris, 1886.
- Kamen H.* The Spanish Inquisition: A historical review. New Haven; London, 1998.
- Le Bras-Chopard A.* Les putains du Diable. Paris, 2006.
- Llorca B.* La Inquisicion en Espana. Madrid; Barcelona, 1936.
- Percy R. and S.* The Percy Anecdotes, Reuben and Sholto Percy. London, 1820.
- Scott J.R.* History of Corporal Punishment. London, 2016.
- Shannon A.C.* The Popes and Heresy in the thirteenth century. New York, 1949.
- Tanon L.* Histoire des tribunaux de l'Inquisition en France. Paris, 1893.
- Vacandard E.* The Inquisition. A critical and historical study of the coercive power of the church. New York, 1940.

Содержание

Основные предпосылки к рождению инквизиции	5
Устройство инквизиции и примечательные персоналии	
Особенности феномена инквизиционной машины	21
Какие люди служили в инквизиции	23
Кто мог стать инквизитором	33
Пара слов о быте средневекового инквизитора	37
Организация и структура инквизиции	42
Как строилось обвинение	48
Как строился следственный процесс	52
Особенности инквизиционного допроса	56
Пытки инквизиции	62
Как все начиналось	62
Тюремные условия	66
Психология пытки	68
Мучители и истязатели	76
Самые распространенные пытки	80
Вынесение приговора	95
Аутодафе	103
Казнь через сожжение	106
Инквизиция и инквизиторы во Франции	
ХIII век. Сто лет становления	111
Наша служба и опасна, и трудна	111
День открытых дверей	112
Штрафные взыскания от святой инквизиции	116
Кто на свете всех беднее?	118
Великий брак по расчету: инквизиция и светская власть . .	120

XIV век. Время противостояний	121
«Крестовый поход» против инквизиции.	121
Бернар Ги против альбигойской ереси	124
Жак Фурнье против Гийома Белибаста.	126
Филипп IV против тамплиеров.	128
Понтифики против Рима.	135
Чума против населения	139
Флагелланты против самих себя.	141
XV век. Под знаком колдовской ереси.	144
Северные отделения французской инквизиции	144
Дело Орлеанской девы.	145
Разгул колдовства в XV веке	152
Malleus Maleficarum. Так ли страшен черт, как его малюют?	156
XVI век. Великая Реформация.	159
Гугеноты как новый объект гонений.	159
Игнатий Лойола как мессия контрреформации	164
На волнах Реформации — в натурфилософию.	167
Инквизиция и алхимики	169
XVII век. Одержимость входит в моду	171
Бесы в Экс-ан-Провансе	171
Славный город Луден.	178
Одержимость приходит в Нормандию	182
XVIII век. Конец инквизиции во Франции.	184
Заключение.	187
Приложения	
Пример словесного допроса, рекомендованный Бернаром Ги.	190
Выдержки из «Альбигойской истории» Пьера де Во-де-Серне	193
Об орудиях пытки	196
<i>Библиография.</i>	199

Московских Н.

М82 Инквизиция и инквизиторы во Франции / Наталия Московских. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 208 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-518-0

После Альбигойского крестового похода — серии военных кампаний по искоренению катарской ереси на юге Франции в 1209–1229 годах — католическая церковь учредила священные трибуналы, поручив им тайный розыск еретиков, которым все-таки удалось уберечься от ее карающей десницы. Так во Франции началось становление инквизиции, которая впоследствии распространилась по всему католическому миру. Наталия Московских рассказывает, как была устроена французская инквизиция, в чем были ее особенности, как она взаимодействовала с папским престолом и королевской властью. А также о том, как были устроены тюрьмы, как допрашивали подозреваемых, какие пытки были в ходу и какие наказания практиковались по приговору инквизиционного суда. Дополняет все это исторический очерк о деятельности инквизиции во Франции в XIII — XVIII веках с описанием самых громких ее расследований и деяний знаменитых инквизиторов.

Наталия Московских — историк, психолог, переводчик с английского и французского языков.

УДК 94(44)"198/1791"

ББК 63.3(4Фра)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Наталия Московских

Инквизиция и инквизиторы во Франции

Редактор С. Лункин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 22.03.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87